

Александр Ёж

Приборы

на шесть персон

16+

Александр Ёж
Приборы на шесть персон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43477127

SelfPub; 2020

Аннотация

Без сомнения, Вы знаете, что у каждого старого строения есть своя история. Это поместье расскажет Вам не одну историю.

Содержание

Вечер первый.	4
Вечер второй.	88
Вечер третий.	123
Вечер четвёртый	170

Вечер первый.

Дворецкий Игнат вошел в обеденный зал и зажёл одну из двух красных свечей на одном из трёх подсвечников, находящихся на довольно массивном камине, выложенным из многовекового дикого камня. Вероятно, очаг был построен вместе с помещьем, и несомненно требовал периодического ухода и чистки, не смотря на наличие прислуги в доме, заботой о нём Игнат занимался всегда лично, как, наверное, и растопкой. Хотя никто ни разу не видел, как огонь внутри разжигался и потухал, камин горел постоянно, на лето перекрывались некоторые заслонки, и в комнаты не поступало тепло от него. На зиму же, как сейчас все заслонки были открыты.

В самом же обеденном зале температура была стабильно комфортной. Открылись двери кухни и три официантки молча начали разносить посуду и столовые приборы на шесть персон. Затем принесли напитки и горячее.

Игнат молча наблюдал за всем происходящим. Он крайне редко разговаривал с прислугой, указания им раздавали старшие на объектах, будь то кухня, подвал, двор или комнаты постояльцев, с ними то и общался дворецкий. Всегда деликатно, учтиво, никогда не срываясь на крик, не допуская ругательств ни от себя, ни от персонала. Все знали, что и когда делать, кухня, например, была в курсе, если загорает-

ся бледно розовая свеча на подсвечнике пора подавать завтрак, белая – обед, красная, время ужина. Загадкой оставалось лишь одно, как свечи на кухне загораются самостоятельно, абсолютно без стороннего вмешательства, но этот вопрос никто Игнату не решался задавать. Ведь этот мужчина выглядел весьма пугающе. Когда он смотрел на кого-нибудь из персонала создавалось ощущение, что он не видит перед собой человека, точнее видит не человека, а то что в нём, душу. На вид дворецкому было лет шестьдесят с небольшим, прямые, зачесанные назад волосы с множеством седых прядей на висках, надо лбом, густые брови, тёмно-карие глаза, умеренной длинны прямой нос, аккуратная борода а-ля Франц Иосиф. Идеально отглаженный костюм тройка, пиджак с двумя пуговицами, на одной из которых висела цепочка от раритетных карманных часов, вероятно перешедших по наследству от прадеда, галстуков не носил принципиально. На улице носил чёрный цилиндр, постоянным атрибутом являлась трость из лакированного дерева чёрного цвета, с навершием в виде булавы с короткими шипами, примерно в треть сантиметра. Прямая как струна спина и до зеркального блеска начищенные туфли, потомственный дворянин, ни больше не меньше. Однако прислуга никогда бы не пожелала ещё раз пересечься с ним взглядом, потому как каждый член персонала проходил собеседование о приёме на должность с ним лично, и каждому пришлось встречаться с этим мрачным, пронизывающим до костей взором. Каждый ухо-

дящий с собеседования выходил из помещения с чувством перемешанных внутренностей и вынудой души. Не принятые на работу с облегчением вздыхали, те же, кто был принят, вздыхали с облегчением потом, в дни зарплаты.

Правила в поместье были более чем строгими, с постояльцами говорить запрещалось, за исключением случаев, когда гость обращался первым. Приводить на работу кого-нибудь из семьи или знакомых запрещалось, так же множество штрафов за порчу имущества или разбитую посуду. С каждым сотрудником был подписан договор о неразглашении сведений о зарплате, постояльцах и событий, происходящих в поместье. Каждый из прислуги был заранее предупреждён о том, что на территории могут происходить различные вещи, выходящие не только за рамки законов физики, но и за рамки здравого смысла, и что всё это должно остаться в стенах поместья, несмотря ни на что.

Самовозгорающиеся свечи, для всех уже были приемлемой странностью этого дома, однако в этот вечер произошло нечто более странное, точнее несуразное. Один из постояльцев приехал с собственным креслом. Оно было очень старое и невероятно тяжелое – морёный дуб, обитое цельной шкурой медведя, даже с когтями, и обрамлённое огромным количеством маленьких металлических зверей, одни из них были в красной книге, другие вымерли, причём довольно давно, ещё несколько были совсем неизвестны, вероятно, вымысел ремесленника.

Постоялец, а точнее гостья, попросила сразу доставить его к обеденному столу. Игнат распорядился убрать лишний стул, так как стол был овальным, кресло было решено установить в центре одного из краёв, тремя мужчинами было взгромождено данное произведение неизвестного зодчего на свободное место. Сама же гостья, слегка прихрамывая на правую ногу, постукивая тростью, направилась в комнату, отдохнуть после длительного путешествия. Насколько успела рассмотреть её прислуга дома, это была молоденькая девушка лет двадцати пяти, русая, с большой белой проседью на лбу, аккуратно зачёсанной за остатки правого уха, верхняя его часть отсутствовала, как будто срезана чем-то очень острым. Маленькая, хрупкая, аккуратный маникюр завершал тонкие длинные пальцы правой руки, мертво сжимающие наверху трости в виде змеиной головы, которая и помогала при ходьбе.

Ранним утром и в обед этого же дня в поместье прибыло ещё четверо гостей, никто из них не пожелал завтракать или обедать, поэтому ужин, будет, пожалуй, первым мероприятием, когда все они соберутся вместе. Таким образом в поместье находилось шесть постояльцев, дама с креслом, четверо путников и проживающий тут на постоянной основе старичок, Семён Григорьевич.

Игнат зажжёт вторую красную свечу угольком из камина. Официантки спешно покинули зал, закрыв за собой массивные деревянные двери. Дворецкий осмотрел помещение,

стулья расставлены идеально, кресло почти полностью пришлось задвинуть под стол, приборы, посуда и салфетки выровнены по нитке. Открыл крышку первого блюда, горячее пахло восхитительно и испускало пар. Всё было превосходно, кроме освещения, слишком ярко для ужина, он сделал мягкий приглушающий жест рукой, и внезапно все свечи и лампочки в обеденном зале начали светить в пол силы.

Гости спускались к ужину. Сначала, четверо прибывших днём. Следом девушка с тростью, дворецкий услужливо, без особых усилий, отодвинул её массивное кресло, возле которого ненадолго задержался один из прибывших, видимо вспомнив что-то давно утраченное в закоулках памяти, позволив даме сесть, и предложил подержать трость. Получив отказ, вернулся в своё кресло возле камина, в самом тёмном углу помещения, почему-то свет на эту часть комнаты не падал, даже не смотря на близость очага с открытым пламенем, единственное, что было видно, это лакированные туфли дворецкого, изредка поблёскивающий уголёк в его трубке и цепочку от часов. Последним спустился Семён, присев по правую руку от единственной дамы за столом.

Дворецкий невидимым движением руки нажал на звоночек, находящийся на подлокотнике его кресла, приоткрылась дверь с кухни всё те же официантки спешно разложив еду и разлив напитки удалились.

– Господа, и дама, – вежливо повернув голову в сторону девушки, начал беседу Семён Григорьевич, – всех вас я ви-

жу здесь впервые, по – этому хотелось бы, что бы вы представились.

Сделав жест рукой, он передал слово, сидящему справа мужчине.

– Сергей Вячеславович, по работе здесь со своим старым другом и бухгалтером по совместительству, – Мужчина указал на сидящего рядом, – Василий не очень разговорчив. А вы господа?

– Борис Николаевич, нахожусь на отдыхе, решил объехать область, наконец-то, а то кроме работы, аэропорта и курортов ничего не видел, – произнёс молодой человек с красивой чёрной бородой, очках в роговой оправе и блютус наушником в левом ухе.

– Хота Канги, прилетел по делам из-за границы, не думаю, что надолго задержусь в стране.

– Ксения Викторовна, путешествую по стране, – закончила знакомство девушка, – может, и вы представитесь?

– Обязательно, Семён Григорьевич, постоянно проживаю в этом поместье и составляю компанию нашему достопо-чтенному дворецкому Игнату. Я вижу вы, Ксения со своим креслом прибыли к нам?

– Да, оно очень дорого для меня.

– Подскажите, не мог ли я раньше видеть его где-нибудь.

– Не знаю, хотя всё может быть, оно досталось мне от моего друга, где было до того момента, и кто его изготовил я без малейшего понятия.

– О, значит, у него есть своя история, обожаю истории, не хотите поведать нам ту часть, о которой вы в курсе?

– Думаю, что могу, если господа не против.

– Сомневаюсь, что они будут возражать, – уверил Семён
– Так ведь?

– Прошу простить, меня, – вступил в беседу голос из тёмного угла, – так же, я думаю, господа не будут против принять свой обычный вид, дабы окончательно расслабиться, погрузиться в трапезу и рассказ этой юной леди.

Окружающие одобрительно кивнули. Раздался щелчок пальцев. Гости начали преображаться на глазах. Семён Григорьевич, статный старик, внезапно сгорбился, и начал покрываться мхом, руки и ноги его теперь больше были похожи на узловатые ветки деревьев, длинная густая борода превратилась в свисающую тину, кожа стала похожей на кору болотистых деревьев. Красивый резной стул под ним превратился в срубленный пень с торчащим куском древесины в качестве спинки.

Сергей Вячеславович, из пухленького молодого человека, превратился в средних лет худощавого мужчину, смертельно бледного. Его безукоризненный полубокс с зачёсом назад и пробором превратился в длинные чёрные волосы. Увесистый серебряный браслет на левой руке начал медленно растекаться по кисти, пока металл полностью не поглотил конечность от запястья до кончиков пальцев. Сергей достал из кармана брюк резинку и убрал волосы в хвост на затылке.

Василий, довольно худенький черноволосый мужчина, снял очки половинки, покраснел, затем слегка надулся, а когда начал медленно спускать воздух через нос, размеры его стали уменьшаться, до тех пор, пока спутника Сергея стало совсем не видно из-под стола.

Указательным пальцем Игнат медленно провел снизу-вверх по воздуху, пока стул, на котором сидел Василий не стал выше, предав обозрению сидящего. А он был чуть больше домашнего кота, большие зелёные глаза, всклокоченные рыжие волосы, такие же усы, больше похожие на старую обувную щетку, крохотные ручки и ножки.

Кожа Хота Канги из белой европейской, стала желтой и иссохшей как песок в пустыне, русые длинные волосы поредели и укоротились до седого ёжика. На венах рук появились многочисленные порезы, которые были заметны даже через татуировку во всё правое предплечье, и широкий браслет от часов, а также множество фенечек и повязок на левой. На внутренней стороне руки была наколота гюрза с раскрытой пастью, обвившая косу, на внешней, шлем разделённый пополам, левая от доспеха гладиатора, правая от самурайского, с частью маски демона Они. Всё это дополнено большим количеством японских иероглифов, игральными костями и картами, верхней из которых был джокер.

Борис наклонился, снял очки, и вместо них водрузил на правый глаз чёрную повязку, полностью закрывающую глазницу, наушник так и остался в ухе.

Внешний вид Ксении остался без изменений.

– Я полагаю Василию, необходимо сменить приборы и пищу? – в очередной раз раздался голос из темноты.

– Спасибо я сыт, – Раздался скрипучий, как старая деревянная калитка, голос.

– Сергей, – Повернулся вправо леший, – насколько не изменяет мне память, домовой, ваш спутник, не может покинуть дом.

– Может, в нескольких случаях, потеря дома, смерть всех хозяев и изгнание.

– Хм, не слышал о таком, – смутился Семён, – Василий, позвольте уточнить, а какой из случаев заставил вас покинуть дом?

– Все три, – отрезал домовой, и прихлебнул вина.

Старик смутился ещё больше.

– Что ж, барышня, кажется, мы вас прервали, если ещё не передумали, можете начинать свой рассказ.

– Не передумала, это было около десяти лет назад...

Дочь Мясника

Ксю подошла к мясной лавке, смежной с магазином чушел. Хозяин у них был один, бессменный, довольно странный человек по имени, впрочем, имени она его не знала, потому что переехали они с бабушкой, старшей сестрой и её парнем, совсем недавно.

Бабушка быстро втянулась в местную жизнь и уже на второй день сплетничала с соседками, от них старушка, Ана-

стасия Андреевна, и узнала о странном мяснике. Старожилы помнят его ещё по своей беспечной молодости, и с тех пор он не изменился ни капли, разве что немного поседел, нарастил мышечную массу, да и живот немного появился, тогда же он был как – будто высечен из камня, очень умелым скульптором, ни грамма лишнего жира, Аполлон, одним словом. Прошло около тридцати или сорока лет, никто точно не помнит, когда он появился в городе, и теперь он больше напоминает шкаф из цельного, векового дуба. Он почти не выходил из дома, в котором на первом этаже было организовано два магазина «Мясная Лавка» и магазин чучел, со странным названием «Вурдалак», так хозяина, собственно и называли за глаза почти все местные. Может и не зря, его никогда не видели в городе при свете дня, да и с его зубами.

Дверь в «Мясную Лавку» была закрыта, Ксения постучала, в ответ – тишина, подошла к соседней двери, и лишь протянула руку, чтобы толкнуть, как тут же одёрнула её. По ту сторону двери, примерно в трёх шагах от девочки, стоял здоровенный пёс, школьнице было тяжело определить породу в полумраке, может это был даже волк. Приоткрытые челюсти, с внушительного размера зубами, горящие зелёные глаза, тёмно-бурая шерсть встала дыбом на холке, и лапы, толщиной сантиметров восемнадцать не меньше, короче человеческих ног примерно на треть, но, явно не уступающие в количестве мышечных тканей, а человек, как известно, не конкурент собаке в забегах. Ксю невольно отшатнулась, мало

ли. Бабушка просила купить мяса, однако, глядя на зверюгу внутри, желание ждать хозяина «Лавки» отпало напрочь, ещё пару дней они поживут на овощах и яйцах, ничего плохого не случится. Лучше вернуться завтра днём, а сейчас стемнело, луна пошла на убыль. Ксюша девочка взрослая, девятый класс всё-таки, да и пятнадцать лет через пару месяцев, и конечно, в сказки про оборотней, вампиров и прочую нечисть она не верила. Но природные страхи давали о себе знать, и она быстрым шагом, на подрагивающих коленках пошла домой.

Из-за угла соседнего дома показалась большая, чёрная морда, блеснули глаза один серо-голубой другой зелёный. Зверь коротко рыкнул, развернулся и в два прыжка перемахнул через трёхметровый кирпичный забор, его звал лес.

– Ну что, купила? – спросила сестра, едва девочка переступила порог дома.

– Нет, закрыто.

– Подождать надо было, говорят он всегда на месте.

– Маш, ну сходи сама, раз так хочешь, там стемнело уже.

– Испугалась что ли? – Старшая сестра прижала к себе Ксюшу, почувствовала, как та дрожит, хотя на улице было лето, – завтра вместе ходим, хорошо?

– Ладно, – вздрагивающим голосом произнесла младшая.

– С бабушкой я сама поговорю.

– Может, вообще ей говорить не будем?

– Ага, а мясо у соседей из холодильника украдём.

Ксения улыбнулась, Маша всегда умела её подбодрить, развеселить, все пятнадцать лет. Да и Ксю в этом преуспевала, частенько называя Машу – мамой, путая толи не нарочно, толи специально, чтобы подчеркнуть важность этой двадцатипятилетней девушки в своей жизни. Макса, однако, она папой не называла, хотя, парень в свои двадцать семь выполнял все обязанности главы семейства, и, что странно, успевал учиться. Хотя, на пятом курсе это не удивительно, тем более, когда за спиной уже есть высшее военное училище. Маша помогла найти две работы, на которых платили порядочные деньги, охранник и курьер, ночь через сутки и день через сутки. К этому доходу плюсовалась пенсия Анастасии Андреевны и Ксюши, ну и Машины шабашки. Она замечательно рисовала и пела, но с этими параметрами стабильную работу найти довольно трудно. За окном блеснул свет фар, умолк шум двигателя японки, послышались знакомые шаги.

– Привет девчонки! Что-то вы не весёлые, – Максим зашёл, закрыв за собой железную дверь на ключ.

– Да, Ксенька, что – то перепугалась, – ответила на вопрос Маша.

– Не мудрено, темнеет уже в шесть вечера, город большой, не знакомый, да ещё и полнолуние на дворе. Я и то от теней в подворотнях шарахаюсь, хотя парень, вроде не маленький, восемьдесят семь килограмм живого мяса.

– Ну да, – удручённо произнесла Маша, – не надо было тебя отправлять одну так поздно.

– А что это за тень была? – уточнила младшая.

– Да, чёрт его знает, собака вроде, но здоровая, зараза. Не обращай внимания, у страха глаза велики. А, может, и оборотень, – сказав это, парень растопырил руки и двинулся в сторону девочки, изображая медведя. Ксения засмеялась, спрятавшись за сестру.

– Я сегодня видела большую собаку, в магазине с чучелами, возле лавки мясника.

– Ксень, ну, во-первых, это «Мясная Лавка», а во-вторых это чучело, раз она там стояла, так что ты зря испугалась, – улыбнулся парень.

– По нему не скажешь. Ты же завтра свободен днём?

– Ну да, вечером только на дежурство.

– Вот и договорились, завтра ты, мне и маме устраиваешь экскурсию в эту самую лавку.

– Отлично, а сейчас я хочу есть, спать и...

– Ужин в холодильнике, кровать наверху, – ласково улыбнулась Маша, уклонившись от объятий парня.

– Ну-ну, – с улыбкой ответил Максим.

– А мы пойдём посмотреть телевизор, – встала Ксения, показала парню язык и потащила сестру в зал.

На кухне послышался кроткий писк микроволновой печи, лёгкий шум столовых приборов.

– Ну и что вы смотрите, фигню какую-то? – едва прожевав, спросил глава семьи, опускаясь на подлокотник дивана, с тарелкой и вилкой.

– Это не фигня, это «Клиника», – возразила его возлюбленная.

– Ясно, а бабушка где?

– В ванной, уже полтора часа отмокает, надеюсь не утонула.

– Да лучше бы, – тихонько вставила Ксюша.

– Труп не хочу оттуда вытаскивать, – на ухо ей шепнула Маша.

Младшая захихикала, послышался щелчок замка в ванной комнате.

– Нет, не утонула, – огрызнулась Анастасия Андреевна, – вам бы по быстрее избавиться от старухи, чтобы дом себе захватить.

– Анастасия Андреевна, давайте, не будем по заезженной пластинке, дом, такой же ваш, как и наш, – попытался разрядить обстановку парень.

– Не лезь, Максим! Тут внучки смерти моей хотят, а ты их прикрываешь! Ты хоть и не родственник, а и то лучше, чем эти две, – бабушка кивнула в сторону девочек, – отнисься!

– А вы переживайте по – меньше и псов на них не спускайте, и всё будет тихо и мирно.

– Не лезь говорю! – сорвалась на крик бабушка.

– Себе дороже, – парень встал и ушел на кухню.

– Ты всё купила? – Анастасия Андреевна вопросительно посмотрела на Ксю.

– Нет, – чуть не плача выдавила из себя девочка.

– Вот! Так вы меня любите! Неделю уже белка не получаю в нужном количестве! Так и помереть не долго!

– Быстрее бы, – буркнула под нос младшая.

– Что ты сказала??? – в конец озверела бабушка.

Занесла руку для пощёчины, Ксюша зажмурилась и сжалась, возле головы девочки запястье старухи перехватила рука Маши.

– Зайчонок, иди наверх, – произнесла старшая, школьница открыла глаза, и через секунду её уже не было в комнате.

Снизу ещё долго доносились крики, мат, мужской, женский, упрёки. «Родителей в могилу свели и меня хотите туда же отправить?!», «Вот она вся твоя забота стерва старая!» и всё в подобном духе. Ксюша закопалась в плед, накрыла голову подушкой и тихонько заплакала. Минут через тридцать, к ней, уже спящей, поднялась Маша.

– Малыш, – тихонько позвала старшая. Ответа не последовало, она погасила ночник, укрыла пледом, присела на край кровати. В остальном ночь прошла спокойно, если не считать жутковатый вой, который разбудил Максима часа в три ночи. Парень выскользнул из кровати, взял сигареты с тумбочки, тихо вышел на балкон. Вой прекратился спустя минуту или две, после того, как была прикурена сигарета, судя по всему, звук шёл из леса, в паре километрах от их района. Это точно была не собака. Парня обняли нежные руки любимой девушки.

– Ты чего не спишь?

– Да так, показалось.

– Дай мне, – девушка взглядом указала на сигарету.

– Они тяжелые.

– Я чуть – чуть, – Маша затынулась, – пойдём спать, а то во мне сейчас вампир проснётся.

– Пошли, – улыбнулся парень и выкинул сигарету.

– У вас там... – и слова застряли в горле, едва Максим увидел мясника.

– Не стой на пороге, проходи, – буркнул хозяин лавки.

– А, да, – вышел из ступора парень.

В Максе было сто восемьдесят семь сантиметров роста и без малого девяносто килограмм веса, но рядом с мясником, он казался мальчишкой из подростковой группы. Этот человек был просто огромен. Примерно два с половиной метра роста и около полутора в плечах, вероятно даже больше. Руки толщиной с трех литровую банку, шея не многим меньше, чёрная как смола борода до середины шеи, такого же цвета волосы, но с проседью, до плеч длинной. Большой нож для разделки мяса в его ладони казался игрушкой. Однако в чертах лица не было ничего сверхъестественного, европейского типа череп, небольшой нос, с горбинкой, судя по всему от перелома, густые брови, массивный подбородок, выдающиеся скулы, одно что, глаза разного цвета, зелёный и серо-голубой. И тут этот человек-гора улыбнулся, немного неправильный прикус, хотя, это даже к лучшему, ведь с такими

клыками, челюсть он бы явно не закрыл.

– Ты тут новенький, – вынес свой вердикт хозяин.

– Да, недавно перебрались.

– Ничего, привыкнешь, чего хотел то?

– Чучело хотел посмотреть.

– Пёс не продаётся, – строго отрезал хозяин.

– Да мы только посмотреть.

– «Мы», это ты и вон те две девчонки? – мясник кивнул на улицу, – Жена с дочерью что – ли?

– Почти.

– Почти жена или почти дочь?

– Чуть – чуть того и другого, моя девушка и её младшая сестра.

– Странное определение дочери, ну, идите, сейчас открою.

– И ещё.

– Я весь внимание.

– Нам посоветовали ваше мясо, но здесь было закрыто.

– Я по делам уезжал, да, мясо у меня лучшее в городе, какого желаете?

– А что, ассортимент большой?

– Огромный! У страшного мясника, страшно большой выбор мяса, – рассмеялся мужчина.

– Самокритика, это конечно хорошо, но зачем же так жестко, не такой вы и страшный.

Мясник расплылся в своей ужасающей улыбке. Парня пе-

редёрнуло.

– Критика вполне точная, особенно если судить по выражению твоего лица, идите, сейчас открою, потом жду за покупками.

Маша щекотала младшую сестру, хохотали от души обе.

– Ты почему так долго? – спросила Ксюша, вытирая слёзы, проступившие на глазах от смеха.

– Заболтался, сейчас откроет.

– Вот чёрт, – только и успела произнести старшая сестра, её взгляд застыл на гигантской фигуре, внутри магазина с чучелами, рука невольно сжала предплечье Макса.

Ксюша просто замерла с открытым ртом. Хозяин помещений пригнулся, и аккуратно, боком вышел из магазина, несмотря на это, всё равно зацепился головой за верхний косяк двери, причём так, что задрожали витрины обоих магазинов.

– Ёп, никак дверь не сменю, проходите, не бойтесь, – произнёс здоровяк, сделав пригласительный жест рукой.

Выпрямившись, он полностью закрывал собой входную дверь и задевал головой ткань, которой, был обтянут козырёк от солнца.

– Девчонки, пошли, – окликнул сестёр парень.

– А, – в один голос отозвались девушки.

– Пойдём, говорю.

Все трое двинулись ко входу, хозяин услужливо открыл перед ними дверь, взявшись за ручку двумя пальцами.

– Сами посмотрите, или провести краткий экскурс? – голос был густой, довольно громкий, но не отталкивающий, не пугающий и не навязчивый.

– В основном, думаю, сами, – ответил Макс.

– А в частном?

– Что за пёс?

– Пожалуй, я уйду от ответа, это личное.

– Жаль, тогда ждите за покупкой, а тут мы сами, как-нибудь разберёмся.

– Договорились, – хозяин заведения удалился.

Ксения ещё долго смотрела в след уходящему великану.

– Ксю, а он и, правда, как настоящий, – Макс потрепал по голове девочку.

– А? Что? – оглянулась она.

– Я про пса, что-то подобное я видел в переулке, только побольше, кажется.

– Ну да, вот я и испугалась, давайте посмотрим остальных, – продолжила Ксения.

Группа двинулась вдоль по коридору, а он оказался весьма длинным, скорее это была даже галерея. Чучела животных, птиц, здесь, казалось, был весь животный мир, от колибри до белого медведя, от лягушки до аллигатора, за исключением гигантов, вроде белых акул, касаток, слонов, носорогов, был даже молодой жираф, он, сев на паркетный пол, щипал листья пластикового куста. Некоторые животные были исполнены в двух, трёх позах, некоторые были участниками экс-

позиций, рельеф и местность одних была ещё кое – где не доделана, местами висели таблички «заказано» или «продано».

– Это невозможно, – прошептала школьница, остановившись у очередной витрины.

– Что? – подошла и обняла сзади старшая сестра.

На экспозиции был выставлен обычный дворовый кот, который в прыжке, когтями пытался ухватить только что взлетевшего воробья.

– Невозможно делать такую ювелирную работу его руками, ты их видела?

– Видела и понимаю, о чём ты, но всех чучел он делал сам, на сколько я знаю.

– Да, сам, – будто бы из пустоты возник владелец галереи.

– Мы не слышали, как вы подошли, – произнесла Маша, глядя на обувь гиганта.

Это были ботинки «Camelot» с двухсантиметровой подошвой, размера пятьдесят четвёртого или шестого. Несмотря на свои размеры, хозяин ботинок, видимо, обладал не дюжим проворством, бесшумно подойти в такой обуви весьма сложно, особенно при весе, килограмм в сто восемьдесят, если не больше.

– Покупатель заходил, ну что, тут собственно моя небольшая коллекция и заканчивается.

– И не жалко тебе всех этих зверушек? – зло посмотрела на мясника Ксюша.

– Ксень, где твои манеры! – одёрнул её за руку Максим.

– Да ладно, я не такой старый, что бы ко мне на «Вы», – как-то заученно произнёс великан, – они не из красной книги, и у меня безотходное производство, – на его лице заиграла лёгкая ухмылка.

– В смысле? – не сообразил парень.

– Черепа быстро раскупают, фигурки из костей я сам коллекционирую, шахматы, нарды, тоже долго не задерживаются, костяная пыль и кое-что из внутренностей я отдаю местным фармацевтам, остальные органы и мясо – деликатесы, разбирают дня за три. Так вам какого мяса? – улыбнулся хозяин, слегка оголив клыки, – белый медведь, лев, крокодил, змеи, голуби, или просто говядина или свинина? Конины могу предложить.

– Я, наверное, стану вегетарианкой, – пробурчала младшая.

– Четыре килограмма говядины, нам пока не по карману экзотика, да и Ксюша сегодня что-то не в духе, – сделал заказ Максим.

– Хорошо, в таком случае, на выход, я закрою и оформлю.

Макс остался на улице курить, а девушки зашли в смежный магазин, буквально в тот же миг, за прилавком возник продавец.

– Пять килограмм, – он положил кусок мяса на весы, ровно.

– Нам надо четыре, – произнесла Маша, отсчитывая день-

ги.

Мясник снял кусок с весов, удерживая на весу, махнул своим «игрушечным» ножом, положил в пакет и протянул старшей сестре.

– А взвесить? – строго посмотрела на великана младшая.

Великан прищурил глаза, но кусок на весы всё-таки положил, стрелка на пару миллиметров отклонилась в сторону пяти килограмм, кончиком ножа он подцепил оставшуюся часть и засунул в тот же пакет.

– За счёт фирмы, приходите ещё.

– Спасибо большое, – студентка мило улыбнулась, отдала деньги и взяв за руку сестрёнку вышла из магазина.

Хозяин лавки снял резиновые перчатки и выкинул в урну, достал из ящика новую стерильную пару в вакуумной упаковке, положил рядом с весами. Закрыв магазин на щеколду, табличка «открыто/закрыто» отсутствовала в принципе, потому как работал он круглосуточно, за исключением трех выходных в месяц. Один перед полнолунием, полнолуние и день после. Он закурил, выйдя на задний двор, спички для трубок и сигары лежали в специальном ящике, защита от дождя, снега и прочих осадков. Поднявшись по лестнице на балкон второго этажа, где стояло старое, но всё ещё крепкое кресло из мореного дуба, обтянутое медвежий шкурой. Пепел сигары упал на ботинок, почти в то же мгновение его сдуло теплом порывом ветра, положив сигару на пепельницу, он перемахнул через перила и бесшумно приземлился на

траву, зашёл в магазин, впустил покупателя.

– Слушаю вас, – произнес хозяин.

Вошедший вытер обувь об коврик, закрыл за собой дверь на засов, снял шляпу.

– Добрый вечер, – посетитель оказался старым мужчиной с выцветшими глазами и проседью на висках, среднего роста, среднего телосложения, в общем ничего примечательного во внешности, одежда же наоборот выказывала его неординарность: черные перчатки, пальто ниже колена, лакированные черные туфли, строгие черные брюки, трость с наверху в виде головы змеи. И это всё в конце лета.

– Добрый, – расплылся в кровожадной улыбке мясник, – гурмана видно с порога, чего желаете?

– Человеческое у вас свежее?

– Два дня лежит, вам или питомца какого покормить?

– Собачку, хотя и сам не прочь попробовать, – ухмыльнулся посетитель.

– Для питомца подойдет и недельной давности, у меня условия хранения отличные, а вам взвешу парочку свежего.

– Отлично! Собачке килограмм пятнадцать или лучше двадцать, есть?

– Конечно, на неделю?

– На два дня.

– Большая псина.

– Той же породы что и ваша, была.

– В таком случае не советую кормить человеческим.

– Почему же?

– Отучить невозможно, а мои запасы не безграничны, хотя, за отдельную плату...

– Я знаю правила, – перебил мясника гость, – покупки больше двадцати килограмм...

– Вот и отлично, и повторные покупки, – не дал закончить вошедшему хозяин заведения, – так вы всё ещё хотите кормить его этим?

– Поздно что-то менять.

– Ясно, он уже попробовал.

– Да, сейчас просто не может охотиться, лапу прострелили прошлой ночью.

– За два дня заживёт.

– Знаю, – улыбнулся мужчина.

– Я бы посоветовал вам уехать из города, здесь и так людей пропадает немало, а теперь ещё этот зверь.

– Город большой, и вам и нам хватит. Сколько с меня?

– За семнадцать килограмм? – мясник взял калькулятор, пару секунд считал, показал экран покупателю.

– Хмм, приемлемо, беру.

– Отлично, ждите, – человек-гора взял перчатки, на ходу распаковал, одел, пропал в подсобке и вернулся через минуту с двумя пакетами.

– Точно оно?

– Вы ставите мою работу под сомнение? – угрожающе произнес хозяин, – не советую.

– Конечно нет, что вы! Вот деньги, пересчитайте.

– Я доверяю своим покупателям.

– Они не всегда могут быть честны.

– Они всегда приходят ещё раз.

– Это вряд ли, – ухмыльнулся в ответ человек со шляпой и направился к выходу.

– Увидимся, – без тени сомнения произнес в ответ мясник.

– За что вы убили своего пса? – остановился перед дверью посетитель.

– Он загрыз мою невесту, первую, – от его громогласного хохота затряслись витрины, залаяли собаки в соседних дворах.

За окном багровел закат, Макс приехал с работы раньше обычного, общим решением было поужинать всей семьёй.

– Чем вы сегодня занимались? – спросил парень допивая томатный сок.

– Купили тетради в школу, Маша нарисовала плакат, короче ничего особенного, – с неохотой ответила Ксю.

– Какое-то странное лето, тоску навевает, – подтвердила Маша.

– Ну походили бы, посмотрели город.

– Да делать им больше нечего, перед телевизором же зарницу просиживать на много лучше, – вставила своё слово бабушка.

– Спасибо, – Ксюша встала из-за стола и поцеловала стар-

шую.

– На здоровье, – улыбнулась сестра, – ты куда то собираешься?

– Ага, город посмотрю, – съязвила школьница.

– В двенадцать дома, – строго отрезал Макс.

– Я раньше буду, не переживай, – надевая кеды заверила парня девочка.

– Ксюш, только аккуратно пожалуйста.

– Хорошо мам, – Ксения взяла свой скейт и вышла из дома, захлопнув за собой дверь.

Но ни раньше, ни в двенадцать она не вернулась.

Один за одним мелькали фонари, очень редко мимо проезжали машины, в основном иномарки, грузовых Ксюша в этом городе пока еще не встречала, колеса роликовой доски привычно шуршали по асфальту. Солнце уже давно село, но искусственного света было достаточно, чтобы объезжать небольшие, редкие ямки, канализационные люки, стоки для дождевой воды. Ночной город, хоть и жили они почти на окраине, имел свою таинственную привлекательность, оранжевые огни фонарей, неоновые вывесок и рекламных щитов, почти пустые дороги, редкие прохожие. А если в наушниках еще и любимая музыка, а под ногами скейт. Что-ж, для каждого понятие счастья свое, для маленькой, как ростом так и возрастом девочки, оно было именно таким, еще конечно смех и даже легкая улыбка Маши. Друзей у нее здесь не было, они все остались в городе, который

уже был далеко за спиной, в этом гадком месте, которое оставило их без родителей, и заставив в десять лет старшую сестру стать сразу матерью для своей сестренки, под чутким руководством дедушки и старой ведьмы Анастасии Андреевны. Хотя, она не была такой, до смерти Николая Николаевича, может это как раз и стало последней каплей в ее жизни, а может просто дедушка был клеткой для этой гарпии. Сейчас уже все равно ничего не исправить.

В момент переключения, уже порядком надоевшей песни НММ – Razor blade kiss, девушка на мгновение обернулась. Зверь судя по всему выбежал из-за гаражей, мчась под прямым углом с газона на дорогу, псу пришлось притормозить, пробежавшись по боковой стороне кузова газели, припаркованной на обочине. Раздался звон, на асфальт посыпались остатки стекол автомобиля.

Ксюша, не заметила приближение очередного дождевого стока, передние колеса скейта ушли вниз, земля на мгновение поменялась местами с небом. Огромное существо, похожее на волка было уже в нескольких метрах от нее, он уже не бежал, а размеренно шагал, предвкушая трапезу. Девочка схватила скейт, попятилась, споткнулась и почувствовала спиной холод бетонной плиты дома. Существо приближалось, желтые без зрачков глаза, с красными прожилками были уже в метре от нее, выставленный вперед скейт хрустнул в челюстях животного, как сушка в руке. Ксю зажмурила глаза, в ожидании конца и, потеряла созна-

ние.

Удар тяжелого ботинка пятьдесят шестого размера отбросил пса на несколько метров, последний быстро оправился и уже развернул морду в сторону нападавшего, как тут же большая, тяжелая ладонь припечатала левую сторону черепа, оглушив животное, ботинок еще раз врезался в ребра. Ухватив за холку и шкуру в районе задних лап, две огромные руки впечатали зверя мордой в стену здания, и, немного размахнувшись, выбросили в овраг метрах в пятнадцать от места происшествия.

– Я же сказал, для двух вурдалаков в этом городе слишком мало места, – отряхивая огромные руки произнес мясник, – хмм, ты, что ж, пойдём домой.

Гигант наклонился, потянул носом возле школьницы, выпрямился, принялся ещё раз, укрыл своей ветровкой девочку, поднял на руки и неспеша зашагал в сторону дома Маши и Макса.

Дверь ему открыл парень, с красными глазами, сигаретой в зубах и телефоном в руке.

– Мааш, – позвал возлюбленную глава семейства, взяв сигарету в руку.

– Это она? Ксюша, ты знаешь который час? – начала было ругаться старшая, – ой, это вы, – заплаканные глаза девушки немного округлились, Маша бросилась к сестре, лежавшей на руках у мясника – что с ней?

– Собака напала бешенная, она в порядке, просто соз-

вание потеряла, – великан аккуратно переложил Ксюшу на руки студентке.

– Зайдете? – из вежливости спросил Макс

– Нет, у меня еще дела есть, – немного помедлив ответил гигант.

– Вот ваша куртка, снова вышла на крыльцо Маша, – не знаю как вас отблагодарить.

– Спасибо, мне не холодно, – улыбнулся в пол силы мясник.

– Но нам она тоже ни к чему, размер великоват, – растеряно улыбнулась девушка.

– Хорошо, а по поводу благодарности, ничего не нужно, ну разве что сигарету, если можно.

– Конечно, конечно, – Макс достал из кармана пачку, протянул мужчине.

– Красный мальборо в мягкой пачке, эксклюзив, – произнес человек-гора, ловко вытащив сигурету тоньше своего мизинца раз в шесть, и отправил ее в рот, – до свидания, заходите, буду ждать.

– Обязательно, спасибо огромное еще раз, – парень и девушка зашли в дом, щелкнул замок.

Здоровяк перебрросил куртку через плечо, направился в сторону центра.

– Человек, прикурить есть? – вынырнул из мрака огромный силуэт.

– Ааа, это вы, да, сейчас, – парень достал из кармана за-

жигалку, прикурил.

– Чего гуляешь так поздно?

– Да я только из клуба.

– Ну да, похоже на то, спиртное еще не выветрилось, придется на пару чуть-чуть подержать.

– Что? – не понял парень.

Мужчина втянул в себя оставшиеся пол сигареты за одну тягу, бросил бычок в направлении урны, когда окурок упал в мусорку, тело парня уже лежало на траве с неестественно повернутой головой.

– На пару придется подежать, говрою.

– Как себя чувствуешь красавица? – задал вопрос Макс, едва девочка открыла глаза.

– Что случилось?

– А что последнее ты помнишь?

– В голове каша какая – то

– Ну спи пока, до рассвета еще далеко.

– А который час?

– Половина третьего ночи.

– Макс, ты бы тоже поспал.

– Да, наверное надо, доброй ночи, – он наклонился, поцеловал девочку в лоб.

– И тебе.

Он аккуратно, чтобы не создавать лишнего шума, зашел в комнату, разделся, лег, Маша придвинулась к нему, положила голову на плечо и окончательно уснула.

– Меня принес мясник?

– Нет, аист, и тебе доброе утро, – отреагировала Маша.

– Прости мам, – Ксюша обняла старшую сестру, – доброе утро.

– Да, он тебя принес.

– И от собаки тоже видимо он спас.

– Неверное, без нас ты так поздно больше гулять не пойдешь.

– Хорошо, – Ксю обняла старшую сестру, – можно я к нему схожу?

– Почему бы и нет, заодно и купишь чего –нибудь.

– Угу, и отнесу кое что.

– А? – оторвалась от мытья посуды Маша.

– Шоколадку ему куплю, в знак благодарности.

– Ясно, давай кушать садись.

На стук хозяин не откликнулся, и девочка решила посмотреть что во дворе. Сразу за прикрытой калиткой начинался ухоженный сад, аккуратная тропинка из дикого камня проходила параллельно дому, по левую руку росли разные цветы, названий некоторых Ксюша не знала, другие видела первый раз в жизни, с правой стороны по стене дома вился плющ перемешиваясь с виноградом, который в свою очередь уходил аркой на цветник. Тропинку с обеих сторон подпирал газон, идеально ровный, как зеленый коврик отличного качества. Цветник заканчивался беседкой, точнее плавно обвивал круглое деревянное строение с крышей ис-

полненной в китайском стиле. Девочка дошла до угла дома, тропинка тут расходилась, к беседке, к китайскому саду, что был чуть дальше, и на право к дому. Никаких дополнительных строений или средств по уходу за садом она не заметила, деревянная дверь на заднем дворе дома тоже была не заперта, на сколько ей было известно, мясник жил один, но, даже не смотря на это, в доме было чисто, убранно, чувствовался уют. На стенах довольно старые картины, с изображением различных пейзажей, кое – где причудливые цветы, сами стены были обшиты деревом, высокие потолки, массивная деревянная мебель. Казалось прогресс и цивилизация не коснулись этого дома, за исключением пожалуй электричества и трубопровода. Никакой бытовой техники, электроники, даже телефона или какого либо другого средства связи она не обнаружила. Заметив лестницу школьница решила подняться наверх, бегло осмотрела комнаты в поисках хозяина, огромная библиотека, ванная, еще один китайский садик с выходом на крышу. Спальни нет. Вернувшись на первый этаж, а точнее в гостинную – место оставшееся от двух магазинов, она заметила дверь, которую раньше не видела, и сейчас пропустила ее, если бы не решила по ближе рассмотреть одну из картин, самую большую. На ней был изображен восхитительный закат возле озера, которое находилось между небольшой горой и лесом. Странно было то, что на водной глади не отражалось ничего, даже рыбак на лодке в центре озера. Кстати об отражении, зеркал

в доме она тоже не увидела, даже в ванной. Картина была от пола до потолка и шириной метра два с половиной, озеро, в общем то и было дверью, едва заметной, хоть и большой. Девушка толкнула часть картины, та поддалась, это был вход в подвал. Где-то внизу играла тяжелая музыка, слышались глухие стуки, температура окружающей среды падала буквально с каждой ступенью, в самом низу лестницы Ксюше казалось, что это морозилка, а не подвал, так было холодно. В самом низу лестницы, девушка поняла, что так оно и есть, это холодильник. Стены и пол выложены белоснежной кафельной плиткой, несколько больших морозильных камер, большая, нет, огромная деревянная колода, посыпанная солью, рядом с ней стойка с топором, хотя, это больше напоминало двуручную секиру века четырнадцатого, но вряд ли мясник, с его размерами держал его двумя руками, как и несколько ножей, висящих на стене, больше похожих на ятаганы или мачете. Двадцать первый век все-таки зашел на чай в этот дом, холодильники были новыми, и музыка была современной, мало того, даже знакомой «P.O.D. – Going in blind», начала играть в тот момент, когда из – за угла появился хозяин дома. Великан был в рабочей форме, да и занимался он собственно своей работой, на его плече покоилась замороженная говяжья туша, килограмм в сто пятьдесят весом, может и больше. Ксюша юркнула за одну из морозилок и продолжила наблюдение, не прилагая особых усилий мясник снял с плеча тушу одной рукой и положил на колоду, снял со стой-

ки часть бердыша, древко была на половину спилено, из-за этого широкое лезвие заканчивалось на середине рукояти и поражало своим зеркальным блеском. Он посмотрел на свое отражение, почесал шею, и уже было замахнулся, как вдруг что – то на долю секунды задержало его. Но, лишь на долю, топор опустился на тушу и вонзился в дерево, два огромных куска говядины упали на специально приготовленные полки.

– Зачем ты пришла? – не отрываясь от работы, громко спросил хозяин дома.

Девочка поняла, что именно задержало удар, и то, что прятаться больше нет смысла.

– Ты забыл кое – что, – попыталась перекричать музыку Ксюша.

– Что? – не расслышал мясник.

– Сделай музыку по тише! Спасибо, так что из этого настоящее?

– Ты о чём?

– Цветы в доме, горы книг, картины, топор с мой рост, фартук, залитый кровью, резиновые перчатки, медальон, – она достала из кармана безделушку.

– Всё, я вообще то мясник и чучелами занимаюсь, если ты не забыла, составишь компанию?

– Тебе или этим тушкам на крюках?

– Ну, обычно те, кто остаются со мной, после составляют компанию им. Я закурю, ты не против? – не дожидаясь ответа, мужчина прикурил, – Я так и думал, спасибо, – отойдя

к стене, добавил он, щелкнул каким-то выключателем, тихо зашуршала вытяжка.

– Вообще-то против. Я должна испугаться? Ты не убил меня вчера вечером и не дал сделать это той собаке.

– Вурдалаку.

– Хорошо, вурдалаку, так почему я должна бояться?

– Потому что мне ничего не мешает убить тебя сейчас, как вон того парня, – рука с сигарой между пальцев указала на один из холодильников, рядом с которым лежал небольшой пакет с одеждой.

– Мне не страшно, – девочка вновь повернула голову к собеседнику.

– Странно, почему?

– Ты интересный.

– Груда мышц, брюхо, грязные волосы, жуткий прикус, страшная профессия, что тут может интересовать?

– Печальный взгляд, судя по всему огромный внутренний мир, глаза разного цвета.

– Хмм... а я и забыл, когда последний раз смотрелся в нормальное зеркало, да и нет их у меня, кажется.

– Серо-голубой и зеленый.

– А? Что? Ты о чем? – отошел от каких-то своих мыслей мясник.

– Глаза.

– Злые, я знаю, можешь не говорить, и человек я злой, да и вообще не человек я.

– А кто?

– Тебя это волновать не должно, ты и так слишком много узнала, но никому не расскажешь.

– Почему ты в этом так уверен?

– Потому что ты пришла и мой медальон, непонятно как попавший к тебе, это лишь предлог, ко мне покупатель, – мужчина потушил сигару и выбросил окурочок в урну, отключил вытяжку.

– Откуда ты узнал?

– Услышал.

– Как!?

– Я же сказал, что не человек.

– Значит, ты знал, что я пришла, но не поднялся, ты хотел, чтобы я спустилась.

– Я надеялся, что ты не найдешь дверь, – он снял длинные резиновые перчатки, достающие до локтя, одел стерильные хирургические, поменял резиновый фартук, залитый кровью на белоснежный хлопковый.

– Ты вернешься?

– Если бы не собирался возвращаться, вышвырнул бы тебя отсюда.

– Мило.

Хозяин дома вышел из помещения. Ксюша подошла к холодильнику рядом, с которым лежал мусорный мешок с какой-то одеждой, потянула за ручку, то, что лежало на полках напоминало человека хоть и отдалённо, взяла в руки неболь-

шой пакетик, это было сердце. Человеческое сердце.

– Знаешь, мне зверей больше жаль, чем людей, положи на место и закрой дверцу.

– Чудовище, – зло прошипела девочка.

– Ты знала об этом, – улыбнулся мясник во все тридцать два зуба, – так зачем пришла?

– Догадывалась, но точно не знала.

– Знала. С такой псиной, что напала на тебя ночью, никакой человек бы не справился, и это ты тоже знаешь.

– Я знаю, что вампиры, оборотни и прочая нечисть, это только сказки.

– Сказки сказками, но есть ведьмы, есть вурдалаки и еще всякой дряни в этом мире хватает, просто сейчас никто из них особо не любит общаться, с вами, людьми.

– И в чем тогда разница между сказкой и реальностью?

– Да, нет никакой разницы. На реальности вырастает трава, мох и она становится былью, быль порастает новыми подробностями и преобразуется в былинку, на былинку наваливаются выдумки, и она переходит в разряд небылиц, проходя сквозь века, она превращается в миф, ну или сказку, кому как удобнее.

– То есть сказки когда-то давно были реальностью?

– Догадливая, но не все. Оборотни, в твоём представлении из фильмов и сериалов – сказка, кроме меня больше нет ни одного, кто мог бы снова становиться человеком, ну я их во всяком случае не видел, как и вампиров, а видел я мно-

го, поверь, то что перекусило твой скейт как щепку, реальность, оно было человеком когда-то давно, а теперь обросло шерстью, подобные создания людьми уже никогда не станут. Что до упырей, легенды гласят что они очень скрытные создания, может как раз поэтому я и не встретил никого из их племени.

– Почему он напал на меня?

– Потому что его хозяин дал ему попробовать человеческое мясо и теперь пес никогда не будет есть другое.

– Его хозяин убил человека и накормил им пса?

– Не обязательно, он мог просто натравить его на человека.

– Бояться надо не собак, а их хозяев, не помню чья это фраза.

– Вот вот, я хозяин своей собаки и бояться стоит меня.

– Что случилось с тобой?

– Мой вурдалак загрыз мою же невесту, я сделал из него чучело, а ее мать, цыганка сделала из меня это, подселив его натуру в меня, чтобы мучился, ну и еще пару проклятий наложила, сильная ведьма была.

– Каких?

– А что обо мне говорят?

– Что за сорок лет ты почти не изменился, не выходишь из дома, вроде солнечного света боишься, да и вообще редко выходишь.

– Не люблю солнце, от него у меня глаза болеть начинают, это наследственное. Мне больше двухсот восьмидесяти лет, я старею, только очень медленно, не сплю, не могу посетить чужое жилище без приглашения, тоже по ее вине, может еще что-то, но я об этом не знаю.

– Тебя все это кажется не особо угнетает.

– Пожалуй только отсутствие сна, но я нашел этому достойную замену, чтение, ну и волк напрягает немного, три дня в месяц, в остальном моя работа меня устраивает, – улыбнулся он оголив клыки.

– И убивать?

– Скажем так, сожаления от этого я не испытываю, как не испытываю ещё много чего по вине цыганки, и за человечену неплохо платят.

– Чудовище.

Адский хохот мясника заглушил композицию «Slipknot».

– Все люди чудовища, каждый по своему, кто то больше, кто то меньше, в ком то зверь беспробудно спит, в других никогда не дремлет. Во мне иногда просыпается хорошее, например за день до полнолуния, вчера вечером, когда я за свой счет отправляю заказы старикам на дом, сейчас, когда позволяю тебе уйти, я это признаю. А люди, всегда были, есть и будут чудовищами, с момента когда далекие предки подняли дубину на своих соседей, потому что у них пещера менее сырая, до момента когда войска с крестами на латах и с именем Господа на устах насаждали христианство огнем

и мечом, от времени когда была запущена первая стрела, до взрыва первой ядерной бомбы, от неосторожного слова приведшего к дуэли, до бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Нет, время не изменило людей, не закопало их животную суть под миллиардами трупов, под сотнями тысяч тонн окровавленного железа не была погребена извечная вражда, галлоны слез не смыли злобу, и миллионы искалеченных жизней не уничтожили ненависть человека к самому себе. Время не изменило натуру людей, оно лишь улучшило орудие убийства, дав человечеству порох, сталь, мирный атом и интернет. Что ты увидишь если выглянешь в окно?

– Здесь нет окон.

– Не цепляйся к словам, а напряги мозги.

– Здесь холодно.

– Да? Я не замечал, тогда пошли наверх.

– Пойдем.

Мясник двумя ударами расправился с начатой тушей, убрал мясо в морозильник и через пару минут они уже стояли у окна на втором этаже.

– Что ты видишь? – повторил свой вопрос великан.

– Людей, машины, дома, деревья, магазины.

– А я вижу асфальт, железные коробки с сигнализациями на колесах, решетки на окнах, кирпичные заборы, железные двери, каменные стены. И все это по двум простым причинам, потому что люди всегда ненавидели друг друга, всегда ненавидели и всегда боялись, боялись потому что в

голове каждого хоть раз в жизни появлялась мысль об убийстве, другая причина воровство, но мы ведь сейчас не об этом, – великан улыбнулся, – и люди бояться, панически бояться того, что их соседу, которому на прошлой неделе они испортили газон, залезет эта мысль в черепную коробку и он ее осуществит, сегодняя, завтра, после завтра, на следующей неделе, по этому надо поставить новую сигнализацию на машину, решетку на окно, новый замок на дверь, и каждый, каждый человек думает так, за исключением тех, кому терять нечего, таких единицы, остальных тысячи, миллионы, миллиарды. Представляешь? Шесть миллиардов людей думающих об убийстве. Сотни из них осуществляют свои мысли, и у меня не поворачивается язык назвать их монстрами, всего лишь потому что они привели в исполнение то, чего просит их натура, другим просто не хватило духа, или они думают, что закон выше всего, бояться потерять свободу, какую свободу!? Они сейчас не свободны, они сейчас в клетках, которые сами себе построили, из своих принципов, законов, канонов, догм, из страха и ненависти, из стекла, бетона и железа.

– А ты свободен?

– Моя дверь открыта всегда, даже, когда меня нет дома.

– Но оба твоих магазина на засовах.

– Об этом я уже упомянул, это магазины, их я закрываю потому что они приносят мне деньги, а еще потому что в моем подвале иногда бывает человеческое мясо, и

мне просто надоели все эти лишние разборки с властями, переезды из города в город, по этому я стал вести дела более аккуратно, а не потому что боюсь, что соседи прирежут меня или застрелят когда я буду читать, этого я не боюсь, потому что меня уважают и возможно ценят.

– И бояться.

– Даже если так, страх не мешает им приходиться ко мне поздно ночью.

– А полиция? Санитарные инспекции?

– Начальник местного отделения покупает у меня мясо голубя чтобы кормить домашнего, а сан инспекции, в их картотеке я на особом счету, если ты не заметила мой подвал больше напоминет операционную, да и жалоб на мою продукцию никогда не поступало.

– То есть ты хочешь сказать, что абсолютно свободен?

– Нет, даже я в чем то ограничен.

– Например?

– Не могу смотреть на полную луну дымя сигарой и потягивая коньяк, убивать днем у всех на глазах, по том же самым причинам, что закрываю магазины, спать.

– Ты зло.

– Нет, – рассмеялся он, – Зло на пол головы выше тебя, рыжие волосы, голубые глаза, у нее ровные белые зубки, милая улыбка, грудь третьего размера и, черт возьми обалденная задница, классная в общем девочка, правда старше меня.

– На много?

– Неприлично задавать такие вопросы дамам, но, думаю, на несколько тысяч годков точно.

– А добро стало быть высокий шотен с формами Апполона?

– Не знаю, если он и есть, я его не встречал.

– То есть на Земле вообще ничего хорошего нет?

– В смысле?

– Ну ты говорил, что в тебе просыпается хорошее иногда, но по сути ты плохой, как и все остальные люди, а как же такие понятия как честь, совесть, правда, дружба, любовь в конце концов?

– Я знал что ты об этом спросишь.

– Но не знал как ответить?

– Хмм, не то чтобы не знал. Скажем так, честь окончательно сдохла в девятнадцатом веке, совесть покупается, причем очень давно, правда понятие относительное, дружба, интересное слово и еще более интересное проявление человека как индивидуума, но в тоже время и части общества. У меня было три друга, за двоих пришлось даже как то убить. Но, дело не в этом, если это друг, и это взаимно, ты готов ради него почти на все, есть и другая особенность, вы можете даже любить друг друга, в эту любовь я верю, потому как прошел через это, и эта любовь вечна, она не умирает вместе с человеком, как это бывает с дружбой или с разнополой любовью. Иногда мне даже кажется что он здесь, со

мною в комнате, мы курим одну сигару на двоих пьем ром из горла и молчим, больше нам ничего не надо было, осознание того что он рядом и готов перевернуть мир кверху дном за еще одну сигару и бутылку, – он усмехнулся, – старый черт, в каких водах ты пошел на корм рыбам вместе со своей посудинной. Хотелось бы всплакнуть, да столько лет прошло, что остается только смеяться.

– Это один из тех за кого тебе пришлось убить?

– Нет, это тот, который взял штурмом один из самых неприступных портов тихоокеанского побережья, чтобы угостить меня кубинской сигарой и бутылкой лучшего ямайского рома.

– А зачем он штурмовал город, не мог просто так зайти?

– Он не любил красться на цыпочках и втыкать кинжал в спину, никогда не спускал свой черный флаг с роджером, всегда бился до последнего снаряда, делился последним куском хлеба, не смотря на то, что он был пиратом, в отваге, доблести, мужестве и чести, светским рыцарям у него было не занимать. Пожалуй последнее понятие честь, умерло в моем сознании и лексиконе вместе с этим человеком, нет, не человеком, он был морским дьяволом.

– Закончил?

– Кажется, а что?

– Теперь ответь на вопрос.

– Почему он брал штурмом тот порт? Меня тогда поймали, обвинили в пиратстве, колдовстве и еще черт знает

в чем, тогда я еще не был таким сильным да и решетки были прочнее, замки надежнее, конвоиры бдительнее, только представь себе, взять целый город чтобы угостить меня ромом! На его бриге «Месть королевы Анны» под черным флагом я бы поплыл на край света.

– Черная борода?

– Да, кажется так его в последствии называли.

– Интересные факты биографии. А как же любовь?

– Между мальчиком и девочкой? Я не верю в нее, как не верю в Деда Мороза и дружбу в которой фигурирует хотя бы одна женщина.

– Почему ты во все это не веришь?

– Потому что любви как таковой нет, есть влюбленность, а позже привычка к человеку, женская дружба это на мой взгляд полнейший бред, твоя подружка не даст тебе гору денег, а сама останется с полтинником на пачку сигарет, она не подорвется с кровати в три часа ночи, потому что ты позвонила и сказала что тебе забили стрелку на районе и их пятнадцать человек, а ты одна, она врядли даст умный совет, потому как, прости, но вас, женщин я не считаю способными давать подобные советы, в общем, не сможет помочь тебе ни словом, ни кулаком, ни средствами.

– Ты не прав.

– ???

– Ты забываешь о разности полов, а конкретно о разнице между мальчиком и девочкой. Мальчики всегда счита-

лись более платежеспособными, физически сильными, логичными, а роль девочек минимальна, хранительница домашнего очага, беззащитная овечка. Что касается подруг, я могу поплакаться в жилетку, поболтать о мальчиках, обсудить проблемы, отдать ребенка на время, спать с ней в одной кровати.

– Беззащитными овечками вы были лет сто-двести назад, когда падали в обморок при виде крови и краснели от пошлостей, а сейчас вы стремитесь к самостоятельности, хотите походить на мужчин, бизнес, драки, сигареты, крепкие слова и алкоголь, но по-прежнему хотите чтобы вам уступали место, подавали руку и отодвигали стул, в то же время залезаете в армию и требуете особых условий, это уже не милые бедные овечки, а попытка стать чем-то средним между мужчиной и женщиной, не имея на то возможности, может и грубо сказал, но это так. Ну а если говорить о «поплакаться в жилетку» и спать в одной кровати, «плачусь» мы за бутылкой или чаем ближе к утру, спать в одной кровати тоже можем, а ребенка я бы только матери своей доверил. Вы уже сто или сто пятьдесят лет пытаетесь уравнять свои права с нашими, если это так, то и понятие дружбы должно быть одинаковым. Что касается дружбы между полами, у меня было много знакомых дам, но только ради одной я бы побежал к черту на рога, и ту я бы не прочь.

– Можешь не продолжать.

– Нет, так нет, тебя дома не ищут? – мясник направился

к балкону.

– Я сказала что к тебе пойду, – девушка направилась следом.

– Ага, а я тебя свожу в парк, покормить голубей, – он спустился вниз, достал и прикурил сигару, подпрыгнул, ухватился за парапет, сложил на нем огромные руки, положил сверху голову, начал медленно, с наслаждением дышать, – присаживайся.

– Спасибо, – Ксюша сняла кеды и клубком свернулась на кресле, положив голову на подлокотник.

– Что ты еще хочешь узнать?

– Ничего, – вздохнула она.

– Мне знаком этот взгляд.

– С кем он у тебя ассоциируется?

– С моей цыганочкой, ты влюбилась.

– И что?

– Я не могу ответить тем же.

– Почему?

– Глупый вопрос. Темнеет иди домой.

– Проводишь меня?

– Нет.

– А если тот пес вернется?

– Еще слишком рано, хозяин не выпустит его раньше одиннадцати часов.

– А вдруг маньяк?

– Ты сейчас просишь маньяка, с которым ни один потро-

читель не сравнится, тебя проводить, – он сделал пару затяжек.

– Но он не желает мне зла.

– Может быть. Домой не приглашать.

– Хорошо, – радостно подскочила с кресла девочка, – мама еще просила...

– Мама? Почему я ее не видел?

– Маша моя мама.

– Даже так. Я что то пропустил?

– Она моя сестра, но всю мою жизнь заботилась и воспитывала она меня, наших родителей я не знаю.

– Интересные факты биографии, что она просила?

– Еще пару килограмм, только деньги я дома забыла.

– Ладно, с меня не убудет.

– Спасибо, можно поцеловать?

– Обойдусь, – великан спрыгнул.

– А я... – тихо прошептала девушка.

Мясник услышал но, эти две буквы несущие в себе не малый смысл, он предпочел оставить без ответа, вернулся он уже с пакетом.

– Пойдем потихоньку.

– Пойдем, – с грустью в голосе произнесла девочка.

– Что это ты загрустила?

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что не имею права питать твои надежды, добром это не кончиться, значит и начинать что то не имеет

никакого смысла.

– Смысл есть во всём, ведь всё происходит не просто так – они неспеша шли по улице, не глядя по сторонам, а только под ноги и иногда вперед.

– Хорошо, тогда может объяснишь на что ты надеешься?

– На взаимность.

– Я дам ее тебе и что дальше? Вечерние прогулки после школы, ты будешь помогать мне с разделыванием человеческих тел, а я буду помогать тебе с уроками? Мне эта перспектива не нравится, по этому тебе сейчас проще выкинуть эти глупости из головы.

– А я и не говорила о чём-то таком, но я верю в то, что все люди пришедшие в мою жизнь не случайны, как и в твою и в чью либо другую. Верю в то, что можно жить сейчас а не потом.

– Случайности не случайны.

– Да, что то вроде, или в случайности верят только глупцы не желающие думать.

– А как? Кто кого и чему должен научить?

– Ты для меня сегодня сделал открытие, сказал и мало того, подтвердил, что во мне что то сидит, осталось только найти это и оседлать.

– Можно и оставить все как есть.

– Согласна, но это будет не правильно, как если пройти мимо колодца с водой в пустыне.

– Я лишь предоставил тебе информацию, что с ней делать

ты должна решать сама.

– Но ты можешь помочь найти ту самую тьму внутри, или я бы помогла тебе найти в себе ещё что-нибудь хорошее.

– Первое мне не нравится, а со вторым спорить не буду, может действительно ещё что-то осталось, твой дом.

– Уже пришли? Блин, так быстро.

– На, держи, сестре и жениху ее привет, – он передал пакет в руки девочке.

– Передам обязательно. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи желают беременным и импотентам.

– Оу, ну тогда доброй ночи, – она улыбнулась.

– Доброй.

Девушка побежала до крыльца, постучалась, а когда обернулась чтобы помахать рукой, улица уже была пуста.

– Ксения, это ты? – раздался из за двери голос Маши.

– Да, мам, – дверь открылась.

– Что то ты засиделась у него.

– Да, наверное, болтали почти всё это время.

– Так он вроде не особо поговорить любит.

– Надо уметь слушать, тогда камни, листья и даже огонь заговорят.

– И то правда, кушать хочешь? Ой, а дымом то вся пропахла.

– Да ладно, у него приятные сигары, не то что у Макса, я чай попью и все.

– Нет уж поешь чтонибудь.

– Хорошо, фрукты у нас остались?

– В холодильнике.

– Макс на дежурстве?

– Ага, я спать пошла, с этим переездом блин. Сладких снов малыш.

– Доброй ночи мам, – младшая легонько чмокнула сестру в щеку.

– Закат сегодня красивый не правда ли Эдвард? – из клуба серого дыма, выпущенного мясником, выплыл силуэт человека, с густой бородой и в шляпе треуголке.

– Да дружище, ты как тут?

– Скучно без тебя, не с кем поднимать бунты, разжигать восстания, свергать правительство.

– Да, веселые были времена, а помнишь как меня чуть не повесили во время одного такого восстания? – призрак снял шляпу, достал из кармана кружевной платок, вытер лоб, шею.

– Еще бы не помнить, если бы тогда не топор оказавшийся рядом.

– Да, если бы не он, тебя бы не прозвали мясником.

Дух и убийца рассмеялись.

– Не поверишь, только сегодня тебя вспоминал.

– Поверю, почему нет, иначе я бы не смог сейчас сидеть на твоих перлиллах.

– Мои перилла, твои перилла, – улыбнулся великан.

– Мой дом-твой дом, – вторил пират.

– Мой флаг-твой флаг, – закончил мясник.

– Тебе на том свете уже прочерки ставят, – лицо силуэта выразило нечто среднее между адской тоской и небесной радостью.

– Да я в курсе, уж лет двести как, – гигант рассмеялся, – ждите, и моя тропа, когда нибудь упрётся в тупик.

– Ладно друг, мне пора, да и ветер поднимается, прощай, – легкий, невидимый поток разорвал силуэт, сдул пепел с сигары.

– Прощай, мог и до конца досмотреть, – уже с тоской в голосе добавил гигант.

А закат был восхитительным. Облака в несколько слоев, кое где рванными клочками медленно перекрашивались из оранжевого цвета в красный, затем в багровый. Изначально желтый шар выступал в роли палитры, иногда с трудом верить в то, что это маленькое пятно, размером с пятирублевую монету, способно раскрасить такой нереально огромный массив плотно белой пелины, еще меньше верить в то, что можно так бесконечно незаметно менять цвет всего горизонта, так, чтобы это не напрягало глаза, так, чтобы потрясло взор наблюдавшего. Как иногда не верить в то, что мы всего лишь песчинки, на фоне этого ярко-желтого пятна. Вот уже кроваво-красный шар скрылся за горизонтом, оставив лишь свою макушку, через пару секунд и ее поглотит недосыгаемая черта, но облака еще хранят в себе его краску, как раскаленные камни в остывающей печи, толь-

ко жар из них выходит в десятки раз быстрее, заставляя красный цвет медленно осыпаться куда то вниз, как песок. Под занавес вечера на небе остается только оттенок белого шоколада, который со временем поглощает тяжело-синяя бездна, но она не давит безмерной массой, а наоборот тянет в себя, с серебрянной пылью-стружкой, беспорядочно разбросанной по всему безграничному пространству.

Макс дождался смены, его напарник приехал чуть позже, чем должен был, передал ключи от дверей и замков, снял амуницию и уже собрался сесть в машину, как за углом здания послышался грохот. Парень достал из салона монтировку и двинулся в сторону шума. Смена хоть и закончилась, но помочь напарнику с поимкой вора дело святое, продравшись к углу парень резко выскочил. Это была кошка копавшаяся в мусорном баке. «Да Макс, пора отдыхать» промелькнуло в его голове, он опустил монтировку, развернулся. Два огромных желтых глаза без зрачков смотрели на него в упор, в нос ударил смрад.

– Успокойся, вытри слезы, – не отрываясь от книги произнес мясник.

Ксюша бежала к нему со всех ног, задыхаясь от физической нагрузки и захлебываясь слезами.

– В этой жизни очень редко нужна спешка, даже когда вопрос касается жизни и смерти не всегда требуется торопиться с решением, лучше вот, послушай

«– А Журналист? – Гупи посмотрел по сторонам. Мест-

ность вокруг открытая, спрятаться Излому негде. – Где он?

– Он получил то, что хотел, – ответил Главный.

– Он стал человеком?

– Не знаю. Но, – Главный лукаво прищурился, – смею предположить, вы с ним больше никогда не встретитесь.

– Почему?

– Потому что у каждого свой ад.

– Ад? – На всякий случай Гупи еще раз придирчиво осмотрел окрестности.

– Ты называешь это адом?

– А как ты себе представляешь ад?

– Ну-у– Гупи замялся. Глупо было рассказывать о кипящей смоле,

раскаленных сковородах и чертях с вилами. Но, что поделать, если при слове "ад" именно эта картина возникала в сознании сталкера?

– Ад – это вечные страдания, – наконец нашел выход из ситуации Гупи.

– Страдания могут быть не только физические. Ты не слышал о людях, которые имеют все, что только можно пожелать, и при этом отчаянно страдают?

– Почему?

– Потому что им больше нечего желать.

– Мне бы их страдания, – саркастически усмехнулся Гупи. Главный очень серьезно посмотрел в глаза сталкера, тяжело вздохнул и с сожалением покачал головой.

– Боюсь, что именно это ты и получил.» Алексей Калугин
– Мечта на поражение, серия Сталкер. Успокоилась? – он закрыл книгу, – не правда ли радуется, что даже в литературе для лёгкого чтения попадаются книги с глубоким смыслом.

– Макса покусал тот пес, все еще дрожащим голосом сказала девочка.

– Успокойся.

– Да не могу я успокоиться!!! – закричала Ксюша, – ты не понимаешь!!!

– Чего я не понимаю? Того, что через пару дней он начнет обрастать шерстью и кидаться на прохожих? Или того, что мне абсолютно нет до этого дела?

– Почему ты так поступаешь со мной? – опять разрыдалась гостя.

– А чем я ему обязан? Почему я должен помогать ему? Тебе?

– Потому что я люблю тебя!!! А ты... – она вытерла слезы, – видимо это и есть мой ад, а у тебя какой то свой, непонятный мне, – развернулась и ушла.

– Непонятный ей. Много ты девочка не понимаешь еще, много еще не поймешь, что то вообще обойдет тебя стороной. А мой ад этот мир, здесь мне больше нечего делать, у меня есть все чтобы я ни захотел, все кроме чистоты души, а она мне и ни к чему. Я уже испробовал все за отведенный мне срок, а он никак не кончается, меня зажали там, но уйти я не могу, видимо туда мне еще рано,

а здесь уже нет места, вот и мечусь меж двух огней, только вот пламя уже не жжется, осталась видимость пламени, видимость жизни.

Он вышел на задний двор, прикурил сигару, сел на кресло. Старая дубовая мебель слегка закрипела вспоминая тяжесть хозяина. А он казалось и не помнил уже другого времени, когда перебирался из города в город каждые десять, пятнадцать или двадцать лет, когда и где приобрел свой любимый топор, который теперь, кажется был его лучшим другом, не мог вспомнить когда был с женщиной, когда спал ночью, а не читал очередную книгу принесенную какой нибудь бабушкой или дедом в качестве подарка. Не помнил своего отражения в зеркале, не помнил себя молодым, не знал себя старым, на вечно застрявший в этом теле, которое со временем стало не телом, а грудой мяса, забывшей что такое ласка матери, любимой женщины, забывшей все кроме того, как быстро убивать и оставаться при этом невредимым самому. Он похоронил всех, друзей, врагов, родных, близких любимых и возлюбленных, смотрел за тем как падают города, как столица становилось пустошью, а деревушка в глухом лесу превращалась в мегаполис. Наблюдал как богачи кончали жизнь самоубийством на улице, бросившись под колесницу неприметным бродягой, как прокаженные становились обладателями несметных сокровищ. Видел начало смерти и конец жизни, рождение и похороны, лучшащееся счастье в бедности и нескон-

чаемую тоску в богатстве, разочарование во всем и обретение всего. И сам много раз терял смысл и находил себя. Казалось он видел все и, ничего. Пройдя через годы, столетия, он преобретал опыт, вещи, осваивал языки, сейчас он растерял нажитое, забыл изученное, промотал все, но отлично знал, что это кресло с ним уже дольше чем он помнит себя. Оно как старая пушка, слишком медленная и недальнобойная для того чтобы защищать обновленный корабль, но торчащая из люка, как реликвия, как напоминание о былых победах, жалко выкинуть, да и дыру на её месте заделать больше нечем. Кресло древнее как его мир, старое обрамление с превосходной резбой которое нигде теперь не найдешь и не купишь ни за какие деньги, нет уже тех мастеров, и очень давно. На спинке изображался человек с ножом в руке, а шкура медведя, плавно переходившая назад создавала впечатление что этот самый зверь нападает на него. Маленький, но смелый человек с одним ножом против животного превосходящего его по силе и весу в десятки раз. Превосходные резные ручки с чеканными изображениями животных, со временем сталь потемнела, некоторых из них можно встретить в зоопарке, других уже никто, нигде и никогда не увидит. Ножки кресла в виде лап того самого медведя, с вмонтированными когтями. Кресло стояло спинкой к стене, правой стороной к периллам, мясник не имел привычки свешивать руки по сторонам, но тут, что-то заставило его провести ладонью по боковине. На стороне, закрытой перил-

лами не хавтало одной фигурки, волка. Эта маленькая часть данного произведения искусства в виде кресла, уже давно отсутствовала на своем месте, примерно столько же, сколько мебель путешествовала вместе с хозяином. Нет, волк не был утерян или украден, он болтался на шее мясника, амулетом до тех пор, пока он не снял его и не положил в карман куртки, опасаясь потерять в тот момент, когда отогнял вурдалака от девочки, и забыл про него. Он выпал из куртки на пороге их дома, Ксюша нашла его, но не вернула, может эта маленькая девочка и права, каждый кто приходит в жизнь, приходит не просто так, есть только один вариант проверить.

Он затушил сигару в пепельнице, вместе с этим солнце окончательно закатилось за горизонт. Зайдя в дом, мясник открыл шкаф, нашел старые, потрепанные временем штаны в заплатках, окраса серый камыш, поменял домашнюю майку на не менее старую черную борцовку, снял с костянной фигурки спартанца резинку для волос, затынул на затылке хвост.

Взавбравшись на крышу пятиэтажки, он присел на одно колено, задрал голову вверх, втянул воздух носом, прислушался.

Вы когда-нибудь видели, как охотиться волк? Это невероятные создания, они могут определить вой другого волка на расстоянии в двенадцать миль, а диапазон улавливаемых звуков доходит до семидесяти тысяч герц, нос снабжен миллиардом обонятельных рецепторов, для вычисления опреде-

ленного запаха из тысячи похожих. Сорвавшись с низкого старта, в направлении на север, он больше напоминал медведя шатуна, бегущего за добычей, мелкие преграды сносил, не обращая внимания, большие огибал или перепрыгивал, так в стороны летели антенны, флюгели, бывало рассыпались кирпичные вытяжки. Затормозив в чердачный выход, великан подошел к краю крыши, «здесь он был около двадцати минут назад», по запаху определил гигант, теперь он напряг слух, криков слышно не было, воя тоже, в квартале проехала японская иномарка, вероятно мазда, судя по звуку двигателя, в двух кварталах муж ругается женой, она бьет посуду, фарфор, в трех кварталах идет стройка, в пяти уличные гонки, вот оно! Знакомое рычание, северо-запад. Такое зрелище выпадает на душу человечеству не каждый день, почти двухсоткиллограммовый громилла, несется по крышам со средней скоростью сорок пять километров час, с легкостью перепрыгивает промежутки между домами в пять, а то и пятнадцать метров, вряд ли бы кто-нибудь поверил своим глазам, даже, если бы увидел этот спринт.

Вот он, тот самый зверь, за которым и охотился мясник. Примерно метр семьдесят в холке, в длину почти два с половиной, вес от ста двадцати до двухсот килограмм, в зависимости от возраста, около пятидесяти зубов, из них четыре клыка длиной в пять сантиметров каждый, остальные зубы по два с половиной, шерсть в зависимости от местности меняет окраску в течении двух – трех дней, этот был темно

серым, местами с черными пятнами, острые когти, которые сложно сточить даже об асфальт, но несмотря на это зверь обладает чрезвычайно мягкой поступью, если дело касается выслеживания или тихого перемещения. Остатки человеческого интеллекта позволяют ему очень быстро учиться, способности животного дают невероятную выносливость, острый слух, отличное обоняние, восприятие полной гаммы цветов осталось от человеческого организма, регенерация превосходная, пулевое ранение затягивается за пару дней, новая конечность может вырасти за месяц, или раньше, в зависимости от поступающих в организм питательных веществ. Идеальный охотник, превосходный убийца. Мясник всего два раза встречался с подобными существами, но воспоминания о них крепко засели в памяти.

Уткнувшись мордой в мёртвое тело, вурдалак выгрызал внутренности какого-то местного жителя, не вовремя выносившего мусор. Мясник спрыгнул со здания, пес оторвался от своей страшной трапезы и повернул голову на шум.

– Ну здравствуй, псина, помнишь меня? Конечно помнишь, – улыбнулся мясник, – мы с тобой кажется не закончили в прошлый раз.

Зверь огрызнулся, развернул корпус, приготовился к атаке. Мусорный бак спаянный из стальных прутьев и ободов оказался очень к месту, парящий монстр был сбит железной конструкцией, которая теперь напоминала металлический слоёный блин, оглядев остатки оружия, великан осо-

знал его беспомощность и запустил в морду вурдалаку. Зверь ловко увернулся, и снова бросился в атаку, гигант подался вперед и присел, перехватив летящее над собой тело руками, добавил инерции и отправил пса в стену, один и тот же трюк дважды не пройдет, мясник отлично помнил это из своих прежних встреч. И действительно, резво очухавшийся пес, начал медленно наступать, потихоньку преодолевая метр за метром. Расстояние сократилось до полутора метров, полные ярости глаза сверлили соперника, выискивая удобный момент, слабое место, но подобных не было ни у одного, ни у второго, две почти совершенных машины для убийства. Первым сдалось животное, бросившись на этот раз в ноги гиганту, мясник понял затею и ушел в сторону, оказавшись верхом на большом мусорном баке, вурдалак резко изменил траекторию и бросился следом, оставив в железе несколько дырок от когтей, метнулся наперерез мяснику, который был уже у дома напргтив. Краем глаза великан заметил приближающуюся громадину, и оттолкнувшись от стены встретил пса всей своей массой. Но, немного переборщил, перевернувшись в воздухе враги упали на землю, в не самом выгодном раскладе для человека, он оказался снизу. Смердящее дыхание ударило в нос, зверь попытался наступить лапой на лицо нападавшего, но просчитался в реакции мясника, мгновенно перехватившего конечность. Рядом с левым ухом щелкнула челюсть, правой рукой прижал язык к нижней челюсти, не давая тем самым псу сомкнуть свой чудовищный

капкан. Резко раздвинув ноги, гигант лишил животное еще двух опор, мохнатая туша на секунду упала всем весом на человека, этого времени было предостаточно. После падения ста восьмидесяти килограмм убийце перехватило дыхание, спасло его лишь то, что он этого ожидал, пока пес пытался встать хотябы на три лапы, руки мясника, сдавили его грудную клетку тисками, из которых еще никто никогда живым не выбирался. Зверь в отчаянии начал рыть задними лапами все что попало в радиус их действия, там же и оказался живот мясника. Острая боль пропорола во всех смыслах его ткани, хрустнули ребра вурдалака, остатки воздуха покидали умирающий организм животного. Судороги прекратились, гигант спихнул с себя тело, встал, немного отряхнул штаны.

– Может это и лишнее, но извиняй, – с этими словами он со всей силой опустил замок, сложенный из рук, на шею и затылок, переломив позвоночник и раздробив заднюю часть черепа.

Затащив уже мертвого противника за мусорный бак, великан забросал недоеденный труп мужчины пакетами. Пошарил вокруг взглядом и обнаружил деревянную дверь, не долго думая, вынес ее плечом, это оказалось складское помещение какого-то строительного магазина, аптечка может где-нибудь и была, но времени зашиваться нет, скоро придет полиция и придется долго объяснять, что и чему, чего он страшно не любил. Оглядевшись вокруг нашел пару ткане-

вых мешков, бросил ближе ко входу, затем его взгляд остановился на строительном степлере, скрепив края раны пятью скобами он отправился на выход прихватив мешки.

Сколько не учили Ксюшу сначала смотреть в глазок или спрашивать кто за дверью, но она упорно продолжала этого не делать, распахнув дверь девочка застыла.

– Что встала как вкопанная, разреши мне войти, – младшая лишь похлопала большими голубыми глазами, мясник сбросил тело с плеча ей в ноги, тихонько вскрикнув, Ксю вышла из ступора, – разреши мне войти, – еще раз повторил великан.

– Ты можешь войти.

Мясник ухватил мешок за край и втащил труп вурдалака в дом, по пути собирая все пороги.

– Макс должен выпить около литра крови, чем больше, тем лучше, но не в коем случае не меньше, и мне не помешает освежить память, шкуру оставляю вам, мясо заберу, так будет сложнее найти кого-либо из нас. Мне нужно где-то разделить тело, где ванная?

– Почему ты не сделаешь это дома?

– Потому что хозяин будет искать питомца, если тот не вернется к рассвету, а до него не так уж и далеко, вполне вероятно, что начнет он как раз с моей лавки, кто он такой, я не знаю, да и выяснять не особо хочется.

– Ванная там, – девочка указала на дверь справа от лестницы.

– Ксюша, кто там пришел в такую рань? – донесся голос со второго этажа.

– Друг, все нормально, ложись спать, – крикнула Ксю в ответ.

– Это кто? – мясник ткнул пальцем в потолок.

– Бабушка, давай по быстрее, пожалуйста.

– Хорошо, банку или бутылку с воронкой, сейчас бы мои инструменты, ну да черт с ними, обойдусь, нож для рыбы, для разделки мяса и самый длинный, какой есть, канцелярский нож с широким лезвием.

– Все это есть, иди, я принесу.

Пока девочка рылась на кухне и по не распакованным коробкам, мясник затащил тело в ванную, снял мешки, положил труп на борт, так что задние лапы были в ванной, придвинул тазик поближе. Ксюша вошла без стука.

– Это он?

– Кто он?

– Тот пес что покусал Макса и хотел съесть меня?

– Даже если и не он, кровь любого вурдалака его вылечит, клин клином, как говорится.

– Ты хочешь сказать, что в городе есть еще такие?

– Черт, это третий по величине город в стране, тут еще и не такое может водиться, то что я видел только одного хозяина не значит, что он один впринципе или то, что у него одна собака.

– Ясно.

– Думаю стоит поторопиться, ножи принесла?

– Да, вот, держи, – школьница протянула великану четыре ножа.

– Спасибо, можешь выйти.

– Может я хочу посмотреть!

– Ха, ну смотри, раз такая смелая.

Мясник приподнял тело за холку и провел одним из ножей по горлу вурдалака, в тазик потекла густая, темно-красная, почти черная кровь. Через секунду Ксения уже согнулась над унитазом.

– Не понравилось, что ли? – не удержался от колкости великан, – иди на кухню, умойся, и не заходи сюда, если что-нибудь понадобится я скажу. Пошла я сказал!

Девочка послушно удалилась, умылась, нашла пустую полторалитровую бутылку, достала воронку из ящика под раковиной, села в гостинной. Из ванной доносились различные звуки, текущей воды, ломающихся костей, изредка легкий мат великана. Закончил он где-то через пол час.

– Иди сюда с бутылкой, – через приоткрытую дверь сказал он.

– Меня опять не стошнит?

– Даже если стошнит, мне нужны еще одни руки.

– Ясно, буду держаться, – они перелили кровь из тазика в бутылку.

– Сейчас пулей в больницу, он должен выпить все, не

знаю, как ты объяснишь это докторам, можешь сказать, что настойка какая-нибудь, или что-нибудь в этом духе.

– Куринный бульон.

– Он прозрачный, а не черного цвета.

– Ладно, придумаю что –нибудь, а что у тебя за дырка? – она приподняла майку, – где ты так умудрился?

– Царапина, заживет, не переживай.

– Не получается у меня не переживать.

– Беги! Время – деньги, и не малые, и не наши.

– Ты хоть продезинфицируй чем –нибудь.

– Обязательно.

Девочка положила бутылку в пакет, вышла из дома и побежала в сторону больницы, в которой лежал Макс.

– Ну привет, – зашел мясник обратно в ванную, и улыбнулся, – теперь мы наедине.

Маша сидела в больнице с тех пор, как узнала, что на Макса кто-то напал, сначала не отходила от реанимации, потом от интенсивной терапии, врачи сообщили опадении крупного животного, возможно, бешеная собака или что-то вроде. Все это время она не смыкала глаз. Позже сказали, что волноваться не стоит, парень крепкий, поэтому он выжил, и дальше сможет выкарабкаться, но им не давала покоя его постоянно скачущая температура. Его уже собрались отпустить, под домашний уход, все раны и царапины на удивление быстро затянулись, но температура начала резко подниматься, капельницу не снимали десять часов, но отметка градус-

ника по –прежнему показывала сорок один и восемь десятых градуса, парень же чувствовал себя превосходно.

– Маш, – забежала в приемную Ксения.

– Зайка, что ты тут делаешь?

– Я потом все объясню, Макс должен это выпить, все, – девочка протянула пакет сестре.

– Что это?

– Я же сказала, потом все объясню. Отвар от мясника, он сказал поможет.

– Похоже на гудрон, ладно, раз ты настаиваешь.

Старшая незаметно для врачей зашла в палату.

– Макс, – тихонько позвала она парня.

– Маша? Как тебя пустили?

– Я убила сиделку. На вот выпей, Ксения тебе принесла что-то, сказала поможет.

– Ну давай попробуем.

– Только выпить надо все.

– Хорошо, если это не цианид калия конечно.

– Ты что прикалываешься? Когда она тебе плохого желала?

– Да шучу я, шучу.

– Дурак. Пей давай.

Парень приложился к бутылке.

– Вкусно, черт возьми.

Через пятнадцать минут бутылка закончилась, лишь на дне остался мутноватый осадок.

– Ну и дрянь, – отхлебнув из тазика произнёс мясник, – наверное до полнолуния надо было подождать пока рецепторы не изменятся.

К этому времени туша уже была освежевана, шкура аккуратно вымыта, высушена, свернута и уложена в мешок. Мясо было разделано, расфасовано в разные пакеты, однако, что делать с костями гигант не знал. Идеальным вариантом, было бы захоронить в третьем месте, но на это времени не было. Можно было бы сжечь их где-нибудь за городом, но нужна была машина, которая была только у Макса, сам мясник смог бы сесть за руль только в кабриолет или грузовик, в другие машины не влезал физически. Решение пришло само собой, всё что осталось мусор, а мусор надо выкидывать, сегодня утром как раз день сбора накопителей. По пути домой он разбросал кости по разным мусорным бакам.

На утро мясник первый раз за длительное время вспомнил что такое похмелье, хоть и не спал, как обычно в общем, а всего лишь присел и закрыл глаза, после того как разложил мясо по холодильникам и переоделся. С наступлением рассвета, пришла невероятная жажда, вялость и лёгкая головная боль. А ещё чувство опьянения, такой охоты у него не было уже лет пятьдесят, это он понял только сейчас. Раздался приглушенный скрип калитки, выходящей на задний двор, далее знакомые лёгкие шаги маленьких кроссовок, и запах. Этот запах он врядли смог бы теперь с чем-нибудь спутать, как и спутать её с кем-то в толпе. Длинные русые

волосы, где-то до середины спины, большие карие глаза, маленький носик с горбинкой, густые красивые брови, маленький ротик с тонкими губами. И эти пальцы, длинные, тонкие. Она поднялась.

– Я всё сделала, как ты сказал, – села на последней ступеньке Ксюша.

– Дома была? Я дверь не закрыл.

– Была, убрала шкуру в подвал, закрыла дверь и сразу к тебе пошла. Спасибо, – кротко добавила девочка.

– За что?

– Ты всё – таки совершил доброе дело, настоящее, большое.

– Да собственно так себе доброе дело. Как Макс и Маша?

– Маша нормально, Максим вроде на поправку, сказал, что вкусное пойло.

– Как вкусное?! – ошалел мясник, – дрянь же редкостная!

– Не знаю, Маша так передала, меня к нему не пустили.

– Странно.

– Что странно?

– Вкус крови, её я на своём веку испил не мало, а ему она показалась вкусной, вот это странно.

– Ничего не понимаю.

– Я тоже. Ко мне посетитель, – закончил беседу мясник, встал с кресла и перепрыгнул через забор, как обычно бесшумно, только кресло слегка скрипнуло.

– Ведь сейчас раннее утро, кто мог прийти? – остался без

ответа вопрос Ксении.

– Доброе утро, – улыбнулся покупатель и снял шляпу.

– Чему обязан в столь ранний час? Желаете приобрести ещё мяса для питомца? Вот книга, и наценка двойная, но вы об этом и так знаете. Верно? – вопросительно посмотрел на гостя мясник.

– Нет, спасибо, пёс видимо наелся, раз не вернулся вовремя домой. Я не говорил, что он тоже особо дорог для меня?

– Нет, в прошлый раз вы как-то умолчали об этом.

– Теперь знаете.

– Не совсем, короткую историю своего пса я вам рассказал, о вашем же я не знаю ничего.

– Это один из моих братьев, он был шаманом и каннибалом по совместительству, после обращения другое мясо ему давать было бессмысленно, он просто воротил от него нос. Потому что и будучи человеком другого мяса не ел лет с пяти. Теперь вы знаете его историю.

– Этого будет достаточно. Так зачем вы пришли?

– Я пришёл, потому что мой пёс не вернулся домой вовремя и либо он до сих пор ест, что вряд – ли, потому что он всегда приносил домой, то что не доедал, либо он ранен, что мало вероятно, в связи с тем, что недавно через это прошел, и помнит каково это, ну или он мёртв. А сил на его убийство в этом городе хватит только у трёх человек, у меня, у вас и у той девочки что наверху, не знаю почему она, от неё исходит очень странная аура, она не ведьма, не упырь, что она? А,

вы не знаете, – насмешливо посмотрел на великана гость, – я тоже, а раз не знаю я, значит, она тем более не знает, соответственно она не соперник и тем более не враг. И так, следуя от противного, домой пёс ничего не принёс, даже если бы его подстрелили, он всё равно был бы уже дома, но я его там не чувствую, значит остается третье.

– Ксю! Беги! – заорал что было мочи мясник, девочка должна была его услышать.

Незнакомец перехватил трость за середину и направил в сторону гиганта, пасть змеи слегка приоткрылась, и из неё вырвался огромный огненный шар, мясник попытался прыгнуть, но не успел. Запах опалёной бороды и волос на голове смешался с бетонной пылью от разбитых дверных косяков, гигант оказался в коридоре. Для побега было два пути, вниз, в разделочную и назад, в сад, через него сейчас должна была убежать Ксения. Однако мясник никогда не бежал, даже когда враг был сильнее, проворнее или хитрее. Ни в одном из вариантов гигант уверен не был, просто его застали врасплох, значит надо драться. Следующий огненный шар пролетел в нескольких сантиметрах от него, гигант успел открыть потайную дверь и встать в проём. Вырвав дверь с петель, он метнул её в коридор, раздался звон стекла прилавка, через мгновение выглянул сам, мимо пронеслась шляпа, сбрив, как лезвие, часть свисающих с головы волос, мясник проводил её взглядом, пролетев дальше по коридору, шляпа резко метнулась влево, и пропала за углом, раздался краткий

девичий вскрик.

– Сука! – взревел великан.

Не разбирая пола или стен, гигант на четырёх конечностях преодолел четырёхметровый коридор в два прыжка уклоняясь от двух огненных шаров прижавшись к левой стене, затем к полу. Незнакомца он встретил лицом к лицу, сидя на правой стене, когти на руках и ногах крепко впились в кирпич, не дав ста восьмидесяти килограммам упасть. Сидя на стене, мясник расплылся в своей чудовищной улыбке, глядя на ошарашенное лицо гостя. В мгновение ока воткнув когти левой руки в живот врага, он метнул его через себя, в проход коридора, оттуда незнакомец мог бы бежать только на задний двор. А там бы его встретила Ксения, незнакомец, конечно, не знал, что она ещё жива, шляпа лишь задела её, и не знал о том, кто она, по – этому замешкался бы, что дало бы несомненное преимущество.

В подвале, дверь в который служила картина был тупик. Но, именно туда и рванул неизвестный. Мясник знал там все закоулки, а также знал, что лежит и где, первое от чего он увернулся, когда лёг на лестницу, был его любимый топор. До этого ему казалось, что не осталось на планете существ, способных не то что метнуть его, даже поднять, однако надежды его были разрушены, когда часть бердыша шестнадцатого века пролетела над его лицом и воткнулась в ступеньку, как метательный нож в дерево. Дальше, когда он встал за холодильником, мимо пролетели несколько раз-

делочных ножей и пара топоров для рубки костей. Мясник считал, на этом запас холодного оружия в подвале заканчивался, если только гость не прихватил с собой ещё что –нибудь с прилавка. Так и было, великан сделал шаг вперёд, прикрыв голову правой рукой, в неё же собственно и воткнулся разделочный нож.

– Ну что кончились аргументы, – произнёс гигант, вынимая из руки нож, и угрожающе повернулся к магу.

– Не совсем, – произнёс незнакомец, глядя куда-то выше мясника, вверх по лестнице, схватил змею – наверхние трости, за голову правой рукой, повернул и вынул стилет, кротко замахнувшись метнул.

Этот её запах. Она была сзади, спускалась за ним, в неизвестность, на встречу смерти. Таких поступков за всю его жизнь было мало, хватило бы пальцев одной руки, чтобы посчитать, кто, когда и при каких обстоятельствах совершал подобное. Мясник вздёрнул левую руку и лишь успел задеть кончик оружия пальцем, изменив траекторию, невообразимая боль пронзила колено, а не сердце Ксюши, то, для чего был предназначен стилет.

Она выживет. Все несколько десятков лет оказались тленом, все благие и злобные деяния померкли в свете того, что она будет жить. Он решил так не смотря на, близость смерти, столь сильного противника он не встречал уже очень давно, а годы взяли своё.

Не отвлекаясь на запахи и движения, мясник совершил

свой последний прыжок. Подогнув руки под себя, он оттолкнулся всем телом. Направив выпущенные в бешенстве, из рук когти в голову врага, он не заметил возвращающиеся клинки, запущенные в него мгновением ранее. Все три разделочных ножа оказались воткнутым в его спину, когда сантиметровые когти погрузились в грудь и шею мага.

Незнакомец скинул с себя двухсот килограммовое тело, прижал раны на шее левой ладонью, вынул из спины мясника нож.

– Девочка, он был смертен, вопрос был лишь во времени.

Ксюша с невероятным усилием выдернула из колена стилет, и перехватила его пониже навершия, встала, держась за стену.

– Твои слова ничего не изменят, – зло произнесла она.

Хромая она начала медленно спускаться по лестнице, и наконец, поравнявшись с магом, направила стилет в его сторону.

– Ты смеешь угрожать мне моим же стилетом? – с недоумением и сарказмом произнёс незнакомец.

– Именно так, больше того я им тебя убью.

Маг убрал руку от шеи и попытался вернуть своё оружие усилием мысли, стилет в руке девочки не шелохнулся. Осознав близость проигрыша, сделал выпад ножём и в ту же секунду лишился и его, вместе с правой кистью, только клинок в руке девочки совершил едва заметный круг в воздухе. Остриё уперлось в его грудь, прямо в сердце.

– Кто ты? – обезумевшим от непонимания взглядом, уставился на девочку маг.

– Сегодня, твоя смерть – ответила Ксю, медленно приближаясь.

Так же медленно стилет входил в тело, пока рукоять не упёрлась в кости, остриё распоров ткани и пальто, вышло наружу. Следующий неуловимый взмах отделил голову незнакомца от туловища.

– Вот и ты совершила нечто ужасное, – слегка повернулся на бок мясник, – мы не успели.

– Я сейчас вызову скорую, мы всё успеем, – Ксения набирала номер на сотовом, окровавленными пальцами парвой руки.

– Мы не успели.

– Да, о чём ты, черт возьми!? – в сердцах крикнула Ксения.

– Мы не успели спасти Макса.

– Что? Я не понимаю, мы успели спасти Макса и тебя успе- ем!

– Нет, я только сейчас понял. Вурдалак был его братом, он же его и проклял, у них была ментальная связь. Магия распространяется и на тех, кого укусил его брат, из-за этого Макс чувствовал приятный вкус крови, он стал вурдалаком не через двое суток, как это положено природой, а через несколько часов, мы опаздали.

Слезы покатались по щекам Ксени.

– А меня и нельзя было спасти, я должен был умереть за

долго до нашей встречи.

– ААА!!! – закричала девочка.

– Забери трость, она твоя по праву.

– По какому праву?

– Ты убила владельца, она твоя, и с таким коленом у тебя не получится далеко уйти, трость поможет.

– Да я не хочу никуда уходить, – со слезами на глазах сказала Ксю.

– А придётся, у него есть ещё родственники. Кресло, это мой подарок тебе, береги амулет, и – произнёс мясник, – дай закурить.

Девочка принесла сигару из коробки, протянула гиганту, поднесла зажженную спичку.

– Этот вкус божественен, брат, где ты? – выдохнул дым великан.

– Я здесь, друг, – возник силуэт из табачного дыма, – с тобой, как и всегда, идём, или ты здесь не закончил?

– Уже не важно, – ответил мясник и в последний раз затянулся сигарой.

– Ничто не важно, я закончила свой рассказ, – произнесла девушка и отхлебнула вина.

– Ксения, позвольте поинтересоваться, – не удержался от вопроса Василий, – вы принимали участие в этой истории, но в целом она о другом человеке, как вы узнали, чем занимался мясник, в ваше отсутствие?

– Он сам рассказал, – незамедлительно ответила девушка.

– Но с ваших слов, он отправился в мир иной.

– Пока вы не вогнали даму в краску своими вопросами, отвечу я, – вступил в беседу Канги, – сигары.

– Поясните, – уточнил домовой.

– У нашего народа есть особый набор трав, дым которых способен связать любого человека или существо с предками или близкими, в зависимости от желания, вдыхающего их. Мясник курил всё что угодно, сигары же лежали в коробке, и только через них осуществлялась связь с его другом, думаю их состав не многим отличается от нашего.

– Вы всё верно пояснили, Хота, – отозвалась Ксения, – у меня был период, когда его жутко не хватало, и я закурила, обычные сигареты не приносили облегчения, или даже намёка, на то, что он где-то рядом. Ни запах, ни вкус, ничто не способно было хоть как-то напомнить о его присутствии. Тогда решила попробовать его сигары, я как-то не глядя прихватила коробку с ними, когда грузчики забирали кресло. И спустя несколько лет, Маша нашла её, как раз в то время, когда я курила, думаю, как всегда не случайно.

– Ужин окончен, – раздался голос из тёмной части комнаты, – если к даме ещё остались вопросы прошу задать их лично, а здесь пора наводить порядок.

– Серёга, будь другом, – посмотрел Василий, на спутника и одним глотком осушил крайний бокал вина.

– Да, конечно, – Сергей встал из-за стола и отодвинул стул соседа вместе с ним, – покурим?

– Я забуду трубку.

– Можете курить на балконе, в номере, – произнёс Игнат, отодвигая кресло девушки.

– Благодарю, – ответил домовый, слегка наклонив голову, и спрыгнул со стула.

– А я благодарю вас, Ксения за вашу историю, – поднимаюсь, произнёс старик.

И едва Семён, скрипя суставами, оторвался от пня, на котором сидел, кусок дерева начал преобразоваться обратно в резной стул. Постояльцы разошлись, завтра у всех были дела в городе, кто-то шёл на очередную деловую встречу, кто-то изучал город, и музеи. Даже Семён нашел повод покинуть поместье, закончился любимый самокруточный табак, а он продавался всего в трёх магазинах. Последней, ближе к вечеру, вернулась Ксения. До ужина было меньше часа, и она решила посидеть в обеденном зале, у камина. Там же она встретила дворецкого, в своём кресле в тёмном углу, покуряющим трубку.

– Добрый вечер, – произнёс, не отрываясь от наблюдения за огнём, Игнат.

– Здравствуйте.

– Присядете?

– С радостью.

Дворецкий, встал, подошёл к столу, выдвинул кресло девушки и бесшумно переместил его к камину.

– Игнат, у вас интересная трость, – Ксюша забралась в

кресло вместе с ногами.

– Не менее интересная, чем ваша, – ответил мужчина, – я бы на неё посмотрел поближе.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Почему же?

– Я не знаю, как она стала моей, и понятия не имею, как могу её лишиться.

– Ооо, не переживайте, в этом доме никто ни у кого ничего не может забрать. Предлагаю утолить интерес каждого из нас, и обменяться тростями.

– А вы не переживаете, что я заполучу вашу, так же как приобрела свою?

– Ни сколько, ваша магический предмет, моя же, обычная в ней нет силы, – с этими словами дворецкий протянул свою трость девушке, наверху вперед, – не беспокойтесь ни о чём.

Девушка и дворецкий обменялись аксессуарами.

– Восхитительно, – произнёс мужчина, вынув стилет из деревянного кобура, – бесподобная работа, – добавил он, немного повертев его в руках.

Лезвие было длинное, не меньше полуметра, тонкое и почти плоское, по центру не толще десяти тетрадных листов, сложенных вместе. Дворецкий погрузил клинок в пылающие угли камина, немного там подержал, вынул и прислонил к руке, лезвие было той же температуры что и при изъятии из ножен.

– Вы точили его хоть раз? – обратился Игнат к госте.

– С тех пор я его вынимала всего два раза, и то, только для того чтобы убедиться.

– В том, что оно ещё там?

– Нет, что всё произошедшее не было кошмарным сном.

– Думаю вы, всё верно сделали, чем реже эта вещица видит свет, тем больше вероятность того что никто не умрёт, а точить его не надо. Оно закалено, скажем так, не самой светлой магией, и весьма древней, вряд ли что-нибудь сможет затупить это лезвие. Вы разобрались с огнём?

– Нет, за десять прошедших лет, я так и не смогла понять, как он это делал.

– Поинтересуйтесь у Семёна, я думаю, он вполне сможет подсказать, как это происходит, старик немного старше, чем магия, создавшая этот клинок.

– Хорошо, я хотела поинтересоваться, и не знала к кому обратиться, думаю, вы ответите на мой вопрос, – Ксюша протянула трость владельцу.

– Спрашивайте.

– Кто ваши постояльцы? Из всех персон только сущность Василия мне ясна, однако и домового я вижу первый раз в жизни.

– Это не самый сложный вопрос, вы видно ещё не так много повидали, раз не знаете даже древнейших.

– После случая с мясником, я стараюсь держаться от всего этого подальше.

– Прекрасно вас понимаю, пятнадцать лет не самый подходящий возраст для подобного рода событий. И так, Семён леший, как раз один из древнейших существей, их всё меньше последнее время, леса вырубают, непроходимых чащ почти не осталось, а как раз там и были дома почти у всех леших. С некоторых пор он живёт здесь, под моей защитой, а его убежище, это пруд на заднем дворе поместья, я его почистил, прибрал, облагородил, а старику предложил перебраться в дом, он был не против. Спутник Василия – Сергей, говорящий с духами, тоже один из древнейших, как и сами домовые. Однако некромант молод, ему не больше ста лет, на мой взгляд, тогда как Семёну ни один век, никогда его не спрашивал о возрасте. Мне крайне интересен их странный союз, домовый и некромант, никогда такого не видел. Сергей относится к нему как к равному, более того, как к другу, хотя мог бы раздавить его как таракана. Весь род некромантов считает домовых паразитами, последние в свою очередь испокон веку защищали дома от нежити, что-то в этом мире кардинально изменилось. Секунду, – Игнат небольшими щипцами достал уголёк из камина, прикурил трубку, сделал пару затяжек, положил уголёк обратно, – Хота Канги, шаман, скорее всего из Америки. Шаманизм, как и прочие оккультные науки, тоже весьма древние, по их носителям, как и по алхимикам, да и вообще большинству существей тяжело сказать сколько им лет, они застывают в том возрасте, который был для них переломным.

– В каком плане?

– Переломным или преобразующим становится момент, когда из тех, кто поклоняется, они становятся теми, кому поклоняются. Когда из обычных шарлатанов, народных целителей, врачей, они становятся кем-то другим, по-настоящему уверовав в своё учение или постигнув такие тайны наук, которые действительно позволяют творить чудеса. Был у меня один знакомый шаман, из Бурятии, он научился отрачивать утраченные конечности и органы, но не смотря на то что это можно считать чудом.

– Почему же чудом? – прервала дворецкого девушка, – у Сергея рука из серебра, и вполне себе рабочая, вот это, пожалуй, чудо.

– Смею с вами не согласиться, его браслет, такой же необычный предмет, как и ваша трость, думаю, если его не будет, то и руки не будет, и готов поспорить на свою трубку, что он хотел бы вернуть свою настоящую конечность.

– Может быть, я вас перебила.

– Так вот, не смотря на чудо, это не стало переломным моментом для него, не сломало его душу и не перевернуло взгляд на мир, что позволило бы пожить немного дольше обычного человека. Он так и продолжал стареть, познавать, расширять грани, учиться и учить. И скорее всего уже умер, я не видел и не слышал о нём ничего уже очень давно, лет сорок точно. Тут вы, Ксения похожи на него, то событие что могло, как сжечь вас дотла, так и превратить на долгие годы

в пятнадцатилетнюю девочку, никак на вас не повлияло. Вы продолжаете взрослеть.

– Так подобные ситуации могут и убить?

– Я же сказал, из тех, кто поклоняется, в тех кому поклоняются, а поклоняться можно как живым, так и мёртвым. Те, кто был сломан событиями, отправлялись к предкам и оттуда наставляли и поучали своих последователей. После своих открытий или просветлений они могли догореть изнутри за пару дней, что-то не выдерживало сердце, мозг, душа или всё вместе.

– Остался Борис.

– И опять я вынужден не согласиться. Вы, милейшая, или вы уже в курсе кто или что вы?

– Не имею не малейшего понятия.

– То то же. Борис один из наблюдателей.

– И за кем же он наблюдает?

– За всеми. Наблюдатели очень интересные существа, они могут слышать правду, вместо лжи которую говорят окружающие, видеть сущность и ауру сразу, без применения магии, как я вчера снял со всех разом их скрывающие истинный вид чары. Только ему для этого колдовать не надо, он всё видит и слышит уже в реальном виде. Я с ними не часто встречался, но как-то мне показалось, что они могут быть сразу в нескольких местах одновременно, но повторюсь, возможно мне только показалось.

– Такого врага лучше не наживать, – усмехнулась девуш-

ка.

– Они всегда придерживаются нейтралитета, и как раз за это пользуются особым уважением всех без исключения существ, которых я знаю, пора накрывать стол, скоро ужин, продолжим как ни будь потом.

– Была рада поболтать, вы очень приятный собеседник.

– Я тоже был рад, – с этими словами Игнат зажег первую свечу.

Вечер второй.

– Доброgo всем вечера господа, Ксения, – сел за стол Семён.

Гости поприветствовали тех, с кем не встречались за день. Раздался щелчок пальцев из угла возле камина, прошли доли секунд и все присутствующие приняли свой обычный вид.

– Семён, мне кажется, вы немало повидали на своём веку, и у вас есть какая-нибудь история для сегодняшнего вечера, – обратился к старику некромант.

– Вы совершенно правы Сергей, но, я предлагаю своего рода обмен, я рассказываю свою историю, а завтра вы расскажете, где приобрели такой изумительный серебряный браслет, – ответил леший.

– Достойный обмен, никто не против? – Сергей окинул взглядом помещение, возражающих не было, – Семён.

Ведьма на болоте

Деревню возле леса озарил очередной рассвет, пропели первые петухи, народ начал собираться в поле, за дровами, охотники отправились проверять силки, ямы и ловушки. И только молодая девушка Софья спала, два дня она, почти не смыкая глаз выхаживала двух деток с другого конца деревни. Жар спал, кашель прошел, бредить перестали, ещё день отлежатся и будут как новенькие. Так и Софья отсыпалась

после проделанной работы.

Калитка в её двор всегда была открыта, как и дверь в дом, гостям она всегда была рада, кто бы и когда не пришел, хоть поздней ночью, хоть ранним утром. Жила она одна, родителей схоронила пару лет назад и с тех же пор занималась врачеванием, местные всегда приносили дрова, еду, и одежду в случае необходимости, а она взамен лечила всех, кто нуждался.

Деревня была большая, человек триста, и это только взрослые, с детьми и стариками набиралось около шестисот, была даже своя двухэтажная церквушка с добротной колокольной, на пятнадцать человек, попом и звонарём. Её дом был последним по улице, у самого леса, за забор переступи, и через пятнадцать косых сажений начиналась чаща. Там то, в лесу, почти всё время и проводила девушка, собирая ягоды, новые коренья, листья, цветы, и всё то, что могло пригодиться. Внутри дом её был больше похож на цветочную оранжерею, все самые необходимые кустики, а их было штук двадцать, она давно выкопала и рассадила по горшкам, на зиму от всяких хворей хватало. А вот по лету начинались эксперименты с травами, грибами и всем, что можно было варить, сушить, жарить и настаивать.

Гибкий ум Софьи не давал ей покоя, поп на пару со звонарём научили её читать, писать и высекать мелодии из колоколов, обойдя все местные семьи, она научилась играть на гуслях и балалайке, свирели и дудке. Знала наизусть все сказ-

ки и небылицы, рассказанные стариками, прочла все свитки и небольшое количество книг, которые смогла найти. Как только литература закончилась, начала записывать рецепты всего что могло бы пригодиться, собирала все баночки и бутылки, которые были не нужны местным, настаивала, вываривала и снова настаивала. Всё, что получалось пробовала на себе, иногда последствия были печальными, двухдневный бред с жаром, рвота. Иногда же наоборот, появлялась безумная работоспособность и весёлость, как-то после очередной такой попробованной смеси настоек, Софья, оказалась в лесу, в совершенно неизвестном ей месте. Пару часов она пыталась пробраться к деревне по солнцу, и вышла к более – менее знакомым местам. День плавно сменился сумерками, и уже почти угас, когда она нашла первый признак людей, крик зайца, попавшего в силки, кто-то пытался его оттуда вытащить, издали и в темноте было не разобрать, девушка подошла ближе.

– Эй, кто вы! – окликнула незнакомца она.

Ответа не последовало, незнакомец продолжал заниматься освобождением животного.

– Эй! – и крик застрял в горле, перед ней было существо, лишь отдалённо напоминающее человека, сгорбленное, скрипящее, как дерево на сильном ветру, руки и ноги больше были похожи на узловатые ветки, местами в коре, местами заросшие мхом, борода и растительность на голове болотного цвета скорее были травой или тиной, чем волосами.

– Не мешай, ступай своей дорогой, я тебя не трону, – ответило существо.

– Может я помочь смогу, я знаю, как эти силки устроены, – наконец переборов страх произнесла девушка.

– Ступай говорю, вы же, люди, сделали их, чтобы зверей ловить, и теперь хочешь отпустить? Не верю я ни тебе, ни таким как ты, – зло огрызнулось существо.

Софья опустила на одно колено рядом с силками, и не взирая на ворчащего рядом, развязала пару узлов, освобождённый заяц перестал кричать, повернулся к девушке, наклонил голову, как бы поблагодарив, и в два прыжка скрылся из виду.

– Кто вы? – она поднялась с земли.

– Лешим меня называет твой род, хозяин болот и лесов, друг зверей лесных.

– А я Софья Степановна, приятно познакомиться, а имя у вас есть?

– Было когда-то, деревня в той стороне, – леший указал направление, и вставив пальцы в рот свистнул, – тебя проводят, опасно в лесу ночью.

Рядом шелохнулись кусты, но никто так и не показался, старик повернулся в сторону чащи, кротко обронив «Благодарю», и, скрипя суставами, побрёл вглубь леса.

– Не за что, – тихонько произнесла девушка и отправилась своей дорогой на пару с незримым спутником.

Вскоре она добралась до деревни, за несколько метров до

калитки обернулась в сторону леса, во мраке деревьев на секунду блеснули два глаза, один желтый другой белёсый, следом показался большой чёрный, лохматый хвост и тут же исчез.

В доме было светло, значит кто-то в гостях.

– Добрый вечер гости дорогие, – улыбнулась с порога де-вушка.

– Софья, где тебя леший носит, весь день прождали, Миша вон исстрадался весь, – произнёс старик Егор, – руку вывернул, когда телегу починял. Я тут похозяйничал немного, чаю подогрел.

– Ничего страшного, почувствуйте себя как дома, давай Михаил посмотрим руку твою.

Парень сел на лавку рядом с хозяйкой, вся рука от плеча была неестественно вывернута наружу, всё это обрамлялось огромным синяком и сопровождалось стонами парня.

– Не так всё страшно, Егор Спиридонович налейте ему чаю немного.

– Так как он пить то будет?

– Вторая рука целая у него, ею и будет.

– Горячо, – только и успел сказать Миша, когда взял кружку, раздался легкий щелчок, затем второй.

– Вот и всё.

– Спасибо, Софьюшка, не зря столько ждали, отблагодарю чем смогу.

– Не чем, а когда сможешь, я тебе мазь дам из трав, будешь

натираешь перед сном и утром, как встанешь, тяжелой работой эту руку не нагружай, а лучше полежи денёк другой, – де-вушка порылась на полках, нашла нужную баночку, обернутую в ткань, протянула мужчине, – всё, Миша, можешь идти.

– Спасибо, ещё раз, – уже на выходе из дома произнёс он.

– Так, где ты бродила так долго? – поинтересовался старик.

– Егор Спиридонович, вы верите в те сказки, которые мне рассказывали?

– Как не верить, когда большинство из них из уст в уста передаются уже многие поколения? Что-то из этого должно быть правдой.

– Я сегодня лешего видела.

– Не брешешь?

– Нет, он зайца из наших силков вытаскивал, я ему помогла. Страшный, старый, как будто дерево он болотное, только живое, и сам себя лешим назвал.

– Эко диво. На какой тропе это было?

– А вот прямо на той, что к моему дому выходит, верста, может полторы отсюда.

– Надо всех предупредить, чтоб туда больше не ходили охотиться.

– Почему?

– Духа лесного гневить не надобно, бедой аукнется.

– Он дружелюбным мне показался.

– Ох, сомневаюсь я, что добром он нам оплатит за сво-

их зверей изловленных. Лешие иногда помогают, а порой и губят, если рассердить их, а наши молодчики за поведением в лесу точно не следят, свистят, бранятся. Так что поостережёмся этих мест и их хозяина, в частности.

– И что вы им скажете? Что зверь, бешенный завёлся?

– Твоя правда, сразу пол села туда побежит загонять его. К утру придумаю что-нибудь, прощай Софьюшка.

– До свиданья Егор Спиридонович.

Старик вышел, на крыльце прикурил трубку, и едва прикоснулся к калитке, шарахнулся назад, с соседнего проёма забора вспорхнул огромный чёрный ворон.

– Эт ты бес проклятый, старика пугаешь, – пробурчал он, вышел за забор и пошёл домой.

Ворон немного покружил над домом девушки, пока в доме не погасла последняя свеча, и направился в лес.

Колокольный звон застал Софью ещё в кровати, извещал он об общем собрании. Девушка наспех оделась, и побежала в другой конец селения, собирал всех староста.

– Значит так, молодчики, – вещал со ступеней церквушки старик, – сегодня поутру ходил я в лес, по тропе, что рядом с домом Софьи, там топь разрастается, через версту где-то, Василий, что это значит?

– Не ходим туда больше отец, силки не ставим, на зверя не охотимся, – ответил местный любитель пострелять дичь.

– Правильно, а то утопнете, и детишки ваши без отцов

расти будут, и любителей без дела по лесу пошататься, особенно после стакана медовухи это тоже касается, понятно Мишаня?

– Да понятно, Спиридонович, – произнёс уже поддавший с утра мужичок, – всё на этом, расходиться можно?

– Тебе можно, ступай, остальным вот что скажу, у Софьи дрова кончаются, Марфе с зерном подсобить надо, кому, что ещё надо?

– Пара подков новых не помешала бы, – раздался голос из толпы.

– А ты не знаешь, где кузнец живёт?

– Знаю.

– Ну а что тогда болтаешь попусту? Всё, новостей нет больше, расходимся.

Народ разошелся по делам, только пара молодых ребят решала, кто из них понесёт Софье дрова.

– Это вы хорошо придумали с болотом, – подошла к старику девушка.

– Добрый повод для них носа не совать в ту сторону без нужды, а ты что?

– А я, наверное, схожу.

– Смотри сама, но я бы на твоём месте поостерёгся с ним встречаться ещё раз.

– Поглядим, может, расскажет, чего интересного.

– А может в болоте притопит.

– Надеюсь, что нет.

– Нам без твоего врачевания туго будет.

– Понимаю, а вдруг он мне ещё какие-нибудь травы покажет, которых я не знаю, от хворей которые лечить пока не могу?

– Добро, но аккуратнее будь.

– Хорошо, вечером заходите, на чай с малиной.

– Обязательно. Прощай Софьюшка.

– До встречи.

Девушка зашла домой за деревянной свистулькой, которую для неё сделал один из местных умельцев, собрала все свои записи с рецептами, взяла корзинку с хлебом и кашей и направилась в лес. Примерно через версту Софья нашла те силки, в которые попался заяц, вот только тропинка на этом месте заканчивалась, а она отлично помнила, что вчера из чащи выходила по хорошей, протоптанной дорожке. Сейчас же с этого места и дальше были сплошные дебри и кусты, не долго думая девушка выбрала самое непроходимое направление и начала пробираться сквозь кусты и заросли бурьяна. Саженой через сорок вышла на небольшую опушку, рядом с небольшим болотом, пристроившись под одним из деревьев, что было поближе к топи, девушка начала играть на свистульке.

Немного времени прошло с момента прибытия Софьи, прежде чем появились первые признаки жизни, на ветку прямо над игравшей сел огромный чёрный ворон, громко

известив окружающую местность о своём присутствии. Девушка прервалась, и подняла взгляд вверх.

– Здравствуй, – поздоровалась она с первым слушателем.

Птица посмотрела на девушку, кивнула и перебралась поближе, Софья продолжила играть. Солнце встало в зенит, когда появился второй слушатель. Кусты с другой стороны болота подняли свои ветки, образуя проход, из которого, не торопясь, вышел вчерашний знакомый. И пошел прямо по болоту, трясина под его ногами сплеталась в большие пучки, образуя островки на которые леший спокойно мог наступать, не боясь провалиться.

– Красиво играешь, – приблизившись, произнёс хозяин леса.

– Вы же только пришли, – оторвалась от свистульки девушка.

– Да, но слушаю с самого начала, – он указал пальцем-веткой на птицу, сидевшую на дереве, – звери лесные друзья мне, они же мои глаза и уши, знаю, что жителей своих отсюда отвадила.

– Тоже ворон передал?

– Да, зачем пришла?

– Учиться.

– Чему ты учиться собралась у меня?

– А всему что знаете, если захотите рассказывать, конечно.

– Может и есть, что тебе поведать, только зачем мне с то-

бой чем-то делиться?

– Я вас тоже чему-нибудь обучу, я много чего умею.

– А что мне пользы от твоих умений? Зайцам я, что ли играть буду?

– Я не только играть умею, могу зверей покалеченных лечить, или может вещи какие из деревни принести.

– Может и договоримся, – леший начал соображать, что из людских вещей ему может понадобится.

– Вот и славно, имя своё вы так и не сказали мне.

– Семёном меня звали, и ты так же называть можешь.

– Хорошо, ряда знакомству.

– Я тоже.

– С чего начнём, Семён?

– Рецепты свои давай, может, подправлю чего.

– А вы читать умеете?

– Я же сказал, человеком был, когда-то, не всё ещё забыл, а ты играй пока.

Следующие несколько часов леший изучал написанное, местами удивляясь, иногда, недовольно ворча, исправлял что-нибудь угольком. Когда репертуар Софьи на данном инструменте был исчерпан, Семён закончил вносить корректировки.

– Всё, скоро стемнеет, завтра придешь, только инструмент другой прихвати, и всё что я внизу написал.

Софья быстро пробежалась глазами по написанному, несколько корней, знакомых ей трав и цветков, тарелка и

бутыль медовухи.

– А медовуха зачем? – подняла она глаза, но рядом уже никого не было.

Когда девушка вернулась домой ее уже ждал Егор, с заваренным чаем.

– Ну как? – с порога напал с вопросом старик.

– Договорились, – улыbnулась она.

– Чудеса.

– А по мне так нет, он и по людям, поди, истосковался, уж много лет, наверное, один. Но не просто так, буду ему вещи приносить, что попросит.

– Ну, если что потребуется, говори, если сама раздобыть не сможешь.

– Так уже, бутылку медовухи попросил, а у меня её отродясь в доме не водилось.

– Это не проблема, в любой хате спроси, в погребах не одна лежит.

– Косо посмотрят на меня, я ж не пила никогда, мало ли что народ подумает.

– Ладно, занесу завтра поутру.

– Спасибо вам Егор Спиридонович.

– Было бы за что, смотрю чтения у тебя много на сегодня, – произнёс старик, глядя на исправленные рукописи, – пойду я, доброй ночи.

– И вам.

– Опять ты, – едва выйдя за порог, заметил дед ворона на заборе, – Софья, птицу покорми, второй вечер тут сидит.
– Какую птицу? – вышла на крыльцо девушка.
– Вон ту, – указал старик на ворона.
– А, эту покормлю, – улыбнулась она, и вынесла немного хлеба.

Следующие пару часов Софья разбиралась с тем, что написал леший, иногда удивляясь тому, как сама до этого не додумалась. А местами впадая в ступор от простоты изготовления некоторых настоев, которые она готовила по несколько месяцев и выдерживала в разных условиях, а надо было только заменить некоторые ингредиенты, и месяца приготовления превращались в дни, а иногда и часы. Но, то что она должна была принести завтра, окончательно её добило, некоторые сочетания были ей знакомы, одним она как-то травила мышей в амбаре, другое туманило разум на несколько дней, третье оставляло ожоги на коже, а если соединить это всё получилась бы, наверное, жуткая отравка, так она думала пока не настал следующий день.

Егор, как и обещал, занёс утром бутылку медовухи, девушка нашла в сундуке с музыкальными инструментами дудочку, которую делала вместе со Спиридоновичем, по образцу, любезно предоставленному всё тем же мастером, собрала очередной тормозок с едой, взяла ингредиенты, которые написал леший, и отправилась в лес. Едва она подошла к знакомому месту, где кончалась тропа и начинались дебри, ку-

сты расступились, обозначая дорожку, к поляне и болоту.

Под деревом её уже ждал Семён.

– Доброго вам дня, – поздоровалась Софья.

– Здравствуй, располагайся, всё принесла?

– Да.

– Давай бутылку, – получив желаемое, леший мгновенно приложился к спиртному, сморщился, выдохнул, – эхх лет семьдесят её не пил, а вкус всё тот же.

– Значит рецепты те до сих пор в ходу.

– Записи мои прочла?

– А то как же. Много нового для себя узнала.

– Это не новое, всё, что я дописал и исправил, ещё деды мои рассказывали. А если ты единственная, кто сейчас врачеванием интересуется, и даже у тебя такие огрехи есть, то всё очень плохо с нынешним поколением.

– Это почему же?

– Как почему, элементарные вещи не знаешь, и никто тебя не поправляет, а если подсказывать некому, значит глупцы одни кругом, мало того, что никто свой опыт по наследству не передаёт, так ещё и всё что мы оставили, забыли.

– Семён, я это сама всё написала, сама же пробовала.

– Ну вот и я о чём, опять всё с пустого места начинаешь, когда до тебя уже всё придумали и проверили. Ладно, сегодня, колдовать будем.

– То есть как?

– Да как, обычно, всё, что ты принесла сейчас в ход пой-

дёт, играй и смотри, что делать буду.

Пока девушка отыгрывала очередной свой репертуар на другом инструменте, леший занялся приготовлением зелья. Что-то бросил в воду и поставил на солнце, из другого выжал соки и масло, третье смолот в порошок, в конце смешал всё в одной таре и плеснул туда медовухи.

– Пей, – протянул он плошку с зельем девушке.

– Да это же отрава! – возмутилась Софья.

– Сама ты отрава, рода человеческого, пей, говорю.

И она выпила.

– Сей напиток тело твоё и сознание немного встряхнёт, чтобы пути колдовские открыть.

– Без него не получится ничего?

– Иногда и с ним ничего не выходит, а иногда и без него человек колдовать может, от человека зависит, на сколько он миру открыт. Знаешь возраст такой у детишек, когда их змея не укусит, и собака не кинется, вот в этот момент они ближе всего к природе и полностью миру открыты, а чем старше человек становится, тем сложнее ему доступ к колдовству получить, закрывается он. От всего закрывается, от природы, от других людей, даже от себя, мало что радость для него несёт, и ни музыка слух ласкающая, ни новизна дел и занятий других не может ему весёлость вернуть. Вот тогда и мир для него закрывается, со всеми чудесами и красотами.

– Всё равно гадость редкостная.

– Если бы не медовуха, вообще пить невозможно было бы.

– Что-то голова загудела.

– Это тоже от неё. Теперь вот тебе символы, – леший протянул дюжину обрезков бересты, – пол ночи вспоминал и рисовал, попробуй, что-нибудь сотворить. Это знак роста, действует на всё живое, только на людях не пробовал, и тебе не советую, это вода, ветер, огонь, земля, – леший переворачивал кусок за куском, – думай о результате и рисуй двумя руками, чем больше символ нарисуешь, тем больше получишь.

– Что-то ничего не происходит, – начертила Софья в воздухе один из символов.

– Рост выбрала, а на что направляла?

– Не знаю, просто в мир.

– Бестолковая, я же сказал, о результате думай, гляди.

Семён повернулся в сторону, начертил тот же знак, маленький росток, торчавший рядом с краем болота, начал медленно подниматься вверх, обрастать листвой, и рос, рос, пока леший не опустил руки и не повернулся к девушке, за пару минут взрастив из небольшого побега иву сажени три в высоту.

– Поняла? Пробуй, на ней же.

Софья повторила процедуру. Опять ничего.

– Ты о чём думаешь?

– О дереве.

– Плохо думаешь, ну-ка выпей ещё.

– Зачем? Мне уже хватит.

– Медовуха из головы прочие мысли выкинет, – она вы-

пила ещё пару глотков, – попробуй ещё, не уйдёшь, пока не получится или пока бутылка не кончиться.

– Семён, если бутылка кончиться я тогда точно никуда не уйду.

Ещё попытка, ещё глоток. Темнело. Бутылка была почти на исходе, как и терпение старика, и вот, после немереного числа попыток, листва на дереве зашуршала, оно начало расти.

– Чудо то, какое! – закричала девушка и обняла лешего, пахло от него, что не удивительно, лесом, залпом она допила остаток бутыля, и опять принялась за дерево.

– Я уж думал, пропало всё, – произнёс хозяин леса и улыбнулся, первый раз за десятилетия, – собирайся домой, завтра продолжим.

– Семён, а я не дойду уже, – заплетающимся языком произнесла девушка, и улыбнулась.

– Тогда здесь спи, доброй ночи, дудочку я заберу, учиться буду, – леший, скрипя суставами, встал и направился вглубь леса.

– Доброй ночи.

Софья откинулась на траву, и, глядя на угасающий за кронами день, уснула. Проснулась она среди ночи от резкого запаха собачей шерсти и сопения с двух сторон от неё, нащупав рукой рядом, что-то большое, лохматое и тёплое, обняла это и опять уснула. Как только поднялось солнце, волки начали будить девушку, большой одноглазый лизал руку, вто-

рой тыкался мордой в бок.

– Встаю, встаю, отстаньте, – пробурчала она, медленно открыла глаза, села.

Потрепала обоих за холку, серые довольно вильнули хвостами и скрылись в лесу. Девушка повторила вчерашний урок, подрастив иву ещё на сажень, собрала пожитки в корзину и побрела домой, где её уже ждал постоянный гость.

– Я уж думал, прибрал тебя лес, – едва завидев хозяйку, с тревогой произнёс Егор.

– Спойл он меня вчера, вашей медовухой.

– Зачем?

– Сказал, лишние мысли из головы выветривает.

– Есть у неё такое свойство, что поведал, чему научил?

– Сейчас покажу, – заулыбалась она.

Взяла горшочек, с маленьким ростком малины, с подоконника, начертила знак, выученный вчера наизусть, и за минуту превратила его в плодоносящий куст.

– Эко диво! – только и смог выдавить из себя старик, и сел, обомлев.

– Не зря с ним познакомилась.

– Ох, не зря, я за такие чудеса готов с ним неделю пить, – отошёл от увиденного Семён, – а урожай наш сможешь так же? Как раз только сегодня засеяли.

– Не знаю, попробовать надо.

– Только ночью пробуй, днём, боюсь, наши не рады будут твоим чудесам, народ дремучий, мало ли что удумают себе.

– Хорошо, сегодня же и пойду.

– Тебя где искать, если опять пропадёшь?

– В конце тропы прямо идите через дебри, за ними болото будет с ивой у самого края, вот там мы с ним встречаемся.

– Буду знать. А пока в баньку сходи, а то что-то смердит от тебя, никак на псарне спала?

– Да нет, – начала, было, Софья.

– Не продолжай, знать не хочу, – старик ушёл, прикрыв за собой дверь.

Наступила ночь, девушка, как и сказала, пошла на поле, пытаться поднимать урожай, расположилась рядом с лесом на взгорке, с которого было видно всё поле. Сосредоточилась, очертила в воздухе знак, и начала ждать. Прошла четверть часа, но результата всё не было, вдруг сзади раздался знакомый древесный скрип.

– Воды маловато.

– Семён? Вы тут зачем?

– Тебе помогать пришёл. Только обучилась колдовству, как сразу за урожай взялась, да ещё и таких размеров, сказал же бестолковая.

– Ну, так научите бестолковую.

– Так я и учу, дерево ты, где со мной растила?

– Рядом с болотом.

– Так, а малина твоя?

– Дома в горшке.

– Вот, ей много воды не надо, куст один, и поливала ты его каждый день, а тут поле целое, рядом ни речки, ни озера. Вода пшенице нужна, много воды на такое поле.

– И как быть?

– Грозу звать, письма мои взяла?

– Да, вот они, – достала она из корзинки куски бересты.

– Давай искать, вот знак дождя, но его тут маловато будет, надо ещё знак воды добавить и тогда получится должно, пробуй сначала дождь, а как соберется, добавляй воду.

Софья применила символ, но смогла собрать только маленькое облачко.

– Эх ты, опять не о том думаешь, смотри как надо, – с этими словами леший повторил знак, и за несколько минут сотворил целый грозовой фронт, начал накрапывать дождь, – вот, давай возвращай, сейчас польет, похоже, без медовухи толку от тебя не будет, – усмехнулся он.

Старик добавил символ воды, и полило, как из ведра. А девушка занялась пашней, и действительно, при таком обилии воды дело пошло.

Хорошо, что она решила сделать это ночью, дабы никто не видел, но как же плохо, что этого никто кроме них не видел. Первыми вверх подались те ростки, что были ближе всего, набирая за пядью, пядь, они стремились вверх, к небу, весь ближний аршин разом. Следом за ним, взошла уже косая сажень, расходясь как полукруг по воде от брошенного камня рядом с берегом, и чем больше колосков поднималось,

тем больше сердце Софьи и Семёна наполнялось радостью и восторгом, всё, усиливая их энергию и концентрацию. А с ростом последних, всё сильнее бушевал ливень и быстрее новые ростки пробивались вверх, ближе к середине поля эту волну было уже не остановить. Новые стебли пробивали землю с неопишуемой скоростью, поднимая за собой следующий полукруг, и следующий, в то время как первые колоски уже созревали, последние, в конце поля выпрыгивали из земли как стрелы, пущенные из туго натянутого лука, разбрасывая кусочки чернозёма по сторонам. Всего за полчаса леший и ведунья сотворили то, на что природе и людям понадобилось бы почти четыре месяца, сердца двоих ликовали.

– Будет толк, – смотрела она на проделанную работу, и светила от счастья.

– Всё может быть, чем мог, помог, соберёте сами, завтра жду на болоте, и верёвку захвати, много, помощника пришлю утром, чтоб донести помог, – дал указания он и побрёл в лес.

– Софья, – украдкой заглянул в дом старик.

– Да, Егор Спиридонович.

– Спишь?

– Нет, уже, – раздался сонный голос с печи, – разбудили вы меня, погодите, накинута что-нибудь на себя.

Через минуту хозяйка впустила гостя в дом.

– Сама справилась?

– Да куда мне, он помог, оказывается воды много надо для таких просторов.

– А, так вот, что ночью громыхало, всё на поле пошло, а в селе ни капли не упало.

– Отправили народ собирать?

– Конечно, как встал, сразу пошёл глядеть, что ты натворила, порадовала.

– Чем смогла, – улыбнулась девушка.

– Тут до меня от соседей весточка дошла, что цыгане проездом в нашем селе будут, есть у тебя что поменять?

– Даже не знаю, я же только необходимое беру, а травы мои им зачем? Кто ими пользоваться умеет кроме меня?

– Придумаю что-нибудь в благодарность тебе, за все, что сделала для нас, жди гостинцев.

– Спасибо батюшка, – поклонилась она, – вы там, у порога моего никого не видели?

– Только ворон твой, а кто ещё должен быть?

– Веревка ему понадобилась, обещал поутру прислать, кого-нибудь, помочь донести.

– А веревка, то есть у тебя?

– Был моток, вроде.

– Хватит?

– Не знаю, нет, наверное.

– Сейчас сосед занесёт, жди. А как друга твоего зовут-то?

– Семёном.

Немного погодя постучал Фома, живущий через дом, с двумя большими мотками бечёвки на плечах.

– Тебе куда её Софья?

– На пороге положи, благодарю.

– Да куда положить понятно, куда тебе её столько?

– В лесу хочу делянку отгородить, травы с цветами высаживать, чтоб не потерять где посадила, вокруг деревьев обмотаю, как заборчик будет.

– А, ну если помощь потребуется, скажи.

– Обязательно, Настасье, когда рожать?

– Месяца два ещё можешь спать спокойно, а почему у тебя псиной так воняет?

– Да почём я знаю, может, прибилась какая бродячая. Спасибо за верёвку.

– Было бы за что, – сосед удалился.

Девушка выглянула за дверь, Фома был уже далеко, коротко свистнула, из соседних кустов вынырнул хвостатый знакомый с подбитым глазом, и шмыгнул в дом, чуть не сбив хозяйку могучим хвостом.

– Ну что ты, что ты, – девушка обняла волка, а тот радостно завил хвостом, – соскучился что ли?

Волк лизнул её в лицо, тем самым показывая, что очень. Софья водрузила один моток на шею зверя, второй дала в зубы, себе на плечо повесила третий, прихватила корзинку, собранную ещё вечером, и выглянула за дверь. Улица была пуста.

– Пойдём, – открыла она дверь полностью, выпуская лохматого гостя, и сама направилась по знакомой тропе на место встречи, еле поспевая за зверем.

– Семён, зачем вам верёвка? – едва завидев, лешего спросила она.

– Бревно из болота давно хотел вынуть, мешает.

– Чем?

– Да как-то криво стоит, подземный ручей перекрывает.

– И как мы его вдвоём вытащим?

– Кто сказал, что вдвоём? – старик повернулся в сторону леса, приложил руки ко рту и зычно загудел, как в рог, – лошадей умеешь запрягать?

– Умею.

– Будем считать, что это лошади.

Через пару минут на опушку со всех сторон леса начали выходить олени, лоси и кабаны, и выстраиваться в колонны спиной к болоту.

– Запрягай, а я пока другие концы повяжу, – с этими словами леший прихватил три свободных конца и погрузился в болото.

Насколько крепко смогла, Софья повязала на зверей оставшуюся верёвку, проверила узлы на надёжность, подложила местами мох и кору, чтобы не сильно натирало. Вскоре концы, что отправились под воду, натянулись, и Софья крикнула «Пошли!», животные дружно впряглись и потяну-

ли содержимое болота наружу. Через пару аршинов верёвки, над водой показались корни, вскоре дерево полностью оказалось на земле, со стороны кроны его подталкивал Семён. Когда-то давно это был молодой, крепкий дуб, желудей видно не было, значит ему меньше пятидесяти лет. Потом его корни подмыло болото, и он рухнул, сейчас все листья и тонкие ветки сгнили, кору местами смыло, оголив, тёмный, пропитанный болотной водой ствол. Сейчас он напоминал остов могучего корабля, потопленного огромным числом неприятелей, с собой он забрал тоже не мало, но, в конечном счете, сдался шквальному огню, пустил воду в трюм и гордо пошёл на дно, пролежав там не одно десятилетие, до сегодняшнего дня.

– Семён, это очень ценное дерево, сложное в обработке, но в умелых руках результат будет восхитительным.

– Забирай, если надо, мне этот дуб как кость в горле был.

– Спасибо, я одолжу твою упряжь ненадолго?

– Конечно, не одна же ты его к деревне потащишь.

– Зверей развязала и отпустила, оставила за четверть версты не доходя села, – вернулась девушка.

– Молодец, что изучить хочешь?

– Я всё о волке твоём одноглазом думаю, неужели нет ничего, что может ему зрение вернуть.

– Софья, чары вещь такая изменчивая и гибкая, что наверное можно всё, только надо изучить глубже и практико-

ваться дольше. А у тебя в этом всё́м успех есть и не малый, вот тебе ещё несколько знаков, – леший протянул куски коры девушке, – ты всё себе перепиши, посиди вечерок, подумай, может к чему, и придёшь, чего я не смог разумать, завтра вернёшься и поглядим.

– Хорошо, тогда до встречи.

– Прощай, а если раньше додумаешься, знаешь, как его позвать, а я пока остатки ручья прочищу, – с этими словами леший опять с головой погрузился в болото.

Она додумалась раньше, перебирая свои записи, с теми что дал леший, нашла несколько стыковочных мест, через которые можно объединить знаки и её навыки врачевания, усиливая эффект настоек и отваров. Отыскав на полке одну из таких мазей, которую применяла для заживления синяков, царапин и мелких порезов, она взяла нож в правую руку и полоснула по левой, следом нанесла вещество и начертила подобранный символ. Результат превзошёл все ожидания, кровь перестала течь, ткани стянулись, оставив за собой небольшой рубец. Девушка вышла на порог и коротко свистнула, оставила дверь приоткрытой и стала ждать. Не успела она, вскипятить воду для чая, как в дом залетел лохматый смерч, хозяйка подпёрла дверь стулом, сейчас не званым гостям она была не рада, да и сами посетители были бы не в восторге, если не сказать в панике, хищника таких размеров никто из них ещё не видел в здешних местах.

– Ну, давай теперь испробуем на тебе, – девушка села верхом на волка, чтобы не дергался, нанесла мазь на старую рану и немного на глаз, зверь недовольно зарычал, но продолжал сидеть смиренно, – терпи, немного осталось.

Далее последовал символ, и старая травма начала затягиваться, оставляя за собой едва заметный шрам, как и на руке, серый прикрыл глаза, а когда открыл смог видеть окружающий мир уже обоими.

– Сейчас остатки смоем, и беги, похвастайся Семёну, – девушка намочила кусок подола, вытерла оставшуюся смесь, зверь в знак благодарности положил передние лапы на хрупкие плечи и начал облизывать её лицо, – всё, хватит, уронишь меня сейчас.

Хищник послушно прекратил, Софья убрала стул и выпустила лесного жителя. Светало, колокольный звон оповестил о гостях, приехали цыгане.

Зашли в село они шумно, с танцами и фокусами, с музыкой и песнями, вся детвора мигом сбежалась на шум. Приехали они на пяти обозах, ещё пять были битком набиты заграничными товарами, и вещами, обменными в соседних сёлах и городах. Начался базарный день, местные несли всё что могли, вяленую дичь, шкуры, музыкальные инструменты собственного производства, лишь бы урвать какую ни будь диковинку, будь то красиво расшитое платье для дочери, чудные склянки под медовуху и соленья, новое охотничье ружьё или любой другой пустяк, бусы или зеркальце в

красивой оправе.

Софья, тоже поспешила туда, ворона на удивление в этот вечер не было, наверное, леший был настолько занят своим болотом, что забыл прислать соглядатая. Теперь ей было что предложить, морёным дубом никто бы из местных заниматься не стал, а цыгане запросто нашли бы покупателя на такую породу дерева, взамен она хотела получить книги и что-нибудь из трав, тех, что здесь не растут. Для такого обмена нужна была самая старая цыганка, у таких обычно было всё необходимое. И такая быстро нашлась.

– Здравствуйте, – подошла к старушке Софья.

– Здравствуй девочка, ты, что хочешь поменять или получить?

– Мне нужны все книги, которые у вас есть, и травы есть какие-нибудь, что здесь не растут?

– Много есть, сколько нужно?

– Все.

– А обменять найдёшь на что?

– Есть дерево.

– Девочка, тогда это дерево должно быть из серебра, – улыбнулась цыганка.

– Оно почти из серебра, морёный дуб, молодой, в болоте пролежал лет пятьдесят, не меньше.

– Говоришь ты хорошо, посмотреть надо.

– Так берите несколько молодцов и четверку коней, чтоб по два раза нам не ходить.

– Данко, бери четырёх коней, верёвку, брата и майкэ, куда идти? – обратилась уже к Софье старушка.

– В конец села, оттуда по тропе пол версты в лес.

– Слышал?

– Да, тётушка Зара, Пали, – постучал в один из обозов паренёк, – выходи, скоро свою медвежью подстилку до дыр протрёшь.

Ткань приподнялась, и из телеги аккуратно вышел невероятного роста и телосложения парень, встав в полный рост, он смог спокойно смотреть вверх повозки. Всё село замерло, наблюдая за огромной фигурой направляющейся к лошадям.

– Это вот он Пали? – уточнила немного шокированная Софья, припомнив значение этого имени у цыган.

– Да, тебя что-то смущает? – улыбнулась цыганка, – зовут его как-то по-другому, не по-нашему, мы постоянно забываем, поэтому и прозвали «Пали».

– А, ну если так, то ему это имя очень подходит.

Пали прихватил двух лошадей под уздцы и повёл за собой, как будто выгуливал двух больших собак, две другие достались братьям. Все впятером направились к дальней тропе.

– Не обманула, девочка, действительно хорошее дерево, будут тебе и травы, и книги все что есть. Тащите к обозам, там распилите и погрузите, – обратилась к паренёкам старушка.

Запрягли всех четырёх лошадей, пятую верёвку дали ве-

ликану, сначала он, немного поднапрягся и сдёрнул дерево с места, потащив за собой, затем братья подхлестнули лошадей и дело пошло быстрее. К вечеру библиотека девушки пополнилась дюжиной книг, а запасы трав, цветов и рассады не одним десятком новых редких для местных широт видов.

– Приходи, как стемнеет к церкви, мы огненное диво привезли, красиво будет, – произнёс Пали, расставляя остатки книг по полкам.

– Подумаю, а где таких богатырей выращивают?

– Где выращивали, там уже нет, – улыбнулся парень, – приходи.

– Хорошо.

Как только начало темнеть, Софья направилась посмотреть на огненную диковинку, что привезли цыгане, к тому времени собралось уже почти всё село, детишки и звонарь расположились на колокольне, откуда обзор был лучше. Приезжие уже расставили чугунные цилиндры разных размеров, на площади перед церквушкой, подвели к ним тонкие верёвочки, пропитанные маслом, оставалось ждать, когда стемнеет окончательно. Долго ждать не пришлось, подожгли первую верёвочку, как только она догорела, в небо взвился красный комок огня. Пролетев вверх с десятков сажень, взорвался и рассыпался сотней красных искр, народ ахнул, такого чуда не видели здесь отродясь, и только Софья слегка улыбнулась, это не шло ни в какое сравнение с тем,

что недавно сотворила она на пару с лешим. Следом подожди ещё один цилиндр, на этот раз искры были зелёными, затем подожгли сразу три фитиля.

– Стой, проклятая, куда! – раздался крик из толпы.

К цилиндрам рванула собака. Вёревки догорали, одним движением она сбила два из них, стоявший поодаль Пали, метнул в собаку стакан, что держал в руке, бросился к чугунным изделиям, псина взвизгнула и метнулась прочь, задев хвостом третий. Парень перевернул цилиндры вверх дном и прижал к земле руками, раздался один хлопок, затем второй, запахло горелой плотью, упал третий, направив своё жерло в сторону церкви. Шар огня ударил в двери церкви, и немного померцав, взорвался искрами. «Горим» закричал кто-то в толпе, крыльцо и двери вспыхнули как сухая трава, народ помчался по домам за кадками и ведрами, кто-то к колодцам поднимать воду. Другого выхода не было, а на втором этаже колокольни, было порядка тридцати детишек, Пали, обожженными руками, содрал с обоза накидку, позвал ещё четверых мужчин, вместе они растянули ткань.

– Бросай по одному, – крикнул здоровяк-цыган, звонарю. Тем временем занялись стены первого этажа.

– Не успеют. Егор, медовухи, быстро! – одёрнула за рукав, старика Софья.

– Нашла время пить! – огрызнулся он.

– Егор! – испепеляя взглядом, повторила девушка.

Через несколько секунд старик уже протянул ей бутылку,

залпом девушка осушила половину, выдохнула, тряхнула головой и уселась на землю. Меньше чем за минуту она собрала грозу, не уступающую той, что сотворил леший, для урожая. На горящую церковь двинулась стена дождя, а в основании этой стены, непоколебимым камнем в огромной луже сидела девушка, вымокшая до нитки, с гудевшей от медовухи головой, но чистым разумом, сидела до тех пор, пока последний уголёк в основании стен не потух.

– Ведьма! – крикнул кто-то.

– Сжечь! – закричал следующий.

На девушку кинулись двое мужчин, прижали к земле, скрутили, завязали рот и руки.

– Что творите скоты! – рванул к Софье Пали, но тут же получил по голове чем-то тяжёлым и упал без сознания.

– Глупцы, что делаете? Она детей ваших спасла! – пыталась освободить девушку Зара.

– Цыганка, забирай свой сброд и уезжай, а то и тебя вместе с ней на костёр отправим, – раздался голос из толпы.

– Глупцы, – зло процедила старушка, далее покрывая селян непере译имой бранью на смеси болгарского, иврита и румынского, цыганский лагерь свернулся меньше чем за полчаса, и покинул село.

Софье не дали сказать последнее слово, так и не развязав рот, побоялись, что наслёт на них проклятья, неурожай, или ещё какое ни будь лихо. А она всё пыталась найти в толпе Егора или Фому, или кого-нибудь из соседей, встретить хоть

один взгляд не желавший ей смерти, без туманящего рас-судок страха или первобытного ужаса перед неизведанным, как давние предки страшились огня, принесённого молнией, так и её сейчас боялись все присутствующие без исключения. Она не нашла никого, всех, кто был против, или оказывал яростное сопротивление, в их числе был и Егор, все-го человек тридцать заперли в амбаре. Этой же ночью её со-жгли.

Следующим утром староста молча осмотрел место казни, почернел лицом ещё больше прежнего, и не отвечая никому из встречных побрёл в конец села, дальше лесной тропой, пробрался через дебри и вышел к болоту с ивой. Под тенью соседнего дерева сидел леший и писал что-то угольком на бересте.

– Ты кто будешь, и как это место нашёл? – повернулся к старику Семён.

– Софья сказала, где искать, друг я её.

– А сама бестолковая где? С цыганами уехала?

– Не уехала, Семён, – Егор проглотил ком, подкативший к горлу, – я ей говорил, не твори чудеса на людях, дремучие они, глупые. Нет её больше. Сожгли ночью, – договорил он и сел рядом с хозяином леса.

Береста выпала из рук лешего. Егор коротко описал прошедший вечер и ночь.

– Что ж вы за бесы. Ступай старик, не прощу, как можно

дальше отсюда иди, и не оглядывайся, пока сто вёрст за плечами не будет, не оглядывайся, не прощу. Ступай старик.

Егор, молча встал и пошёл прочь от болота, в сторону села, за спиной раздался звук знакомой ему дудочки, строгали вместе с Софьей и учил играть её тоже он, поэтому все мелодии, высекаемые из этого инструмента помнил, как своё имя. Он шел по селу, сзади зашелестел лес, потом захрустели деревья, или это были дома, слышались крики лесных зверей, или это были стоны и вопли людей, старик дошёл до въезда, не оборачиваясь и не прощаясь, направился в сторону проезжей дороги, а в голове всё играла эта дудочка.

– Семён, судя из того, что ваше болото за этим помещьем, где-то неподалёку должно быть то село, но город в пяти километрах, и ближе нет ни одного населённого пункта, – уточнил некромант.

– Сергей, вы к чему-то клоните? – поинтересовался леший.

– Я слышал, что иногда селяне просто оставляли свои деревни и уходили всем скопом, из-за чего агломерация просто ветшала, гибла, и исчезала с карт, если вообще была нанесена на них.

– Там, где вы сидите, начиналось это село. За этим столом святых нет, за каждым тянется окровавленный шлейф.

– Не смейте говорить за всех, – возразил Хота, – мою историю вы не слышали, и меня не знаете, и Ксения.

– Что, Ксения? – не дал закончить старик, – одна смерть, тоже смерть, а вы. Я знаю только одну магию, которая требует крови, и, судя по вашим рукам, Хота, сколько и чем бы вы их не прикрывали, не плохо в ней преуспели, я не говорю за всех, я говорю, что нет святых в этой комнате. И поэтому не смейте меня судить.

– Мы вас не судим, Семён, – вступила в разговор девушка, пытаюсь хоть немного разрядить обстановку.

– То село покинул только Егор, – старик встал из-за стола и, не прощаясь, ушел к себе.

– Ужин подошёл к концу господи, – раздался голос из тёмного угла.

Гости разошлись по комнатам, во всём поместье погас свет, только очаг в зале продолжал гореть, в кресле рядом сидел, закинув ногу на ногу, дворецкий, курил и вглядывался в черноту комнаты, думая о чём-то совершенно неземном. На балконе самой дальней комнаты второго этажа заиграла дудочка, терзая тишину ночи своим печальным плачем.

Вечер третий.

Постояльцы собрались за ужином.

– Борис, могу ли я поинтересоваться? – начала беседу

Ксения.

– Конечно, дам ответ на любой вопрос, который вас интересует.

– Вы же наблюдатель, верно?

– Правильно говорить, наблюдатели.

– У них одно восприятие на всех, то, что видит и слышит один, видят и слышат остальные, поэтому им бесполезно лгать, или скрывать, что-то от них, и из-за этого, они не могут называть себя одним существом, он один из наблюдателей, но также он все наблюдатели. А их память, настолько тёмный лес, что чаша, в которой я жил по сравнению с ней прямая улица в пять домов, вот там действительно даже чёрт ногу сломит, – упредил вопрос девушки Семён.

– Наша память, говоря доступным для двадцать первого века языком, просто огромный сервер. В остальном Семён прав, я не могу говорить о себе в единственном числе, потому что это не так. В чём ваш вопрос?

– Вы же можете определить мою сущность?

– Без проблем.

Борис поднял свою повязку, под которой оказался чистый,

первородный ужас. Окружающим было бы не так страшно, если бы виднелась хотя-бы стенка черепа, но нет, там не было совсем ничего, не было ни век, ни тканей. Создавалось ощущение, что в глазнице начинается бездна, настолько необъятная, что перехватывает дыхание, чёрная дыра, поглощающая самые лучшие воспоминания, самые светлые чувства, бесконечная ночь, без звёзд и луны, без надежды дожить до рассвета. Свет вокруг этой бескрайней пропасти, размером с человеческую глазницу, преломлялся и тускнел, казалось, его просто затягивает внутрь, пламя свечи стоявшей перед Борисом наклонилось в его сторону, как от сильного сквозняка, и за малым не угасло совсем. Всех сидевших напротив передёрнуло, даже прожившего не одно столетие и видевшего различные ужасы Семёна. Что же до девушки, она побледнела и вжалась в кресло. Бездна вглядывалась в неё, изучала, не пропуская ни сантиметра тела, ни частицы души и сознания, ей казалось, что чёрная глазница повсюду, поглотила всё вокруг и увеличилась до размеров этой комнаты или всего мира, так же она проникла и внутрь, окутала сердце, запустила свои холодные ростки по всему телу. На долю секунды Ксюша даже потеряла сознание, во всяком случае, ей так показалось.

– Вы, Ксения, бретёр, – ответил Борис, и пристроил повязку на место, – выпейте вина, рекомендую.

В комнате стало заметно светлее, девушка незамедлительно последовала совету и залпом осушила бокал.

– Кто? – спросили в один голос постояльцы и повернулись в сторону наблюдателя с нескрываемым удивлением.

– Что никто не знает, кто это, и ничего о них не слышал? – Борис оглядел стол, встретив везде лишь непонимание, – Игнат, вы тоже не знаете?

– Я слышал о них, но никогда не доводилось видеть живых, – раздался голос из тёмного угла.

– Семён, вы как самый старый из нас, должны знать хотя бы термин.

– Слово то я знаю, и кого так называли тоже. Но вот существ, – замялся леший.

– Просветите же нас, – горела от нетерпения девушка, отошедшая от паники после встречи с тьмой в глазнице.

– В семнадцатом веке это название им дали, профессиональные дуэлянты, частенько таких нанимали за крупные суммы денег, выступать от лица кого либо, а иногда бретёры сами нарывались на дуэль.

– Всё верно, немногим позже появились и существа с похожими навыками, особенностью этих существ было то, что с кем бы они ни дрались, бой проходил на их условиях, без применения магии. Огнестрельное оружие против водяного или, например, лешего, холодное оружие против мага или шамана, из любого подобного противостояния бретёр выйдет победителем. На личном опыте вы уже в этом убедились, хотя, если бы тот маг умел фехтовать, вопрос был бы спорный. А при наличии должных навыков в обращении с хо-

лодным и огнестрельным оружием, думаю, даже бессмертный, что под вопросом, пока не доказано обратное, некромант вам не соперник. Хотя можете просто погромсать его на куски и разбросать по разным углам. А не встречали вы бретёров, господ, потому что они не возникают из учений как маги и шаманы, не рождаются из гор как великаны или с домами как домовые, не появляются из-за стечения обстоятельств как наблюдатели, или не восстают из мёртвых как некроманты. Они штучные экземпляры, их по всему земному шару около сорока, может чуть больше, некоторые не знают о том, что они бретёры и вероятно не узнают, поэтому мы даже не пытаемся отслеживать их количество. Один умирает или погибает, ему на смену приходит другой, их количество всегда постоянно. На счёт продолжительности жизни сказать ничего не могу, всё, Ксения, зависит только от вас, так что учитесь стрелять, владеть шпагой, и проживёте как все нормальные люди. Первичные данные в вас заложены, развивайте, – наблюдатели пригубили вина, – Чего поникли господ? Осознали на сколько близко может находиться ваша смерть? Я бы на вашем месте радовался, увидеть бретёра доводится не каждому существу, а уйти после этой встречи живым вообще редким представителям своего рода. Так что вы наблюдаете своего рода чудо, задиру, не бросившего в вас перчаткой. Вы же не за ними, сюда пришли Ксения?

– Нет, господ, будьте спокойны.

– Вот видите, Сергей, вы обещали поведать свою историю.

Extremis malis, extrema remedia.

В то летнее утро, с первыми петухами встал и Сергей, по привычке, в будни глава колхоза требовал его присутствия на поле, на случай экстренной починки техники. И как бы ни хотелось спать, партия требовала, а ей отказывать не принято, даже при наличии бессмертия, коим он начал обладать пару лет назад, в результате крайне неудачного стечения обстоятельств. После которых Сергея собственно и сослали механиком в колхоз из большой теплой квартиры в Ленинграде, в маленький обветшалый дом в ста пятидесяти километрах не доезжая Бреста.

Тогда никто и не думал разбираться почему в результате взрыва в НИИ главный инженер технолог биологического отдела Сергей, выжил, да ещё и не получил ни царапины, вот только он не выжил, точнее, остался живым частично. Работа в этом НИИ была пиком карьеры, и когда он там оказался, решил найти пару сподвижников для проведения довольно антинаучного, и более того бесчеловечного эксперимента. Загорелся этой идеей мужчина в далёком детстве, когда из-за границы к нему в руки попала книга Мери Шелли, изучив её от корки до корки, Сергей понял свою цель в жизни. Основываясь на скорее всего, вымышленном произведении он начал плотно изучать энергетику и механику, биологию, анатомию и химию, не гнушаясь оккультными рукописями и учениями, грубо говоря, если был хоть малейший намёк на

то, что данная область науки может как-то пригодиться, она была изучена. Так же было изучено множество зарубежных языков, в том числе мёртвых, некоторые книги можно было найти только в оригиналах. После изучения необходимые факты были вынесены, записаны и очередная стопка книг паковалась в коробку и отправлялась в кладовку, как и все остальные ненужные знания из этой области отходили на самые дальние полки мозга.

Для того чтобы оказаться в этой лаборатории с этими знаниями и людьми у Сергея ушло около тринадцати лет. И вот, когда настал час X, два предохранителя совершенно случайно перепутанные помощником привели к локальной катастрофе, погибли два человека, пострадал труп, одолженный у морга. Главный инженер технолог пришёл в себя через несколько минут, оценил масштабы бедствия, проверил помощников на признаки жизни, а таковые отсутствовали, вызвал медиков и сел ждать. Хотя всё пошло не по плану, Сергей получил то, чего так страстно желал, он мечтал вновь наделять мёртвое жизнью, если это можно было так назвать, теперь он это умел, пусть и пока не знал об этом, правда, при помощи магии, а не науки.

Придя домой в тот вечер, Сергей долго рассматривал своё лицо в зеркале над раковиной, пытаясь понять где допустил ошибку, и осознавая, что на этом его работа в НИИ закончилась, как и труд всей его жизни. Только спустя тридцать минут игры в гляделки с зеркалом, он заметил, что его лицо

теперь не совсем его. Нет, это всё тот же Сергей Вячеславович Борода, пока ещё главный инженер технолог, но что-то было не так, какая-то неуловимая мелочь, «может быть излишняя бледность», подумал он, хотя она вполне ожидаема на почве стресса. Так и не выяснив причину, он лег спать не раздеваясь, в той же одежде в которой был во время взрыва.

Настало утро, нехотя мужчина встал с кровати и вышел на балкон, прошло около восьми лет, с тех пор как он бросил курить, трубка и табак в стеклянной банке лежали на своем месте как раз с тех пор, Сергей закурил. Никотин довольно быстро протрезвил голову. Надо было собираться на работу, его пока не уволили, и в любом случае надо было дать начальству объяснение о том, что вчера произошло в лаборатории. Раздеваясь на ходу, мужчина заметил небольшую, сантиметра в полтора, прорезь на рабочем халате, затем на пиджаке, сняв рубашку, он понял, в чём причина. Кусочек железа пробил одежду и застрял в груди, в области сердца, как он не заметил его вчера и проспал с ним всю ночь. Последним элементом одежды была белая майка, на которой виднелся маленький кровоподтёк. «Значит ничего серьезного», мелькнуло в голове Сергея, пока он не взялся за осколок и не начал тянуть. Боли не было. Вчера пятнадцать сантиметров стали прошило его грудь и сердце, после этого не выживают, мужчина метнулся к зеркалу, вот откуда излишняя бледность и отсутствие крови. Он не выжил вчера. Только, что-тогда стояло сейчас перед зеркалом и смотрело на него

с той стороны? Дабы вернуть себя в реальность Сергей со всей силы воткнул осколок себе в руку, проткнув насквозь, ни крови, ни боли. Окружающая действительность не встала на место, покачнувшись ещё больше. Мельком посмотрел на своё отражение в зеркале, что-то задержало взгляд, приглядевшись, он обнаружил, что место на груди из которого был вынут осколок, затянулось, оставив маленький, едва заметный шрам. Не веря тому, что показало зеркало, а оно обманывает его уже не в первый раз, он выдернул железку из руки, на его глазах ткани начали сходитья и зарастать, оставляя ещё один рубец. Где-то в подсознании мужчина нашел ответ, но не мог его сформулировать, поэтому в ускоренном порядке начал перебирать в памяти все прочитанные книги. Как только дошел до нужной пришлось вспоминать в какой из кладовок и на какой полке она лежит, минут за пять он нашел нужную коробку и книгу, разбросав по пути всё остальное. Вот она, «Вуду, Некромантия, Шаманизм», увесистый том, собравший в себя множество легенд, сказаний и былин. Почти во всех разделах были упоминания об оживших мертвецах, и собственно их оживлению, а также упоминалось, что воскресшие не обладали особым интеллектом, и уж тем более осознанием себя как личности, этот вариант отпадал. Сергей помнил и мог заметить всё, что когда-либо изучил, и даже больше, всё то что уже успел забыть. Так же он прекрасно осознавал кто он, где находится, и что скоро его будут искать на работе.

Наскоро собравшись, мужчина кинул книгу в сумку и пошёл на работу, где его ждал крайне неприятный разговор с директором НИИ. А после ещё один с сотрудниками органов, в обмен на некоторые его труды НКВД готов был закрыть глаза на произошедшее, с условием, что он переедет из Ленинграда и чем дальше, тем лучше, естественно о работе в институте пришлось бы забыть. Вариантов выбора было не так много, точнее их вообще не было, и Сергей согласился. Большинство информации он всё равно держал в голове, а на бумаге были только схемы и чертежи энергетических установок, видимо они то больше всего и приглянулись властям, после того как они осмотрели лабораторию. Сдав дела и должность исполняющему обязанности главного инженера технолога, Сергей сел на автобус до дома, где и закончил выяснение того, кем он теперь стал. Некромант, оживляющий мертвых, говорящий с духами, в разных местах этих существ называли по-разному, именно существ, потому что людьми они уже не были. Через полгода Сергей уже был недалеко от города Брест, со своим багажом из книг, в новом месте, с новыми людьми и совершенно другим мировоззрением.

Это утро выходного дня, в колхозе мало чем отличалось от других на протяжении уже полугода, за одним маленьким исключением, теперь Сергей был дома не один. По своему обыкновению механик сел на кровать и сунул ноги в тапочки, поднял глаза и обомлел, что-то крайне маленького роста рылось в его мусорном ведре на кухне.

– Эй! А ну брысь! – крикнул Сергей, снял тапок с ноги и замахнулся.

– Да что ж такое-то! Почему опять животное? Не кот я, и не собака!

– Ты кто? И что ты в моём доме делаешь? – тапок выпал из руки мужчины.

– Вообще то я тут живу, и причём очень давно. Я домовый, звать Василием, – он отошел от мусорки, по пути вытирая руки об маленькие мешковатые штаны, протянул руку.

– Сергей, будем знакомы, – механик протянул свою руку в ответ.

Едва их ладони соприкоснулись, домовый нечеловечески взвизгнул, и в мгновение ока оказался на шкафу, стоящем рядом с дверным проёмом, вцепившись в край руками, он полными ужаса глазами разглядывал нового жильца, трясаясь от страха так, что железные вешалки в шкафу начали позвякивать.

– Эй, сосед ты чего? – недоумевая, спросил Сергей, ответа не последовало, мужчина встал и подошёл ближе к шкафу, домовый забился в самый дальний угол, – чего случилось?

– Я уйду, только не трогай меня, – дрожащим голосом произнёс Василий.

– Я не собирался тебя выгонять, да что случилось то?

– Ты говорящий с мёртвыми.

– Да, не так давно им стал. И что с того?

– Такие как вы, паразитами домовых считаете, и изничто-

жаете при любом удобном случае, а иногда и ради забавы.

– Не трону я тебя, слезай.

С опаской глядя на нового хозяина дома, Василий медленно слез со шкафа, и быстро шмыгнул в угол, по ближе к двери.

– Точно не тронешь? – всё ещё со страхом в глазах уточнил маленький человек.

– Слово даю, не знаю, что там у вас за распри с некромантами, я лично к тебе претензий не имею.

– Поверю пока, – немного расслабился Василий, даже присел и облокотился на стену.

– Давно здесь?

– Как дом построили через год где-то пришёл, то есть почти всё время что дом стоит я здесь.

– Так ему по документам около восьмидесяти лет.

– Значит столько и живу, календарями не владею, счётной грамоты не знаю, да и с письмом дела не лучше обстоят, так что никогда не брался считать, сколько я здесь.

– Ты живёшь здесь дольше, чем я на свете.

– Трёх хозяев схоронил уже, до тебя, который был, он третий как раз.

– Дети его мне дом продали, а почему я раньше тебя не видел?

– Так я спал, в периоды, когда дома нет никого, мы обычно в спячку впадаем, как только новый владелец дома порог переступает, начинаем отходить потихоньку.

– А если не будет нового владельца?

– Если помирает хозяин и смены ему всё нет, или просто пустует дом, поддерживаем его на сколько сил хватает, а с первой прогнившей дырой в крыше либо стене, каждый домовый сам вправе решать сгнуть вместе с домом, или уходить на поиски нового. Рушится дом, иль загорелся вдруг и тушить некому и домовый вместе с ним пропадает, или уходит. Только вот большинство предпочитает с домом сгнуть, корни пускают в них, лет за тридцать, а то раньше, и не хотят идти никуда, потому как не найдут уже ничего, многоэтажки везде одни, неуютно в квартирах. Залезут в свои бетонные или кирпичные коробки, как в муравейники и сидят там, не то что в доме, вышел за порог, вот тебе свежий воздух, вот вишенка растёт яблонька, а вот травка, прилёт, и смотришь на рассвет или закат, или в полдень на солнце лежишь, нежишься.

– Сейчас новые дома в обиход входят с гаражами.

– Жуть какая, где это видано, чтобы конюшня в доме была, – возмутился домовый.

– Конюшня тут причём?

– Для меня не велика разница, что коня в стойло ставить, что машину в гараж.

– Ну, может быть. И что совсем никто в квартиры не перебирается?

– Почему же, есть на нашей поляне с десятков таких, уж больно хозяева хорошие оказались, другие к животным при-

вязались.

– И как они добираются до нового места, не своим же ходом?

– А кто как, один в пианино залез, другой в тумбочку, третий в переноске для кота, но чаще всего в полупустой коробке, когда люди весь свой скарб погрузят, всегда остаётся одна коробка, неполная, со всякой мелочью, вот там и хоронятся. Правда один, Степаном звать, когда места не нашлось, выкинул что-то из ящика и залез, а потом хозяева это не нашли и очень расстроились, видать важное было. Он потом ошибку свою осознал и в качестве искупления всех тараканов в доме перебил.

– Так, а как ты уходить собирался, если ты к дому привязан?

– Выгнать можно домового. Мы из-за этого при людях обычно тихо себя ведём, на глаза стараемся не попадаться.

– Судя по всему, вы в этом поднаторели, раз только в сказках упоминают вашего брата. Но как-то не очень хорошо у тебя это получилось сегодня.

– Со сна есть уж очень хотелось. Да и откуда я знал, что ты так рано просыпаешься. Чего тут уметь, дети часто замечают, от них не спрячешься, но их никто не слушает, либо родители ссылаются на выдуманных друзей, а те, кто постарше вообще ничего не видят вокруг, или предпочитают врать себе, что ничего не видели, другие правда сразу к помощи врачей обращаются. Но в целом да, перемещаемся мы край-

не тихо и довольно быстро, как ты уже заметил.

– Ну пойдём, накормлю чем-нибудь, не из мусорки. Омлет подойдёт?

– Если голубятины нет, то подойдёт.

– Откуда она у меня?

– Ну да, действительно, чего это я.

– Деликатес что ли такой?

– Вроде того.

Это было утро двадцать первого июня тысяча девятьсот сорок первого года.

Сергей никогда и ни с кем не заводил особых знакомств, или дружбы, исключительно рабочие отношения, даже с родителями не особо поддерживал связь, они были далеко, на Урале. И с тех пор как он отправился учиться в институт в Ленинграде, их общение сошло на нет, раз в два года он отправлял письмо домой, вкратце описывая то, что происходило за последние несколько лет, по сути, просто давая понять родне, что ещё жив. Его полусмерть дала новый виток в отсутствии коммуникаций с людьми, он прекрасно осознавал, что длительное общение и отношения с людьми теперь ему не по карману. Почти постоянно придется путешествовать, надолго не задерживаясь в одном месте, так же он сделал вывод, что счастливая семейная жизнь так же ему не светит, хотя к ней он никогда и не стремился. Теперь Сергей не заводил даже домашних животных, будучи поглощённым наукой он часто забывал кормить сначала рыбок, пока аквариум

не зарос и не высох, превратившись в маленькую братскую могилку для его обитателей. Следом на тот свет отправился попугай. Последним живым существом в его квартире был кот, подобранный во дворе, туда же и отправленный через несколько недель, точнее, когда животное стало выглядеть хуже, чем проживая на улице. Сергей никогда не страдал от одиночества, даже в колхозе, днём работал, вечерами и на выходных разбирался со своей приобретённой силой, и весьма неплохо поднаторел в ней за это время. Даже смог оживить сбитую автобусом псину, в качестве эксперимента, но она начала вести себя крайне неадекватно, и пришлось пристрелить, а потом расчленить и сжечь, потому как после выстрела, дворняга осталась стоять на ногах, хоть и с половиной черепа.

Теперь в его жизни появился Василий, сосед, или, теперь скорее друг который будет жить столько, сколько, по сути, захочет сам, поначалу это несколько озадачило мужчину, но буквально к вечеру, напряжение улетучилось, они сидели вдвоём на кухне и горланили песни под местное вино. Василий оказался вполне компанейским, несмотря на отшельнический образ жизни, и поведал много интересного о жизни домовых. Одним из самых занятных моментов был сон домового, так как он иногда был весьма длительным, домовые научились ментально связываться друг с другом. У них было что-то вроде места общего сбора для спящих. Маленькая опушка в лесу, под Байкалом, что самое интересное, это

вполне реальное место, только собираются они там не реально. Как только домовый засыпал, не зависимо от настоящего местонахождения, ментально он оказывался там, в кругу своих сородичей, они пели песни, курили, рассказывали о своей жизни, делились историями, шутили про свои проделки вместе с домашними животными или над ними.

Если кому-нибудь надо было просыпаться, он прощался с каждым домовым отдельно, так как следующая встреча могла быть очень нескоро, или её совсем могло не случиться. Собственно, поэтому Василий и появился только через полгода после переезда Сергея, уж больно долгое вышло прощание в этот раз. Когда домовый уходил навсегда вместе со своим домом, он растворялся в воздухе, кто-то медленно, кто-то быстро, а неподалёку от того места где он сидел, вырастал гриб, прекращались все разговоры и в честь ушедшего исполнялась песня. Слишком часто в последнее время она пелась. Тем, кто забрёл на эту поляну в реальном мире, становилось не по себе, разговоры и песни иногда просачивались из ментального места в реальное, местные обходили её стороной, и уж тем более никто не решался собирать там грибы, хотя их было много, на любой вкус и цвет, а некоторые были уже размером с большой пень, они не страдали от смены времён года и паразитов.

К утру собеседники знали друг друга достаточно близко, Василий окончательно убедился, что его не ждёт расправа или изгнание в ближайшее время. А Сергей, наконец-то осо-

знал, что иногда полезно поговорить с кем ни будь, особенно если он, тоже не совсем из этого мира.

– Тсс, – прошипел домовой.

Некромант прервал свой рассказ о том, как почти умер, и повернулся в сторону окна.

– Ничего не слышишь? – продолжил Василий.

– Нет, – за окном уже забрезжил рассвет, и единственное что слышал мужчина, это первые крики петухов, – ну в смысле ничего необычного.

– Там, – указал на запад домовой.

Мужчина, было, напряг слух, но это больше было не нужно. Из места, откуда указывал собеседник начал доноситься жужжащий гул, и какой-то другой звук, очень знакомый, но вспомнить где слышал его раньше, не представлялось возможным. Пока звук не стал ближе. В лаборатории, он слышал его в лаборатории, в тот день погибло два человека, это были взрывы, и они приближались.

– Что-то грядёт, – вжавшись в стул, с подложенными книгами, – большое, злое и неудержимое. Я скрою дом, пересидим.

– Не пересидим, – в мгновение ока протрезвел Сергей, – пошёл вон из дома.

Домовой жалостливо и с непониманием посмотрел на некроманта, и пропал из-за стола в ту же секунду, оставив за собой лёгкую дымку и недопитый граненый стакан мест-

ного вина. Первый взрыв вынес в доме все стекла, засыпав осколками стол, за которым они сидели, мужчина допил свой стакан, второй снаряд разорвался ближе, вырвав кусок стены. Третий пробил крышу и оказался в нескольких метрах от некроманта, ещё мгновение и он рванул. Крыша рухнула, стены сложились, вокруг Сергея наступила крошечная тьма.

– Сейчас Серёга, погоди, – причитал Василий, раскидывая в стороны куски крыши и прочий мусор, – откопаю тебя и в подвале засядем, его не задело.

Единственное что мог сам Сергей, это думать, ни пошевелиться, ни вздохнуть, хотя последнее ему не особо то и требовалось. А думал он сейчас о многом, например, что из его книг сохранилось? Жив ли кто-нибудь в радиусе нескольких километров? Почему прекратили обстрел? И как давно он тут лежит?

– Давай посмотрим, что целого от тебя осталось, – произнёс домовой, когда, наконец – то откопал товарища.

В общем, то сильных повреждений на первый взгляд заметно не было, кусок деревяшки в правой ноге, судя по всему от стула, пара осколков от стекла в лице и от снаряда в теле.

– Я бы сказал, жизненно важные органы не задеты, но не знаю анатомию, и уж тем более есть ли у некромантов что – ни будь жизненно важное, – задумчиво произнёс Вася.

Мужчина хотел что-то ответить, но получилось несвязное

мычание, осознав проблему, пощупал подбородок и вынул нож, которым они недавно резали фрукты и сало, судя по всему пробивший нижнюю челюсть, язык, и вонзился в пазухи. Отбросил в сторону.

– Сердце уже было с увечьем, значит, пока будем считать, что мозг жизненно важный, – наконец смог ответить он, далее последовали вопросы, которые возникли, пока Сергей был под завалом.

– Не знаю, сильного пожара я не заметил, но пока тебя откапывал, ни одной целой книги не нашел. Живых не видел, никто ничего не тушит, не кричит и о помощи не просит. А обстрел уже часа четыре как прекратился, не знаю, сколько ты там без сознания пролежал, а ну-ка наклонись, – мужчина пригнулся, – нет, он тоже не жизненно важный, – произнёс коротышка, вынимая ещё один осколок из черепа, над правым ухом, – причем совсем, смотри какой здоровый.

– Да, действительно, сантиметров десять.

– Я поначалу не сообразил, за что ты так со мной, только вроде познакомились, подружились, и на тебе, пошёл вон.

– Сейчас то смекнул?

– Теперь да, я бы это точно не пережил, снаряд бы может и не прикончил, а вот хата, – задумчиво осмотрел остатки дома, Василий, – спасибо.

– Было бы за что, что ты там про подвал говорил?

– Цел он, не зацепило.

– Там у меня вино ещё было, и пара книг которые я про-

честь не успел.

– Грамоте потом меня учить будешь, – домово́й огляделся, как будто прикидывая что где стояло раньше, отошел на пару метров и покопавшись в развалинах вынул две помятые железные кружки, – пошли, что ли.

Подвал действительно оказался цел, более того бутылки с вином тоже уцелели каким-то чудом. Разлив по стаканам напиток, друзья пригубили.

– Что делать будем Серге́га? – после некоторого молчания начал разговор домово́й.

– Надо посмотреть выжил ли ещё кто-нибудь, и надо радио найти, узнать, что происходит, последнее, что я слышал, это как наши с Германией пакт о ненападении заключили, если не они, то кто тогда на нас напал?

– Я за новостями не следил, наши на поляне тоже ничего не рассказывали.

– А как у домовых с ранениями дела обстоят? – пробираясь через завалы дома спросил некромант.

– Да как-то не приходилось мне выяснять, о смотри, твоя трубка, – радостно взвизгнул домово́й, – табак где?

Сергей пошарил в карманах штанов.

– Держи, не знал, что ты куришь.

– Я сейчас шёл по руинам хаты, в которой прожил всю свою жизнь, и никогда другого места не знал, как ты думаешь, стоит мне закурить?

– Веский аргумент, согласен.

И домово́й задымил, сначала слегка закашлялся, запил вином, но курить не прекратил.

– Будешь? – Василий протянул трубку товарищу.

Некромант не отказался, так они и шли между разрушенных, местами догорающих домов, передавая друг другу трубку, иногда подливая вино, в поисках хоть кого-нибудь, кто смог выжить. Но не нашли ни души, колхоз был невелик человек сорок всего было, и почти все работавшие здесь были такими же ссыльными, как и Сергей, без детей, без жён. Все семьи остались у этих людей в той, прошлой жизни, которая была, как у некроманта, до взрыва. На одной из полок предпоследнего дома они нашли уцелевший радиоприемник, который оповестил их о происходящем. Началась война.

– Ну, что Василий, как тебя, кстати, по бабушке? – прервал радиоприёмник Сергей.

– Нет у нас отчества, как нет и отцов, мы появляемся вместе с домом и исчезаем вместе с ним, никто нас не рождает, и никто не хоронит, ни отчества, ни фамилии, ни документов.

– Про документы мог и не зарекаться. Ты теперь свободный домово́й, можешь идти куда хочешь.

– Чувствую подвох. К чему это ты?

– Нет подвоха, если хочешь идти, вперёд, я ни к чему принуждать тебя не собираюсь.

– Подвох есть, ты уже определился, что будешь делать дальше, а теперь меня пытаешься склонить к выбору. Только

вот с чем ты определился?

– Есть такое, Вась, война началась. А мы считай на передовой, я умереть видимо не могу, и куда применить этот талант, как и другой свой в виде общения с духами, я знаю, и знаю куда пойду, а ты знаешь?

– У меня тоже есть пара трюков, которые могут пригодиться.

– На запад? – спросил некромант, забивая трубку.

– На запад, – утвердил домовый и подлил вина в стаканы.

В последних двух книгах, которые не дочитал некромант, было самое интересное, общение с предками и контроль над разумом воскрешённых. Две толстенные книжки, с кучей методик, рецептов и заклинаний, которые он с трудом нашел и выменял на японский магнитофон, в какой-то глухой деревне на юге страны у местного спившегося шамана-любителя. Расположившись у обломков одного из домов, товарищи начали изучать контроль над разумом воскрешенных, Василий изредка тыкал пальцем в книгу и рассказывал про знакомые символы, и обряды, о которых слышал на опушке домовых.

– Надо тебя научить читать как-нибудь, – прервавшись на полуслове, произнёс некромант.

– На счёт читать не знаю, а вот считать, я бы не прочь научиться, хозяйственный домовый большая редкость.

– Вась, ты говорил, что домовый без дома редкость, а ты

ещё и считать научиться хочешь, чтоб вообще единственным в роду быть?

– Если войну переживу.

– Если войну переживёшь, научу тебя и считать, и читать, и писать.

– Ну, тогда дело за малым, – рассмеялся Василий.

– И не говори, так, смотри, есть относительно простое заклинание, только надо видеть тело, которое буду оживлять.

– Тогда оно не простое, нам тут завалы разгрести до завтра, чтобы хоть одного из твоих рабочих найти, дай посмотреть.

– Ты же читать не умеешь.

– А ты пальцем води, по строчкам, а с символами разберёмся.

– Давай попробуем.

– Так, стой, вот это символ видимости, – после нескольких строчек прочитанного, остановил читающего домовой, – он же осязаемости, если перевернуть.

– И, чем это поможет?

– А вот чем, – домовой поднял с земли палку, и нарисовал почти такой же символ на земле, но с доработками, – это символ невидимости, неосязаемости, мы его применяем, когда хотим что-то скрыть, или сделать неосязаемым. Если подставить его в твоё, как ты это называешь?

– Уравнение.

– Да, вот туда, получится, что можно этим завладеть, не

видя этого.

– Хорошо, но вы свой символ чертите на том, что хотите скрыть.

– Согласен, тут тела мы не видим изначально, и чертить его негде.

– Если только не добавить вот этот, как ты его назвал? Окружение?

– Точно, выйдет скрытое в окружении, или что-то вроде.

– Так, уже не плохо, но все свои символы я в воздухе черчу.

– Мой уже нарисован на земле, – домовый пририсовал к тому, что было ещё один набор элементов, – теперь давай свои.

Некромант обеими руками начертил в воздухе несколько символов.

– Серёга, что-то ничего не происходит.

– И то верно, может подождать надо, сейчас в книге посмотрю.

– Не спеши, – потянул домовый товарища за рукав.

Завалы дома медленно зашевелились, на поверхность вылез один из бывших трактористов, в подранной обломками одежде, с неестественно свисающей рукой и вмятым слева черепом. Следом вылез второй тракторист в более презентабельном виде, но с осколком чего-то в груди, оба мертвеца не спеша побрели в сторону некроманта, поднявшего их.

– Серёга, а ты одного хотел поднять или нескольких?

– Не знаю, в книге не написано, на скольких это заклинание распространяется, одного, наверное, посмотреть, как он себя поведёт, а ты к чему это спросил?

– А, вон, туда посмотри, – домовый пальцем показал в начало улицы.

В их сторону направлялись все оставшиеся тридцать шесть погибших работников колхоза. Одни шли, другие ползли, некоторые без рук или ног, двое на половину без голов, где-то поодаль, на одних руках подползала половина тела, волоча внутренности по земле.

– Не совсем тот результат, который я ожидал, – тихо произнёс некромант.

– Я тоже на это не рассчитывал.

– Ну эти вроде смиренно себя ведут, – Сергей посмотрел на приблизившихся трактористов, – значит всё пошло по плану, хоть и непонятно по чьему.

– От малоподвижных думаю надо избавиться, как ты говоришь псину сморил?

– Огнём.

– Мы им этим камины разжигаем, или свечи чаще всего, – домовый взял палку и начертил на земле ещё один символ, – огонь добывает, даже из сырых вещей, может попробуешь?

– А сам чего не попробуешь?

– Твои творения, да и магия твоя по сильнее моей будет.

– Убедил.

Некромант подошел к подползшей части тела, начертил в

воздухе символ, труп мгновенно загорелся и за пару минут превратился в горсть пепла и костей.

– Годится, – глядя на происходящее произнёс некромант, и сжёг каждого, кто не мог нормально ходить или остался без рук.

Осталось порядка двадцати живых мертвецов.

– Как думаешь, что они могут, только простейшие команды выполнять, или что по сложнее? – поинтересовался Василий, обходя одного из уцелевших трупов.

– Давай проверим, – он повернулся к бывшему слесарю-сантехнику, – ты, лезь на дерево.

Мертвяк сорвался с места с неестественной для человека скоростью, и взобрался на сосну, почти до самой кроны, не жалея остатков плоти, оставляя за собой кровавые подтеки на коре, вперемешку с кусками кожи и мяса. Отсутствие веток на двухметровой высоте, никоим образом не помешало трупу залезть за дерево пару десятков секунд.

– Прыгай, – крикнул некромант.

Мертвец прыгнул, рухнув на землю бездыханным мешком. Живой человек такого падения не пережил бы, однако труп встал, вправил ногу и руку, и направился к остальной группе.

– Не думаешь, что это кошунство какое-то? – поинтересовался домовый?

– Заставлять трупы с деревьев прыгать?

– Да, нет, вообще, они же с тобой в одной столовой ели,

жизни у них свои были, какие-никакие. А теперь, что.

– Да ничего, от тех людей в них мало что осталось, только внешность, местами, ни больше, ни меньше. Жизни, были, и семьи у четверых из них тоже, сейчас они бесславно мертвы, погибли во время бомбёжки, а мы их на передовую заберём, там они героями погибнут. Ну, да бесчеловечно, наверное, немного, но по мне уж лучше я с собой двадцать трупов приведу, чем вместо них ещё двадцать живых пулю поймают.

– Хорошо ты свою совесть успокоил. Ну, будь по-твоему, и мне кажется, можешь с ними не разговаривать, ты же разум их подчинил, значит, они им и слушаться должны.

– Может быть, как проверить?

– На этот раз давай без деревьев.

– Хорошо, – некромант задумался.

Через несколько секунд мертвецы разбежались по местам, некогда бывшими их домами.

– Что ты им приказал?

– Искать оружие, некоторые из них охотники, в сторожке было пару ружей, на случай нападения диких зверей.

– Помимо оружия, думаю, их бы ещё переодеть во что-нибудь не помешало. По дороге на передовую ещё пара населённых пунктов будет, если там кто жив, остался, сомневаюсь, что они будут в восторге от твоего уже павшего войска.

– Так и поступим, – Сергей опять ненадолго ушел в себя.

Вдали послышался звук заводящейся машины, вскоре к друзьям подъехал старенький ЗИЛ, в корпусе было несколь-

ко пробоин от осколков, но в целом транспорт был цел, даже лавки для пассажиров в кузове сохранились. За рулём сидел мертвец, некогда управлявший этим самым ЗиЛом, в целой робе, без кровоподтёков, за лобовым стеклом виднелся об-рез. В течении следующих десяти минут собрался остальной отряд молчаливых ссыльных, переодетых в более-менее це-лую одежду и вооружённые, кто что нашел, ружья, топоры, один даже где-то нашёл шашку.

– Что с этими делать будем? Одна голова хорошо, а одна голова на двоих, это как? – ткнул пальцем домовой в двоих с половинами черепов.

Некромант не ответил, вместо этого, водитель достал ап-течку из кабины и бросил мёртвым товарищам, двое других достали бинты, приложили по комку ткани к остаткам го-лов, и перебинтовали так, чтобы вся конструкция держалась, и напоминала лёгкое ранение лица, а не смертельное отсут-ствие половины мозга.

– Очень даже ничего, – глядя на результат, произнёс Ва-силий. – совсем как живые, не считая того, что они все блед-ные как смерть, хотя и ты такой же.

– Если кто спросит, скажем, с Урала переехали незадолго до начала, по местам, – крикнул Сергей, подсаживая друга в кабину.

Но никто не спросил. По дороге на передовую было два населённых пункта, как и говорил домовой, выживших не

было, зато в личной гвардии некроманта боевых единиц прибавилось, причём на столько, что пришлось чинить ещё одну машину, найденную в плачевном состоянии во втором посёлке. Благо рабочих рук хватало, как и опыта в ремонте техники, общими усилиями живых и мёртвых справились за несколько часов. Колонна пошла дальше, к границе, где отряд спешился и продолжил путь лесами, двое мертвецов были отправлены на несколько километров вперёд, в качестве разведки. Меньше чем за полдня была обнаружена первая группа фашистских захватчиков. Бой был неравным и как следствие недолгим. Полчаса хватило на то, чтобы группа была полностью перебита, никто из беглецов не смог уйти дальше километра, мертвецы настигли всех. Дальше скрывать всё безобразие, уже полка, мёртвых смысла не было, поэтому, в строй становились все, кто хоть чем-то мог держать оружие и стрелять, благо вооружения прибавилось, как и боезапаса. Попутно Сергей вспоминал из курса истории построения и боевые порядки, которыегодились в ближайшие несколько дней, за которые мёртвое войско во главе с некромантом и домовым разбило ещё несколько больших группировок противника. Пока не встретило кое-что на много страшнее пуль, штыков и снарядов, которые мёртвым были нипочём.

Василий делал, то, что умел лучше всего, был незаметным для людей, неоценимый навык для разведчика, чем он и промышлял, до сегодняшнего утра. Полк мертвецов рас-

положился в густом лесу, подальше от глаз врага, ремонтировали оружие, попутно избавлялись от того что было уже не починить, а также от лишних деталей одежды, частей тел, которые мешали передвигаться. Сергей дожигал тех, что были уже не способны продолжать бой, останки сносили в братскую могилу и хоронили, с жетонами, погонами и документами, если таковые были. Через пару часов вернулся Василий с тремя мертвецами-охранниками, такой же бледный, как и его спутники.

– Серёга, боюсь, дальше нам пути нет.

– Ты что там такое увидел?

– Великанов, Серёга. Кто-то из наших старых рассказывал о них, но никто их не видел живых, уже очень давно, а там их три.

– И, что, шансов нет совсем?

– Сам-то как думаешь? Они ростом не меньше двадцати метров, твоих мертвяков просто в землю втопчут, и даже не заметят.

– Беда.

– Беда была, когда хату нашу разворотило снарядом, а это не беда, это катастрофа, – запаниковал домовой.

– Вась, если мы их остановить не сможем, там, дальше, – некромант указал за спину, – точно никто не справится.

– Предлагаешь попробовать?

– Нет у нас других вариантов, просто нет, из тебя вояка всё равно никакой, я с тобой двоих оставлю, если что не так

пойдёт, спалишь их, да и домой лесами.

– Хитрый ты план придумал, а сам как бежать собираешься?

– Посмотрим, там есть местечко какое-нибудь укромное, откуда понаблюдать можно?

– Да, холмик с парой деревьев.

– Вот там и засяду, чтобы ситуацию контролировать. За час до рассвета выступаем.

– Удачи тебе.

– Спасибо, не поминай лихом, если что.

Некромант нашел холм, о котором говорил домовый, и расположился на нём, обзор и правда был хороший, при том, что самого полководца видно не было. Он достал бинокль, снятый с одно из убитых офицеров и начал рассматривать позицию врага, укрепления были добротными, траншеи, брустверы, несколько пулемётных точек и пара позиций для снайперов. Не то, чтобы Сергей не доверял спутнику, но уж больно чудно всё это выглядело, двадцатиметровых гигантов было бы видно сразу и без бинокля. Но в лагере таких не было, да и прятаться негде.

– Да и чёрт с ними, – произнёс он сам себе.

Сел по удобнее, напряг память, чтобы вспомнить пару заклинаний, произнёс нужные слова на древних наречиях, нарисовал в воздухе три символа. Над лагерем неприятеля начали собираться тучи, со стороны леса пополз густой туман,

в котором почти бесшумно передвигалось мёртвое войско. Остальные звуки перемещения проглатывал туман, трупы наступали медленно, но с каждым метром победа была всё ближе, во всяком случае, так казалось некроманту.

С одного из наблюдательных пунктов зазвучала тревожная сирена, когда до лагеря оставалось метров сто пятьдесят, Сергей схватил бинокль, и начал обшаривать взглядом всю позицию, дальнейшее прикрытие смысла не имело, поэтому концентрация на тумане была больше не нужна, теперь только вперёд. Мёртвые ринулись в атаку. Некромант взглядом наткнулся на палатку, из которой неспешно вышли трое и закурили, в то время как остальные носились, занимали укрытия и начинали тщетно отстреливаться. Троица докурила, и как только они побросали бычки на землю, начались невообразимые метаморфозы, каждый из них начал стремительно набирать в весе и росте, пока не стали выше деревьев, окружавших лагерь. Ключья подранной одежды слетели с них в первые секунды превращения, и они предстали перед миром в первозданной наготе, однако там, где должны были быть половые органы, не было ничего. Гладкая кожа, вот только кожа ли это была, четверо мертвецов с пулемётами выпустили по великанам несколько очередей, но те, даже бровью не повели, крови так же заметно не было, но у одного был выколот глаз, значит, всё же уязвимы. Гиганты вдернули себе по дереву вместе с корнями, одним движением руки сломав мешающие ветки, и пошли в наступление. Это был

тот момент, когда дубина сильнее огнестрельного оружия, как бы смешно это не прозвучало. Несколькими взмахами эта троица покалечила и изничтожила больше трупов, чем все предыдущие рукопашные схватки вместе взятые. Однако мертвые не отступали, не было приказа. Количество живых в лагере стремительно сокращалось, но три гиганта не давали пройти к штабу, где плотно заняли оборону ещё несколько десятков человек. Надо было что-то делать, и срочно. Некромант сосредоточился на тучах, сгустив их до состояния грозовых, полил дождь, следом ударили три молнии. Две попали точно в цель, в макушки великанов, третья угодила в занесённую над головой гиганта дубину, и зажгла её. Один упал и был за пару минут превращен в кровавую кашу плотной штыковой атакой, а затем разодран на куски. Второй припав на одно колено, получил несколько очередей в оставшийся глаз, в результате чего был ослеплён окончательно, затем повален на землю и лишён головы. Третий поджигал мертвецов горящим деревом, до тех пор, пока ему в ногу не въехал грузовик с провизией, управляемый один из мертвецов. Падение гиганта, было последним, что запомнил Сергей из боя, в районе штаба блеснула оптика снайпера, прозвучал выстрел. Бинокль упал на землю, следом упал некромант с простреленной головой.

Очнулся мужчина уже прикованным к стене, в каком-то темном подвале, с весьма странной железной перчаткой на левой руке. Напротив, за столом сидели несколько фашист-

ских офицеров.

– Мы ещё до границы не дошли, а уже потеряли всех великанов, как? – кричал один из них, тот, что сидел по центру стола.

– Господин бригаде фюрер, вот с ним, – другой указал на некроманта, – пришла целая армия мёртвых.

– Что вы мне сказки рассказываете майор? Какие мёртвые? – брызгал слюной генерал.

– Точно такие же, как и великаны, которых вы нам прислали, никто в них не верил, пока не увидел своими глазами, в них стреляли, их взрывали, они продолжали наступать, без рук, ног, даже лишённые голов они стреляли и шли в атаку, – вступил в разговор третий.

– Хорошо, допустим, а какая на них была форма оберст? – обратился к нему генерал.

– Различная, рабочая роба, советская, наша. Такое ощущение, что их просто по пути собирали, а наших сначала убивали, когда я их осматривал после боя, на каждом было не меньше пяти смертельных ранений, и некоторые были недельной давности.

– Теперь вы мне хотите сказать, что это были ещё, и перебежчики?

– Я уже всё сказал господин бригаде фюрер, на подступах к границе должны были быть три наши группировки, с ними пропала связь в течении нескольких дней, по очереди, с каждой. А потом офицеры с нашивками этих групп оказались

в ста метрах от нашей позиции, без огневой поддержки, без артобстрела, они просто наступали за завесой тумана.

– Можно сказать, самое грозное наше оружие, было уничтожено при помощи тактического тумана? Оберст вы шутите, надеюсь?

– Господин бригаде фюрер, вас там не было, одного великана просто растерзали у меня на глазах, наступавшие в один прыжок преодолевали бруствер, наблюдательные вышки просто смели, они руками рвали колючую проволоку, и отрывали конечности нашим солдатам вместе с оружием, люди на такое не способны.

– Генерал, – заговорил по-немецки Сергей, – на вашем месте я бы прислушался к своим подчинённым, они не врут.

– О, наш гость очнулся, – бригаде фюрер направил свой взгляд на некроманта, – господа, оставьте нас ненадолго.

Два других офицера встали из-за стола, и вышли из помещения.

– Где я нахожусь? – пытаюсь пошевелиться, произнёс Борда, – и что за устройство у меня на руке?

– Где, вы, совершенно не важно, всё равно отсюда у вас выйти, шансов нет, а вот второй вопрос наиболее актуален. Это мой подарок вам, нравится? Надеюсь, что нет, я изобрёл это с целью усмирения великанов, но и для человека, ваших талантов думаю сгодиться.

– Интересное устройство, пальцы не шевелятся, и кажется внутри множество шипов, которые в данный момент проко-

лоли мне руку. Только я не вижу ни винтов, ни креплений, ни защёлки. Как вы это на меня одели?

– Не думайте, что вы один, кто может творить, что-то за гранью разумного. Вы, если верить моим подчинённым, говорящий с мёртвыми, а я немного занимаюсь магией и её внедрением в технологии, перчатка, пожалуй, лучшее моё творение, на великанах её не проверяли, но, думаю, сработала бы безотказно.

– Я тоже немного занимался технологиями в своё время, и судя по всему она собирает энергию пока непонятных мне источников, и блокирует мою.

– Всё верно, источники вам знать необязательно, но принцип действия в целом такой.

– Достаточно было бы просто зафиксировать мне руки, почти все мои навыки заключены в символах, которые я применяю.

– О, не смейте мне врать. За вами наблюдали с помощью моего устройства, модифицированная оптика на винтовку. Тот снайпер мне всё в точности описал, что вы делали, как, когда и что при этом происходило, для управления погодой символы вам не особо были нужны.

– И что бы я сейчас сделал, по-вашему?

– Не знаю, вызвали бы ливень, затопили лагерь и меня вместе с собой, в этом подвале, вам-то смерть не особо страшна, как я посмотрю, после выстрела в голову люди больше не встают. Но вы, не только очнулись, ещё и в состо-

янии вести разговор.

– Снимите с меня перчатку, и я покажу, на что ещё способен после выстрела в голову.

– О нет, подобной глупости я совершать не буду. Давайте лучше проверим, что для вас будет смертельным?

– Укорочу ваш список, травмы мозга, и ранение сердца можете не пробовать.

– К данным моментам я подхожу более деликатно, начнём, пожалуй, с газовой камеры и моего нового состава отравляющих веществ.

– Уже не терпится.

– Тогда начнём.

Газовая камера была только началом, некромант просто не дышал несколько часов, глаза поначалу щипало, но потом, и они привыкли. Далее следовало отделение частей тела, но порезы и пропилены затягивались вслед за инструментом. Потом нечеловеческая доза наркотиков и алкоголя, пущенная прямиком по венам, Сергей на пару часов потерял сознание. Его варили, поджигали, травили собаками, вешали, пытались даже четвертовать машинами, верёвки и цепи сдавались раньше тканей некроманта. Так прошла неделя или больше, в те моменты, когда его не пытались убить очередным безумным способом, держали в подвале без окон. Так что пленник совершенно потерял счёт времени и дней, однако смог определить, что не в полном одиночестве находится в этом подвале, в соседнюю камеру приносили еду.

В один из дней, когда о некроманте вроде бы забыли, из-за стены прозвучал голос на родном языке.

– Эй, бедолага, как ты там?

– Всё ещё жив, не смотря на их старания. Давно тут сидишь?

– С месяца два, наверное, может три, тебя хоть на свет божий выпускают, а я отсюда ни разу не выходил.

– А что это за место вообще?

– Концентрационный лагерь вроде.

– Значит, в подвале самых опасных держат, так выходит?

– Есть такое дело, – улыбка почувствовалась в голосе соседа.

– Чем ты им насолил?

– Они сожгли деревню, в которой я жил, и перебили там всех, а меня не смогли, половина их отряда полегла в лесу неподалёку, а потом пришли два великана, вот с ними я справиться не смог, хотя одного покалечил.

– Так это ты ему глаз выбил?

– Ага, топор у меня отобрать пытался, им же и получил.

– Это, что ж там за топор такой был? Секира что ли?

– Почти, я рукоять укоротил, а то хват одной рукой неудобный.

– Размера ты, похоже, немало.

– Немного выше среднего, так что стало с великанами?

– Мои мертвецы всё-таки с ними справились, судя по тому, что я слышал из разговора офицеров.

– Ты говорящий с духами?

– Да.

– Интересную они мне компанию нашли, себе на беду, – опять улыбнулся сосед, – а твои мертвяки все перебиты?

– Думаю да, меня вырубил, когда последний великан упал, что там дальше произошло без понятия.

– Ну, хоть парочка живых есть?

– А, знаешь, парочка, как раз есть, я их оставил своего друга охранять. Он уже, наверное, к нашим вернулся, так что они ему не нужны.

– Ты ещё и друга завести смог?

– А что в этом такого?

– Тебе подобные кажется, бессмертны, в этом есть определённая проблема с друзьями, они мрут как мухи лет пятьдесят шестьдесят, не больше, я знаю, о чём говорю.

– Так он уже старше меня, ему восемьдесят.

– Ты старика за собой на войну потащил?

– Почему старика? Ещё вполне молодой домовый.

– Домовой? С некромантом? – сосед расхохотался так громко, что, казалось, стены затряслись, секунд через сорок он перевёл дыхание, – друзья, вот насмешил.

– Что тебя так развеселило?

– Некроманты домовых истребляли испокон веков, не геноцид конечно, но близко к тому, потому что домовые им постоянно докучали, своим хранением очага от нежити. Из-за чего собственно все домовые бояться вашего брата как ог-

ня, как вы подружиться то смогли?

– Да как, нормально, я ему жизнь спас, он меня из-под завалов вытащил. И как-то скучно одному, не считаешь?

– Не, я привык. Странная у вас, однако, дружба выходит, раз ты здесь в цепях, в подвале, а он на родину улепётывает.

– Так он тут бы долго не протянул, да и вояка из домового, по-моему, ни к чёрту.

– И что с того? Это повод друга бросать? Я так не думаю, а про вояк, ты зря так думаешь, диверсанты из них будь здоров, рассказывали мне про одного, он ещё в первую мировую такие саботажки устраивал, что мы с тобой далеко позади него по количеству трупов, устеливших путь, который нас сюда и привёл.

– Всё возможно, у него опыта в таких делах нет, он только разведкой промышлял последнее время. Ты к чему про мертвецов спрашивал?

– Зови их, уходить пора, засиделись мы тут.

– Да они в сотне километрах от нас, наверное.

– Насколько я знаю, воскресшие довольно быстро бегают, и в отдыхе не нуждаются.

– Тут не поспоришь, только на мне какая-то перчатка, сотворить ничего не могу.

– Она лишает возможности что-то сделать, но думать то ты можешь, разум у тебя свободен, если поднапряжёшься, то и с предками поболтать сможешь. Только они сейчас не помощники, а вот те два мертвяка, очень даже.

– На счёт предков не уверен. Посмотрим, что можно сделать, – с этими словами некромант ушел в транс.

Вернулся он меньше чем через час.

– Сосед, – окликнул Сергей мужчину.

– А, вернулся уже?

– Да, как тебя зовут то? Я Сергей.

– Яз, не сказать, что рад знакомству, точнее был бы рад, но не этих обстоятельствах, – опять улыбнулся сосед.

– Интересное имя, откуда будешь?

– Если честно, уже не помню, да и неважно, мертвяков нашёл?

– Ага, оказывается, они не так далеко, как я думал.

– Километров пятьдесят?

– Ближе, они в твоей сожженной деревне притаились.

– Так это километров десять отсюда.

– План у нас есть, какой-нибудь?

– А план будет такой.

Пока один покойник атаковал наблюдательную вышку, вызывая огонь на себя, второй обошёл с тыла и почти беспрепятственно проник в концлагерь, по пути заколов двоих солдат штыком, дабы не создавать лишнего шума. Через несколько минут замертво упал часовой на входе в подвал и покатился по ступенькам, звеня амуницией, мимо камеры некроманта в другой конец коридора прошмыгнула маленькая тень. Часовой на противоположной стороне не успел издать ни звука.

– Эй, кто там? – крикнул Сергей в темноту.

– Свои, Серёга, свои, – раздался знакомый скрипучий голос домового.

– Господа, я приятно удивлён, – произнёс Яз.

– Серёга ты тут, не один что ли?

– Нет, давай выпускай обоих, сосед, ты чем там прикован?

– Ничем, – отозвался мужчина.

– Хорошо, тогда с тебя и начнём, – подбежал домовый к соседней камере.

Быстро подобрав ключ от камеры, Вася открыл дверь, изнутри утыканную железными шипами. Посреди камеры, три на три метра, подогнув ноги под себя, сидел невероятного роста человек, могучий как богатыри из сказок и заросший как отшельник, с чёрной густой бородой до середины груди и волосами примерно такой же длинны. Встать в полный рост он не мог, не позволяла высота комнаты, и те же самые шипы, торчавшие из потолка стен и местами из пола. В такой комнате заключённого можно не приковывать.

– Выползай, – произнёс домовый и по шире открыл дверь.

– Спасибо, коротышка, – произнёс гигант и на четвереньках покинул уже изрядно провонявшую и опостылевшую камеру.

Выйдя в коридор, разогнулся, захрустел суставами, ударился макушкой об потолок и в три прыжка покинул подвал.

– Интересный сосед у тебя, – провожая взглядом мужчину, произнёс домовый, – и припустил так быстро, как будто

мне тут помощь не нужна.

– Мне кажется, он в долгу не останется, открывай, давай.

– А от цепей тут ключа нет, – открыв камеру, произнёс освободитель.

– Попробуй теми, что есть, может, подойдут?

Домовой поочерёдно начал ковыряться ключами в замках, но ни один не подошёл.

– Мелкий, посторонись, – раздался знакомый голос из дверного проёма.

Едва Василий сделал пару шагов в сторону, в стену вонзилась огромная секира, перерубив разом половину цепей, гигант вошел в камеру, вынул топор, и разрубил оставшиеся цепи. Осталась перчатка, он ударил ещё раз, но высек только искры, оставив несколько зазубрин на идеальном лезвие. И ещё удар, и ещё искры, на рукавице не осталось ни следа.

– Кандалы то я сниму, – указал громила секирой на стальные изделия на руке и ногах некроманта, – а что с ней делать будем? Вместе со стеной вынимать?

– И далеко ли я уйду с куском стены? Да и не факт, что вынем, похоже он не только перчатку магией доработал, и снять её судя по всему сможет только он.

– Есть у меня одна идея. *Extremis malis, extrema remedia.*

– Знаешь латынь?

– Я много чего знаю, малыш глаза прикрой, – произнёс гигант, обращаясь уже к домовому, – рано тебе ещё на такое смотреть.

– Я вообще-то старше его, – возмутился домовой, но всё же зажмурился.

– Только быстро.

– Это как получится, – Яз прицелился, и одним движением секиры отделил перчатку с ладонью от руки некроманта, – что-нибудь придумаем взамен старой, – усмехнулся он, глядя на проделанную работу.

– Может быть, отрастёт, – осматривая культю, произнёс Сергей.

– Сомневаюсь, – ответил громила, – срastить оторванное ты можешь, а вот отрастить новую вряд ли, так что пока она здесь в перчатке, ходи так, хотя.

– Что хотя? – открыл глаза домовой.

– Есть у меня один знакомый ювелир, может что-нибудь придумает. Пошли, а то скоро подкрепление придёт.

Поднявшись из подвала, компания обнаружила весьма интересную картину, двое восставших лежали в укрытиях, держа на прицеле оба входа, а вся охрана лагеря была уже мертва. Причем половина из них была не растерзана, не пристрелена, что походило бы на работу оживших трупов, нет, они были разделены на половины, кто-то вдоль, кто-то поперёк, не разрублены, а именно разделены, как лист бумаги острой бритвой.

– Хороший у тебя топор, – только и смог произнести домовой.

– Мне тоже нравится, уходим.

– Момент господа, когда меня пытали, я краем глаза штабное помещение видел, заглянем?

– Почему нет, мертвяки отвлекут, если что, – согласился Вася.

– Ну, пошли, – не стал сопротивляться Яз.

– Вась, а ты как вообще здесь оказался?

– Да как, когда тебя подстрелили и забрали, трупы твои в ступор впали на пару дней, пришлось их брать на поводок, чтоб не разбрелись. Привязал я их и побрел вдоль дороги, по которой тебя отвозили, когда мертвяки отошли перемещение быстрее пошло, через неделю где-то мы деревню, выгоревшую нашли, там и засели, идти то они могут, если направление показывать, а вот нападать без твоих команд, нет. Потом сидел, ждал, думал.

– Понял? – слегка толкнул в плечо Яза некромант, – а ты говоришь, домовой, да с некромантом.

– Я уже сказал, что удивлён, но ты-то на него не рассчитывал! – парировал претензию здоровяк.

– А ты, думал, что я с этими двоими тебя брошу и домой свалю? Каков подлец! – возмутился Василий.

– Был грех. Ты какой-то смурной стал, не разговорчивый.

– Я почти месяц в компании двух трупов провёл, собеседники они так себе, зато слушать умеют и не перебивают, с ними я многое осознал и переосмыслил, так что, наверное, лет на десять вперёд выговорился, и теперь считаю, что без нужды воздух сотрясать дело неблагоприятное.

– Малец дело говорит, пришли, штаб, – сказал громила и вынес дверь ногой, – не знаю, что вы тут найти хотите.

– Думаю всё самое ценное в том сейфе, – указал култей направление Борода, – Сосед, будь любезен.

Мысль была ясна, секира срезала кусок железного ящика как картон. Однако внутри не было ничего полезного, кроме пары листков с заклинаниями, одним из которых было сокрытие вида, видимо оно и было наложено на великанов.

– Вась, не хочешь стать похожим на человека? – уточнил некромант.

– А что есть варианты?

– Есть.

– Тогда фамилию придумайте, домовым она не нужна, а вот человеку пригодится, и лишних вопросов задавать не будут, – вставил своё Яз, – отчество не нужно, если из сиротского дома.

– Да он и так теперь как сирота, без дома, – Сергей прочёл написанное заклинание, начертил символ на макушке Васи.

– Вот, так теперь и зовите, Василий Сирота, – произнёс черноволосый мужичок лет тридцати.

– Сергей, так, а что же с браслетом? – поинтересовался Борис.

– Ничего особенного, через месяц примерно, мы с Язом нашли его знакомого ювелира, и он за пару дней сделал мне этот браслет и заколдовал его. Правда самого магических дел

мастера нам увидеть так и не довелось. Мы с Василием вернулись на фронт, а здоровяк пошел своей дорогой, с тех пор я его не видел и ничего о нём не слышал.

– Очень интересная вещь, есть, какие-то проблемы при его использовании? – поинтересовался Хота.

– Да, в общем, нет, протез слушается как родная рука, и для создания символов вполне пригоден, только вот отпечатки отсутствуют, но это совсем не проблема на мой взгляд.

– Можете что-нибудь продемонстрировать?

– Господа, мне тоже интересно, но, Сергей, давайте без излишеств, вот вам свечи, – произнёс голос из кресла рядом с камином, и за столом разом потухли все свечи.

– Игнат, благодарю, не пришлось выдумывать что-нибудь не несущее смерть и катаклизмы, – произнёс Сергей и протезом начертил давно знакомый символ воспламенения, все свечи разом загорелись.

– Восхитительно, – произнёс шаман, – было бы неплохо познакомиться с этим ювелиром.

– Хота, прошло больше семидесяти лет, я сомневаюсь, что он всё ещё живет там же, или вообще в той стране, – ответил некромант.

– Я понимаю, это было скорее риторическое высказывание, вероятно, его и в живых уже нет.

– Господа, Ксения, ужин закончен, прошу покинуть обеденный зал.

Вечер четвёртый

– Хотя, может вы нам тоже, что-нибудь расскажете? – поинтересовалась девушка, как только гости собрались за очередным ужином.

– Конечно, как недавно выразился Семён, за этим столом нет святых, и моя история тоже изобилует кровопролитием. Но прежде чем я начну, Сергей ответьте всем на несколько моих вопросов.

– Если это поможет вашему рассказу, конечно, спрашивайте.

– Вы часто общались с духами?

– Почти всё, что я умею, я узнал либо от них, либо из очень древних книг, и всё равно предки исправляли то, что было в них написано, кривые переводы, малограмотные писари, сами понимаете, дословный перевод это одно, но значение слова на другом языке может иметь совершенно противоположный смысл.

– То есть, довольно часто, хорошо, следующий вопрос, это очень важно, иначе меня сочтут психопатом и маньяком.

– О, Хотя, не переживайте, после рассказов Семёна и Сергея, сомневаюсь, что ваша история будет ещё более безумной, – оторвался от бокала Борис.

– Поверьте, может показаться. Сергей, вы верите духам?

– Предки мне ни разу не врал и не давали, какие-либо ложные сведения, в отличие от людей или существ, так что верю безоговорочно.

– Я тоже.

Тсантса

– Этот мертв, не буду даже нож пачкать, – произнёс один из солдат, и опустил голову индейца обратно в ручей, лицом вниз.

– Майор, мы тут закончили, уходим? – раздался голос издалека.

– Да, сворачиваемся.

Солдаты ушли, оставив за собой полностью вырезанное поселение местных жителей. Кровь пропитывала землю, копилась в лужи, стекала в ручей, перекрашивая воду в багровый цвет. Внезапно вся тёмно-красная жидкость изменила направление и начал скапливаться возле головы индейца. Вода в этом месте стала почти чёрной, мужчина очнулся и резко отпрянул от ручья, сев на землю, из тёмного пятна вытянулись две костлявые руки, схватили его за голову и макнули обратно в ручей. Он упёрся в землю, пытаясь высвободиться, но сопротивление не дало результатов, пятно проникло в него, через глаза, рот, уши и нос, и чем больше тёмной крови попадало внутрь, тем белее становились его волосы, некогда бывшими чёрными как смола. Вскоре вода стала прозрачной, а индеец, не испытывая дискомфорта от отсутствия воздуха, уже спокойно смотрел на дно ручья, где видел

сотни лиц. Старики, дети, женщины и мужчины смотрели на него со дна, среди них были и знакомые. Одно из них подплыло ближе, это был старейшина их поселения.

– Мы вернули тебя, – произнесло лицо, – и дали силу, способную на невероятные вещи, теперь ты белый ворон, изгой всех племён и рас земных, шаман на крови, и сила твоя черна как небо без звёзд, ибо она наша месть тем, кто задумал зло и только большей тьмой можно вытравить тьму из душ. Мы не оставим тебя, научим и покажем, как ей управлять, но для начала, ты должен найти мою голову, она будет связью с нами. Иди.

Лица на дне ручья растворились, оставив за собой только лёгкую дымку. Белый ворон поднял голову из воды, медленно встал на ноги, огляделся, кровь из тел убитых больше не сочилась, лужи тоже иссохли, оставив за собой только тёмные пятна на жёлтом песке. Из оружия во всём поселении остался только нож и один томагавк, и те он вынул из тел соплеменников, разместив всё это на поясе, индеец отправился по следам недавно ушедших солдат. Пешком преследовать конных было не самой лучшей идеей, но военные забрали всех лошадей, так что других вариантов просто не оставалось. Через пару миль, когда уже кончилась фляга с водой, его настигла жажда, ещё через милю голод. Вокруг была лишь бледно желтая пустошь, не было даже намёка на какую ни будь живность или источник воды, спустя ещё милю, усталость. Мокасины сносились до дыр на подошве, это

он почувствовал, когда под пяткой что-то хрустнуло и кольнуло чуть выше. Индеец остановился, подтянул ногу руками, к пятке прилип раздавленный скорпион, видимо последних сил насекомого хватило, чтобы вонзить жало в обидчика. Высосать яд было некому, поэтому шаман просто надрезал место укуса, на землю упали несколько капель крови, и почти мгновенно впитались. Голод взял верх. Прихватив членистоногое за жало, отлепил от пятки и погрузил в рот, на зубах захрустел хитин и песок. Через несколько секунд, жажда, голод и усталость отступили, не осталось даже намёка, на то что, он только что прошёл четыре мили. Сняв остатки мокасин, он продолжил путь.

В сумерках солдаты не стали бы продолжать поход по неизвестной им земле, и должны были разбить лагерь, индеец решил ускориться и перешёл на бег. Даже спустя полмили усталость так и не вернулась, как и остальные мешавшие путнику чувства. Что же послужило причиной их отсутствия, небольшой перекус, или яд, отравление которым так и не наступило, осталось для индейца загадкой, но не на долго. Впереди показались огни костров, шаман нашел удобную для обзора точку и стал наблюдать. Порядка десяти часовых по периметру, ещё пятеро бродят в тридцати метрах от первой линии постовых, с ружьями наизготовку, двое охранников у штабной палатки. Всего в лагере было около пятидесяти человек, у каждого по ружью и что-то из холодного оружия, даже в подвыпившем состоянии, отмечая недавнюю «победу».

они представляли немалую опасность. Против ножа и томагавка, что были у Ворона, внезапная атака с попыткой перебить, как можно больше и при этом уцелеть самому была обречена. Языка солдат он так же не знал, так что все попытки перейти к диалогу были бы тщетны, оставалось только одно.

Индеец поднял всё имевшееся оружие над головой, и пошел навстречу ближайшему дозорному.

– Стой, – крикнул солдат, направив на шамана ружьё.

Ворон остановился, убей он сейчас дозорного, лагерь встретил бы его свинцовым дождём, и близко бы не подпустив, а где-то там, в одной из палаток, как трофей, и находилась голова старейшины.

– Бросай оружие, – и жестом продублировал, приказ, – на землю.

Индеец выполнил всё, что от него требовалось. Военный подошёл ближе, и ударом приклада в голову лишил пленного сознания. Привели в чувства его уже у общего костра единственного в лагере, в присутствии майора, со связанными спереди руками, всё как он и планировал.

– Что делать с этим краснокожим? – задал вопрос тот самый часовой, пленивший шамана, – окрестности мы проверили, он один.

– Позовите сержанта, сейчас узнаем, зачем он сюда пришёл.

Через минуту прибыл не малых размеров переводчик, и он, путая слова местами, а иногда просто пропуская их, но в

целом изъясняясь доходчиво, начал допрос.

– Индеец, зачем ты пришёл?

– Я пришёл забрать одну вещь.

– Думаешь, что мы тебе что-то должны?

– Вы взяли это не по праву.

– Даже если это так, как ты собрался это у нас забрать?

– Я не желаю, смерти никому из вас, просто отдайте и я уйду.

– Он не хочет никого из нас убивать, – произнёс сержант на своём языке, и отряд разразился хохотом, и уже обращаясь к индейцу, продолжил – что ты хочешь, чтобы мы тебе вернули?

– Голову моего старейшины.

– Кто забрал голову его вождя? Верните, – опять произнёс сержант на своём языке, все опять рассмеялись, – майор?

– Убей его и выбрось в отхожую яму, – отозвался командир.

– Краснокожий, ты зря сюда пришёл, – с этими словами сержант, достал нож.

– Постой, отдай нож другому, и ты умрёшь последним, – произнёс индеец.

– Это твоё последнее желание? – засмеялся здоровяк.

– Это твоё желание, не отдашь, я убью тебя первым.

– Хорошо, я сочту это как предсмертную шутку, – на своём языке он крикнул, кому-то в толпе – эй, Билли, иди сюда, у тебя же ещё нет скальпа.

– Нет, сержант, – вышел из толпы рядовой.

– Только сначала в сердце, а то он будет дёргаться, если сразу срезать, и тогда скальп будет неровным.

Билл взял тесак сержанта и с размаху засадил в грудь шамана, но тот увернулся и нож вонзился в плечо. В глазах индейца потемнело на долю секунды, но не более. Резко дернув руки вверх, он разрезал верёвки об остатки торчащего лезвия, выхватил нож и воткнул рядовому в нижнюю челюсть с такой силой, так что остриё показался из верхушки черепа.

– Беги, – глядя на сержанта, произнёс Ворон, поднимаясь на ноги и попутно вынимая нож из головы солдата.

Мертвец рухнул в костёр, задев котелок с водой, огонь мгновенно погас, наступила кромешная тьма. С разных сторон начали раздаваться выстрелы, глухие удары, крики. Солдаты, у кого было при себе оружие, стреляли на любой шорох, движение, крик, но все пули и удары приходились по своим. Шамана уже не было в это время возле костра, он не спеша прохаживался между рядами палаток, отлавливая сбегающих и добывая раненных. Когда стих последний стон и замолчало последнее ружье, индеец направился к штабной палатке, приподнял полог и тут же получил пулю в плечо, на перезарядку требовалось время. Он зашел, внутри были сержант и майор, первый возился с ружьем, второй освещал помещение, держа в трясущихся руках свечу.

– Где голова, – обратился к присутствующим индеец.

Понимая цель прибытия индейца даже без слов на чужом

языке, свободной рукой майор достал из-под стола мешок с проступившими пятнами крови, и протянул шаману. И в то же мгновенье лишился этой руки, мешок упал на стол, свеча на землю – военный рефлекторно схватился за обрубок. В палатке воцарилась тьма, но только для двоих, индеец видел всё превосходно, перерезав горло старшему по званию, он бесшумно подкрался к сержанту и приставил нож к его шее.

– Я выполнил твоё желание, но вы все могли бы выжить, если бы просто выполнили моё.

– Кто ты?

– Мечь тех, кого вы убили у ручья, – ответил индеец и пустил кровь последнему живому в лагере.

Достав содержимое мешка, он вышел из палатки, сел на землю, посмотрел на знакомое с детства, теперь безжизненное, лицо. Когда-то давно, этот человек держал новорожденного, которого теперь нарёк Белым Вороном, двумя руками, так же как сейчас шаман держал его голову.

– Что дальше? – задал он вопрос, не понимая, откуда должен прийти ответ.

– Ты знаешь, как обращаться с трофеями, так мы будем с тобой общаться, – индеец посмотрел на голову, глаза были закрыты, рот приоткрыт, как раз из него доносились слова, – мой голос слышишь только ты, вернись в поселение и захорони всех, кто остался там и тех, кого ты оставил здесь. В дальнейшем пути тебе понадобится переводчик, тот здоровяк неплохо справлялся.

За следующую неделю индеец похоронил около ста человек, в перерывах между выкапыванием могил и похоронами, занимался двумя трофеями. Этой науке их начинали обучать в подростковом возрасте, аккуратно снять кожу с черепа разрезав на затылке, убрать всю лишнюю плоть, мясо, мышцы. Затем в ход пошли камни, раскалённые в костре, потом песок, занятие было длительным и кропотливым. Требовалось сохранить облик врага, неузнаваемая тсантса безобразна и обесмыслена, если никто не может узнать в трофее своего друга, командира или родственника, то зачем нужен такой трофей? Но они получились хороши. С последним похороненным телом закончилась и обработка сушёных голов, которые нашли своё место на поясе шамана, рядом с ножнами. Он присел у костра.

– Я закончил, – обратился к одному из трофеев шаман.

– Хорошая работа, – отозвалась голова.

– Вы обещали научить меня пользоваться полученной силой.

– У всего есть своя цена, как шкуры убитых зверей меняют на орудия, так ты будешь менять свою кровь на необходимый навык, вчера ты получил иммунитет к ядам и насыщение, в лагере мы дали тебе возможность видеть в темноте как ночные звери, и их бесшумную поступь. Кровь должна попасть на землю, только тогда мы её примем, ведь сами мы тоже находимся в ней. Как только очередное дело завершено, мы возвращаем себе то, чем тебя наградили, и никак

иначе, но чем больше будет твоя жертва, тем больше ты можешь просить у нас, знай пределы своей жертве, второй раз вернуть тебя к жизни у нас не выйдет.

– Каковы размеры жертвы?

– Пары капель достаточно чтобы утолить жажду и продолжить путь, увеличь в три раза и получишь контроль над животным, пролей ещё столько же и можешь просить особенности зверей, добавишь ещё и можешь рассчитывать на помощника.

– Помощника?

– Ты думал мы оставим тебя одного? Сможешь призвать голема, но это на самый крайний случай, такая жертва очень велика.

– Надеюсь, до этого не дойдёт, куда мне отправляться?

– Туда где солнце встаёт, на побережье живет человек промышляющий работорговлей. А по пути, найди охотника за скальпами по имени Томас Джонс.

Шаман набрал во флягу воды, запряг коня, полоснул по руке одним из ножей, обронив на землю несколько капель крови, остальное растёр по шее скакуна.

– Скачи без усталости мой друг, – с этими словами оседлал животное и отправился на поиски первой жертвы.

Едва начало смеркаться, он остановился на ночлег, подобрав сносное место на небольшом взгорке, окружённом большими камнями. Развел костёр, воткнул ветку в землю и

повесил на неё трофеи.

– Сержант, – произнёс индеец, укладываясь на землю.

Маленькие губы на ссохшейся, до размеров мандарина, голове разжались и зашевелились.

– Что произошло? Где я?

– Ты мёртв, и теперь ты мой трофей, и будешь оставаться таким до тех пор, пока надобность в тебе не отпадёт.

– И какая от меня может быть польза в таком состоянии?

– Ты будешь учить меня своему языку, обычаям, и всему что сочтёшь нужным. Как только я решу, что полученных знаний для меня достаточно, я позволю твоему духу упокоиться. А до тех пор, ты будешь заключён в этом трофее.

– Выбора у меня нет, как я полагаю, когда ты хочешь начать?

– Мне не доставляет особой радости возить с собой твою голову, так что прямо сейчас.

– Хорошо, но для начала тебе было бы неплохо сменить одежду, в таком виде, тебя на милю ни к одному городу не подпустят.

– Этим я займусь завтра. Как на вашем языке будет звучать фраза «где найти Томаса Джонса»?

Створки салуна распахнулись и на пороге появился краснокожий в широких штанах с бахромой, на каждом бедре были закреплены метательные ножи, всего около пяти штук, на поясе висели ещё два ножа, один большой армейский,

другой кхукри. Серая рубашка с закатанными по локоть рукавами, поверх, кожаный жилет, скрывавший кобуру с двумя пистолетами, красный платок, повязанный на шее и широкополая шляпа, из-за спины торчала рукоять армейского ружья. На левом предплечье виднелась пара свежих порезов, кровь всё ещё сочилась, и медленно сползая по пальцам, капала на пол.

– Где найти Томаса Джонса, – с порога задал вопрос он.

– Это смотря кто спрашивает, – раздался голос из-за барной стойки.

– У меня к нему деловое предложение по обмену скальпов на меха.

– Краснокожий, ты хочешь предложить мне свой скальп? – незнакомец обернулся, – я вашу манеру речи узнаю среди тысячи других языков, так ты за смертью сюда пришел?

– Не совсем, я пришел с предложением сделки.

– Занятно, я, наверное, даже послушаю, джентльмены, дадим слово этому индейцу?

– Конечно Том, всегда надо давать последнее слово, – произнёс кто-то из-за столика в углу помещения.

– Начинай краснокожий.

– Ты снял больше пятидесяти скальпов с моих сородичей, я предлагаю тебе, оставить это занятие, выкупить все проданные трофеи и с должными воинам почестями их захоронить, а оставшиеся деньги раздать нищим. И я оставлю тебе

жизнь.

– А в противном случае?

– Я убью тебя, и всех, кто попытается мне помешать.

– Здесь почти вся моя банда, пятнадцать человек, в случае если тебе каким-то чудом удастся убить хотя бы одного или двоих, на выстрелы прибегут остальные десять. Как я понимаю, ты здесь один и каким же образом ты собираешься добраться до меня если тебе придется иметь дело с двадцатью отлично подготовленными стрелками?

– Ты что-нибудь слышал про третью роту девятого батальона?

– Думаю каждый слышал про неё, они потерялись, все погибли от жажды, голода и диких животных.

Индеец снял один из трофеев, бросил Джонсу.

– Это сержант Бартоломео Грин, есть в этом зале те, кто его знал и способны подтвердить его личность?

– Да, я служил с ним лет пять назад, он не плохо знал язык краснокожих, Том, дай глянуть, – получив трофей незнакомец, изучал его с пол минуты и дал своё заключение, – да, это точно он, только теперь похож на карлика.

– Верни мой трофей, – индеец жестом повторил фразу, – никто из них не умер естественной смертью, не был обезвожен, или растерзан зверьми, семьдесят человек не могли просто заблудиться в пустыне, особенно при наличии, такого проводника, как Грин.

– Индеец, к чему ты клонишь? Откуда мне знать, что ты

просто не нашел его труп в пустыне и не отрезал голову.

– Ты говоришь, что знаешь звук нашей речи, но понятия не имеешь о наших традициях, мёртвый, найденный в пустыне подлежит захоронению, и трофеем стать не может, так как не был убит в бою, тобой лично. И если вы, не соблюдаете свои традиции, которых у вас, скорее всего не так много, то мы свои чтим и уважаем. Это я перебил ту роту за одну ночь, и потом хоронил ещё четыре дня, если есть желание проверить, могу показать место на карте, где находиться их братская могила. А теперь скажи мне бледнолицый, какие шансы у двадцати шести человек, против того, кто смог перебить семь десятков солдат, обученных воевать и убивать, не смотря на ранения и прочие тяготы? Но я так понимаю ты уже принял решение, относительно этой ситуации, тогда я спрошу остальных, есть ли желающие покинуть данное заведение, если есть, прошу, – индеец, приотворил одну створку, и сделал приглашительный жест рукой.

Несколько куртизанок и пара мужчин вышли из салуна, осталось ровно пятнадцать человек.

– И почему все выбирают смерть.

Джонсон успел только опустить руку за ружьем, как два томагавка вынутые из-за спины мгновенно нашли свои цели по разные стороны помещения. Затем тесак, добытый у сержанта, лишил руки с пистолетом, а следом и головы, ещё одного охотника за скальпами. Разбитая об стол бутылка вонзилась в горло третьему. В правую сторону салуна полетел

всё тот же огромный нож, и, срезав часть кисти одного из бандитов, вонзился в грудь другому.

– Том, пять жизней и один уже никогда не сможет стрелять как раньше, вот первая плата за твой отказ от сделки, – крикнул шаман, притаившись за столбом.

Смерть продолжила наступление. Один метательный нож попал в шею пытавшемуся сбежать, ещё пара вонзилась в глазницы двоих за барной стойкой, раздался первый выстрел. Пуля вырвала кусок деревянного столба в пяти сантиметрах от лица индейца, следующая едва задела плечо. В ответ полетели оставшиеся два ножа, и каждый умертвил ещё по одному из спутников Томаса. Шаман достал пистолеты и ещё пара противников, притаившихся за столом на противоположном конце зала, были повержены. Пуля из ружья отправила на тот свет ещё двоих ворвавшихся в салун, пробив одному шею, а другому угодив грудь. Ударом приклада в горло, индеец уложил бросившегося на него с ножом, пристыковал штык и пошел в атаку. Пнув край стола, Хота подбросил в воздух большой пивной стакан, и ударив прикладом по дну изделия отправил его в лицо очередного нападавшего. Стеклянная тара разбилась о череп, сломав нос и лишив его зрения, два точных удара штыка, добились покалеченных. Шаман оказался в центре зала, напротив Джонсона, правой рукой он держал ружье за цевье, а левой не спеша вынимал кхукри из ножен. Охотник за скальпами держал индейца на мушке. Слегка скрипнула створка салуна. Ворон едва замет-

но сделал пол оборота телом, и пуля, предназначенная ему, угодила в одного из спутников Тома, следом полетел нож, навечно пригвоздив к земле бегущего следом.

– Я насчитал восемнадцать, остальные либо слишком пьяны чтобы прийти, либо трусы, либо их никогда и не было. Томас, девятнадцать жизней, не слишком большая цена?

– Кто ты такой чёрт возьми?

– Теперь не важно, надо было принимать условия, – молниеносный выпад штыком, забрал девятнадцатую жизнь.

Вынув из тел убитых свой скарб, шаман направился дальше.

Торговца рабами было найти немного проще, его знала вся округа, и несколько соседних городов. А вот пробраться к нему, дабы предложить сделку оказалось сложнее, чем попасть в охраняемый лагерь военных, его оберегала целая армия. Около двух десятков в поместье, не меньше шестидесяти человек по периметру и больше сотни человек в шаговой доступности, готовые прибыть по первому выстрелу, команде или удару колокола. До звонаря было добраться так же не просто, как и до хозяина дома. Поэтому вариант со скрытным проникновением сразу отметался, осталась ещё пара. Первый, попробовать попасть на приём, но для этого была необходима некоторая сумма денег, в виде залога дальнейшего совместного сотрудничества, либо товар, ни того, ни другого у индейца не было. Второй вариант больше напо-

минал самоубийство, идти напролом. Именно его и выбрал шаман, но для этого требовался отвлекающий манёвр или диверсия, один, против минимум ста восьмидесяти наёмников ни днём, ни ночью он бы не выстоял. Это не семьдесят нетрезвых солдат и тем более не двадцать бандитов, обученных расстреливать и резать безоружных, это было войско отборных убийц, способных за звон серебра устроить переворот в небольшом государстве. Судя по всему, пришло время для большой жертвы, других путей выполнить поручение предков не было. Нужен был помощник, из подручных материалов была земля, несколько деревьев и скотобойня, что располагалась неподалёку, земля и дерево не смогли бы стать укрытием на некоторое время в случае необходимости, а вот мясо и кости вполне. Попасть на скотобойню не составило особых усилий, охраны не было, замок на воротах поддался со второго удара кхукри. Шаман сел, скрестив ноги, напротив кучи не перерабатываемых отходов мясного производства, три раза полоснул по правой руке, три по левой, уперся ими в землю, и стал взывать к помощи предков. Кровь пульсациями выбивалась из тела индейца и ровным потоком спускалась по запястьям к земле, там она незамедлительно впитывалась и едва заметными волнами расходилась по грунту.

– Твоя жертва велика, чего ты хочешь, – отозвалась одна из сушеных голов, висящих на поясе индейца.

– Я не смогу выполнить ваше задание в одиночку, мне

нужна помощь.

– Мы обещали союзника, из чего ты хочешь его сотворить?

– Эти останки животных подойдут, оживите их, и я приступлю.

– Как пожелаешь.

Куча костей, голов и мяса скота зашевелилась, начала подниматься приобретая образ человекоподобного существа. Сначала сформировался плечевой пояс и руки, костные и хрящевые ткани начали сращиваться в скелет и суставы, три бедренных кости коров или лошадей составляли собой плечо, столько же предплечье. Мышцы, как и голова были не нужны этому существу, им управляли силы другого мира – мира мертвых. Сухожилия расплетались на нити и укрепляли суставы, состоящие из нескольких скрепленных вместе позвоночников, на это же шли гривы и хвосты лошадей, коров, руки, точнее кулаки без пальцев состояли из трёх голов рогатого скота, связанных вместе рогами наружу, обращённых ртами к предплечью. Это были скорее не кулаки, а огромные палицы, размером с большой сундук, из центра и глазниц торчали куски костей, спиленных или раздробленных, встретившись с таким у врага не было шансов, даже вскользь нанесённый удар порвал, порезал, искромсал бы любого в ошмётки. Торс и ноги были воспроизведены из всего что осталось, самые длинные кости, расположенные вертикально, составляли грудную клетку, более короткие рас-

ставленные таким же путём превратились в поясничный отдел, всё это обросло кусками мяса, шкур, волос. И головами, лошадиные внутри, для укрепления остова, бычьи с рогами, снаружи, два на том месте где должен быть живот и по пять на грудной клетке и спине, расположенные в шахматном порядке, для дополнительной защиты и увеличения поражающих элементов на теле. Так же куски голов пошли на создание тазовой части, из лобковой кости торчали ещё два рога, пусть и спиленных, ещё две черепа, представляли собой ягодицы. Четыре целых головы вместе с кусками шей пошли на колени и прилегающие части, из разорванных ртов коров торчали по три бедренных кости, связанные сухожилиями и гривами, и продолжались ещё двумя бычьими головами с внушительного размера рогами. Ступни тоже состояли из черепов, по паре на каждую. Поверх всё это обрастало оставшимся мясом, кусками, если быть точнее. Шаман даже представить себе не мог, на сколько омерзительным выйдет это существо. Голем упал на колени, ударив огромными кулаками в землю, куски костей вонзились в грунт, как стрела в шею молодого оленя, всё вокруг содрогнулось. Индеец поднялся на ноги, даже стоя на четвереньках тварь была выше его в полтора раза, от неё несло загнивающей плотью, ненавистью, смертью, всем тем, из чего смогли собрать её предки, и что смогли в неё вложить. Если бы на нём были ещё и людские головы с черепами, то голема приняли бы в аду с почестями, хотя примерно туда и предстоял путь. Ворон

распахнул ворота.

Дорога лежала через небольшую плантацию табака, по обе стороны которой стояло по три наблюдательных вышки со стрелками, так же два барака в десятке шагов от поместья, судя по всему там и располагались основные силы противника. Голем встал во весь рост и оказался немногим выше сторожевых пунктов по бокам, он направился к правой стороне, шаман к левой. Существо особо не церемонилось, левой рукой сбивало опоры, а правой било сверху, сминая всё что осталось после обрушения, индеец действовал осторожнее, снимал часовых метательными ножами и томагавками, это занимало больше времени, однако все поднятые по тревоге силы были направлены на шум. Когда уже во всю звонил колокол, Ворон убил последнего наблюдателя и направился к поместью, путь был свободен.

Зрелище справа повергало в ужас. Наёмники наступали на голема, задние ряды расстреливали его из ружей и пистолетов, передние шли в рукопашную, некоторые в панике убегали. Но недалеко, их быстро настигали костяные гарпуны, пронзая насквозь, и притягивая к владельцу канатами, связанными из сухожилий скота. А всё что попадало к нему в мгновение ока становилось его частью, взращивая силу, утолщая конечности, увеличивая костяную и мясную броню, снабжая её ножами, штыками, мечами, теперь плечи и кулаки обрамляли головы наёмников, ноги и руки были укреплены людскими конечностями, а местами и людьми целиком.

Голем крепчал на глазах, каждый убитый враг, тот что не был растоптан или превращён в фарш, становился его частью, а те, кто превратился в бесформенное месиво подпитывали его силы своей кровью. Шаман беспрепятственно зашёл в дом и поднялся в комнату владельца, тот в одиночестве стоял у окна и наблюдал за происходящим.

– Так же, как и другим, я предоставляю тебе выбор, – обратился к хозяину Ворон.

– Боюсь ты не оставил мне выбора, – не дал закончить вошедшему работороговец, – я собрал лучших бойцов с нескольких континентов, тех, кто принимал участие во многих сражениях, будь то война, драка на арене, или битва с самим собой. Они создали всю мою империю, меня боялись, уважали, ценили, но больше, наверное, всё-таки боялись, только благодаря им. Большинство своих дел я проводил под прикрытием этих воинов, и никто не смел мне перечить при виде их. Самые крепкие, выносливые и бесстрашные бойцы, сейчас они бегут в панике от существа, что не ровня им, от твари, сминающей их как цыплят сапогом. Они не могут даже посмотреть в лицо своей смерти, потому что лица то и нет, и никогда не узнают, что по сути убил их ты, маленький человек, тот, которого они в толпе рабов и не отследили бы.

– У тебя всё ещё есть твоя жизнь.

– Как только мои партнёры узнают, что больше у меня нет моей армии, меня найдут, где бы я не прятался, растопчут,

протащат за лошадьё или скормят собакам. Через пару минут всё будет кончено. Ты не оставил мне выбора индеец, – с этими словами он достал пистолет, упёр ствол в подбородок и спустил курок.

Дальнейший путь лежал через океан, чтобы перебраться через него шаману пришлось весьма длительное время искать контрабандистов, плывущих в Японию. И такие нашлись.

Прошло больше пяти лет, с тех пор как Ворон с помощью предков оживлял голема и нападал на поместье работорговца, теперь он высадился на берегах страны восходящего солнца, голову сержанта, он захоронил на родной солдату стороне, где ей было самое место. На этой, чужой земле, ему так же требовался переводчик, или тот, кто способен обучить его местному языку, для этого вполне подошёл ближайший монастырь, где он не только изучил местную грамоту, не без помощи предков довольно быстро, но также овладел искусством владения дайто и сёто. Здесь же ему набили первые татуировки шлем и несколько иероглифов со значениями «дух воина», «память об ушедших» и «верность традициям». Следующий приговорённый предками находился в тюрьме, это был глава местного разбойничьего клана, нахождение за решёткой не мешало ему продолжать грабить и убивать, руками своих многочисленных подчинённых. Попастъ туда, шаману не составило особого труда, оказалось доста-

точным обворовать пару местных торговцев, через несколько часов нужный человек был найден, на общем дворе, сидящим с огромным чёрным котом на руках.

– Хитоши Тэкео, – окликнул незнакомца индеец, – у тебя есть выбор.

– Чужеземец, выбор есть у всех, даже на смертном одре, можно отправиться к праотцам с честью, или быть убитым как скот. Что ты хочешь предложить мне?

– Твою жизнь, взамен ты оставишь своё ремесло, и распустишь свой клан.

– Очень интересное предложение, я вижу на твоих руках шрамы под татуировками, и судя по рисункам ты не из тех, кто отдаст свою жизнь дешево. Я знал одного человека менявшего свою кровь на дары предков, и они были колоссальной силы, никто так и не смог одолеть его, пока он не попросил у духов слишком много. Это его и убило. Я сделаю тебе встречное предложение, сразись с моим воином, если победишь, я распушу свой клан, в противном случае уйдешь с достоинством, и не опозоришь рисунки на своём теле.

– Согласен, это достойное предложение, где мой соперник?

– Вот, – Хитоши опустил кота на землю.

Мохнатый протяжно зевнул, потянулся. Дальнейшие метаморфозы весьма удивили индейца, кот не спеша пошёл вперёд, мерно виляя двумя необычайно длинными хвостами, слегка опёрся на задние лапы выпрыгнул вперёд. В по-

лётё он обратился тёмной дымкой размером со старое пере-кати-поле, и примерно такой же неправильной, но близкой к шару, форме, ненадолго повис над землёй, и уже в следующую секунду перед шаманом стоял молодой человек лет двадцати пяти, с пышными чёрными усами и накинутом на голое тело длинном тёмно-сером кимоно, всё с теми же хвостами за спиной.

– Это Бакэнэко, как-то давно, он раненный пришел ко моему порогу, и с тех пор живёт у меня. Какое оружие выбираешь, чужеземец?

– Дайто.

– Хороший выбор, охрана, дайто и нагамаки, – через несколько мгновений принесли оружие, – думаю на своём пути ты одержал уже не мало побед, но с такими существами ещё не встречался, проси у предков то что тебе нужно.

Демон ждал, пока шаман выберет подходящий для подобного боя навык и принесёт свою жертву, покачивая хвостами. Только кошачьи способны на такое хладнокровие перед убийством, высиживать в засаде длительное время, чтобы атаковать свою жертву в самый подходящий момент. Так же он и сражался. Даже в облике человека, сохранив мягкую поступь, не производящую шума, не поднимающую пыли, плавные движения рук и ног, грациозные выпады, ответные удары, оборона. В нём сочеталось не только кошачье проворство, но и опыт умелого воина, судя по всему он тренировался с тех пор как попал в дом к Хитоши. Никаких глупых уда-

ров, или необдуманных шагов, подготовленный солдат был бы убит на первой минуте боя, простой человек вовсе бы не заметил приближение смерти. Но в этой схватке сошлись не люди.

Бакэнэко закрутился волчком, нанося молниеносные удары. Сталь звенела. Всё быстрее, всё точнее. Но ни один из них не достигал цели. Сталь искрилась. Через некоторое время клинки соперников невозможно было различить. Сталь пела. Слившиеся в единое марево отблесков и искр, так же, как и звуки боя, дыхание, шаги, звон металла соединились в один монотонный гул. Казалось, воздух вокруг задрожал, упившись энергией бойцов. Демона выдали хвосты. Они, как и у всех кошачьих играли роль балансира, стабилизации перед прыжком, сильным выпадом или ударом, чтобы сохранить равновесие один или оба хвоста отклонялись в стороны. Хотя парировал удар сверху. Перенёс левую руку на лезвие и со всей силы приложил рукоятью нос противника. Брызнула кровь, оборотень замешкался. И в то же мгновение лишился одного хвоста, нечеловечески взвизгнув существо, выронило оружие, обернулось мохнатым и исчезло в ближайшем тёмном углу.

– У демонов нет законов чести, спасти себя для них куда важнее, но я ещё ни разу не видел, как он убегал от схватки, равно как и проигрывал. Чужеземец, ты победил, – глава жестом подозвал к себе помощника, что-то шепнул на ухо, – охрана, выпустите его, пусть вернёт торговцам то что украл.

– Надеюсь мне не придётся возвращаться.

– Уж поверь, много людей погибло в стычке с таким же как ты, я не хочу, чтобы кто-то из клана сложил голову из-за неверного решения принятого мной, а защищать меня их обяжет честь. Прощай чужеземец.

– Каждому ты позволил выбрать свою дальнейшую судьбу, – заговорила голова на поясе индейца, – почему?

– Я верю, что даже злой человек способен на благие поступки, он не перестанет быть собой, но он может постараться больше никому не вредить. Как вы и говорили, тьму можно вытравить, только большей тьмой, но для этого не обязательно придавать человека земле. Достаточно показать, как близко к ней он находятся, и что каждый следующий шаг, может быть шагом в пропасть. А иногда находятся и те, кто в эту пропасть может столкнуть.

– Это не лишено смысла. Твоя нога тоже оставляет след, всегда помни об этом, ты пока не встречал способных сбросить тебя, но обязательно столкнёшься с подобными. Что делать со следующим человеком решать только тебе, пока он не совершил зла, но совершит его не мало, пока он не совершал добра, и его будет не меньше. Твой путь на запад.

Мимо индейца проносились поселения, леса и степи, города, реки и горы, но голова на поясе молчала. Ни слова, ни звука, пока однажды ночью, проезжая верхом через очеред-

ное селение, шаман не услышал кроткое «Здесь». Спешившись и привязав коня к ближайшей изгороди, он медленно побрёл вдоль старых покосившихся домов. «Он» вновь раздался голос, когда взгляд Ворона на мгновение задержался на плетёной люльке, висевшей в окне одного из жилищ. Внутри спал младенец, нескольких месяцев отроду, индеец срезал веревку, на которой держалась колыбель, и покинул деревню.

Расположившись на утёсе с видом на реку, он снял трофей с пояса.

– Вы желаете смерти младенца?

– Мы видим его пути, то кем он может стать, если пойдёт не той дорогой.

– Он ещё не принял ни одного решения в своей жизни, откуда вам знать, что он выберет не ту сторону?

– Мы не знаем, пытаемся предотвратить.

– Предотвратить? Рано или поздно любой человек совершает злой поступок, обдуманно или нет, но все. И сколько ещё придётся убить младенцев?

– Мы не видим всех, мы видим только исключительных, тех, чьи жизни могут склонить весы, пошатнуть гармонию. Он сможет.

– Так не будет. Не от моей руки, я не лишу человека жизни, только за то, кем он может стать или не стать, если всё же он выберет путь зла, я приду за ним, но всё так же со сделкой.

– Позже ты не сможешь его одолеть, сейчас или никогда.

– Значит никогда, выбор должен быть у всех, будет и у него.

– Тогда мы закончим сами, ступай Белый Ворон.

– Нет.

Лес позади индейца ожил, зашелестела листва, захрустели ветки, на утёс вышел медведь. На морде было несколько царапин, один клык сломан, уши порваны, из левой лапы торчали три обломанные стрелы, размера он был исполнинского, вполне мог одной лапой перебить хребет взрослому быку. Зверь встал на задние лапы, затмевая собой лес и восходящее солнце, заревел, птицы на добрую милю вокруг взмыли в воздух. Вынутый в мгновение ока меч, смог нанести только два удара, перед тем как мощный удар огромной лапы сбил человека с ног и лишил основного оружия. Шаман достал сёто и не поднимаясь с колен нырнул под занесённую для следующего удара лапу, короткий меч вонзился в плечевой бугор. Зверь зарычал и встал на задние лапы, тесак сержанта, все, что теперь осталось против могучего хищника. Когти пару раз мелькнули перед лицом человека, так и не достигнув цели, медведь вновь встал на четыре конечности и попытался вцепиться в противника зубами, но вместо желаемого получил ещё один шрам на морде, ещё рывок и ещё порез. Следующая атака стала для хищника последней, в слегка наклоненную для укуса голову, снизу, по самую рукоять, вонзился армейский нож. Безжизненная туша сбила с ног и придавила Ворона.

– Вставай изгой, – заговорил знакомый голос, – твой путь кончается не здесь. Ты воспротивился нашему слову и теперь тебе решать, что делать дальше, но мы не откажем тебе в дарах, ведь ты наш выбор. Вставай.

– Да, действительно, – прервала на мгновенье повисшую тишину девушка, – если бы не ваши уточняющие вопросы, я бы действительно сочла вас психом, которого подталкивали на убийства голоса в голове.

– Поэтому я их и задал, – отозвался шаман, – в комнате есть ещё двое, чьих историй мы не слышали, и у меня как раз пара дней для завершения моих дел, Борис, расскажете нам что-нибудь завтра?

– Мне вам нечего поведать, кроме того, что вы все уже рассказали, – начал Борис.

– Собираетесь пересказать нам наши жизни? – не поняла девушка.

– Нет, не ваши, историю жизни одного, очень скрытного существа, как вы, Ксения, его называли, мясника, он очень умело скрывался от наблюдателей, как и от всех кто, пытался его найти, будь то силовые структуры любых стран, где он был, либо его недоброжелатели, которых за свою жизнь он нажил немало. У нас были только урывки сведений о нём, появился там-то, исчез, видели там-то, ушёл от преследования. Сейчас, благодаря вам всем, у нас есть более точные данные о его перемещениях. Хотя, тот младенец, которому

вы оставили жизнь и подкинули вместе с медвежьей шкурой, вон та самая шкура, – наблюдатель указал на обивку кресла, – Семён. Дуб, что вы вытащили из болота, его части пошли на остов для кресла, цыгана Пали, его же и прокляла цыганка Зара, подарив те навыки, которыми он воспользовался, выбивая глаз одному из великанов, которых, вы, Сергей и Василий встретили во время войны, и под занавес, история Ксении.

– Но зачем вам мясник? – задала единственный оставшийся вопрос девушка.

– Сам Яз, без сомнения интересная персона, данные о нём нужны нам для общего знания, но не более, однако у него была более важная информация для нас, он знал ювелира. Этот загадочный гражданин вообще нигде не попадался нам, и при этом изготавливал очень могущественные вещи, чего только стоит ваш браслет Сергей. Однако, даже после смерти, мясник, в вашем лице, Ксения, поможет нам восстановить полную картину жизни самого Яза, и очень надеюсь, предоставит координаты ювелира.

– Каким образом позволите узнать?

– Амулет что он вам дал, ещё при вас?

– Конечно, с тех пор я его не снимала.

– Вам никогда не приходила в голову мысль приделать его обратно?

– Нет, я подумала, если хозяин не смог за столько лет его прикрепить на место, то мне какой смысл пробовать?

– Не мог или не хотел? Готов поспорить, если вернуть его на законное место, произойдёт что-нибудь крайне интересное. Игнат Егорович, помогите даме с креслом.

Дворецкий вышел из своего тёмного угла, отодвинул кресло, Ксения сняла фигурку волка с шеи.

Едва волка вернули на место, внутри кресла сработал какой-то механизм, и из передней части сиденья выдвинулась небольшая полочка, подогнанная настолько искусно, что даже при тщательном осмотре её было невозможно заметить, а все оставшиеся недочёты и щели напрочь скрывал густой мех шкуры.

– Я полагаю там книга, – произнёс Борис.

– Как вы узнали? – с недоумением спросила девушка, и положила на стол талмуд в кожаном переплёте.

– Человеку, прожившему больше двухсот лет, есть о чём поведать, но когда все, с кем ты мог чем-то поделиться уже в земле, остаётся разговаривать с бумагой. Позволите? – наблюдатель указал на книгу.

– Да, пожалуйста, – Ксения протянула ему находку.

Борис открыл книгу и начал читать вслух.

– Я пишу это немного позже, чем должен был, опоздал, наверное, лет на семьдесят, из-за чего некоторые имена, даты и места могут быть перепутаны, а что-то вообще навсегда утчено за давностью лет. Но начну, пожалуй, сначала.

Имя, что дали люди, нашедшие меня завернутого в медвежью шкуру, с татарского переводится как лишённый, или

потерянный, в оригинале Язарган...

«В оформлении обложки использована иллюстрация с сайта <http://www.peakpx.com> по лицензии [Creative Commons CC0](#)»